
Россия, Русь! Храни себя, храни!

1-2
2021



Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий КИРИЛЛОВ. Довольно играть в «толерантность»!	3
Александр КАЗИН. Тёмный огонь	34
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Насаждение безграмотности	84
Николай СОМИН. Коммунизм, социализм и Церковь	127

ПРОЗА

Михаил СМИРНОВ. Души людские. Рассказ	9
Владимир ПРОНСКИЙ. Рассказы	42
Виктор БОЧЕНКОВ. День Победы. Рассказ	94
Ольга СЕВОСТЬЯНОВА. Рассказы	136

ПОЭЗИЯ

Виктор ДРОННИКОВ. Долгий свет. Стихи	26
Николай АЛЕШКОВ. Единственный август. Стихи	73
Валентина КОРОСТЕЛЁВА. Городов небогатые дети... Стихи	80
Сагидаш ЗУЛКАРНАЕВА. Соломка света. Стихи	117
Светлана ЛЕОНТЬЕВА. Зрячий голос. Стихи	124
Светлана СУПРУНОВА. Поэтические пародии	153

ДОСЬЕ «МГ»

Павел КРЕНЁВ. Битва за Россию	160
Мария МОНОМЕНОВА. Роман Абрамович и третий храм	184

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Борис ГАЛЕНИН. Император Павел: величие и святость	188
Валерий ГАБРУСЕНКО. Портсмутский мир: история предательства	208

СИМВОЛ ВЕРЫ

Геннадий БЕЛОВОЛОВ. Чем гордиться русскому человеку?	211
Виктор МАКСИМОВ. Цель и смысл жизни	217

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Валерий ФИЛИМОНОВ. Неопровержимые цифры и факты	223
Мария МОНОМЕНОВА. Запрещение раввина	226
Виталий КАРЮКОВ. Русские территории	229
Валентин СЕМЁНОВ. Телевизорное оглушение	231
Спасают «честь» нелюдей	233

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	237
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Людмила ВОРОБЬЁВА. На глаголице дальних миров. Философия космизма в поэзии Натальи Егоровой	255
--	-----

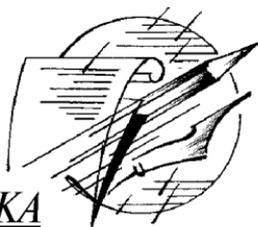
ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Павел БОЯНКОВ. «Приближается утро»	287
---	-----

ДОВОЛЬНО ИГРАТЬ В «ТОЛЕРАНТНОСТЬ»!

Искренне люблю Беларусь, переживаю за нее, слежу за обсуждением белорусской темы на российских телеканалах. А оттуда постоянно доносится: «конституционная реформа», «транзит власти», «политический процесс в Беларуси», «противостояние народа и президента» и т.д. Сам же Александр Григорьевич Лукашенко называет происходящее по-мужицки прямо и честно: против Республики Беларусь Западом ведется гибридная война. Да-да, война, чего стараются не замечать российские СМИ, за исключением разве что телеканала «Звезда», патриотических газет и журналов.

Теперь известно, нападение мирового олигархата тщательно готовилось. Финансировались НКО на территории Беларуси. Нарастивал силу находящийся под контролем польских спецслужб телеграм-канал НЕХТА. Анализировался украинский опыт. Обучались на зарубежных семинарах провокаторы. Создавались банды боевиков. Изготавливалась коллаборационистская красно-белая символика. Подбирались кандидаты в будущие «лидеры нации». Упор в информационной агрессии делался на молодежь. Не име-



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ющая житейского опыта, она легко поддается на обещания проплаченных демагогов.

С президентскими выборами гибридно-оранжевое колесо закрутилось и... дало осечку. Можно представить, чего стоило Лукашенко, силовикам сдерживать натиск, силу которого они, видимо, недооценили, однако не позволили ввергнуть страну в хаос. Надолго ли? Надо полагать, «гибридный спектакль» не окончен. Запад продолжит давить. Причем, к сожалению, с Западом и белорусской оппозицией солидаризируются определенные силы в России. Читаешь иные российские газеты, смотришь телеканалы, и диву даешься: а чем, собственно, отличаются они от польских или литовских СМИ, развернувших информационную травлю батьки? Ну ладно, с твердящим, что Лукашенко «выборы проиграл», Борисом Надеждиным — понятно, он завзятый либерал.

Особенно активничают в нападках на батьку выходцы из Беларуси — некий эксперт Болкунец, заместитель декана факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. Появились и новые, неизвестные доселе личности весьма экстремистского толка. В союзники к ним можно занести одиозные радио «Эхо Москвы», телеканал «Дождь» и даже журнал «Россия в глобальной политике», возглавляемый директором по научной работе Фонда поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», профессором НИИ ВШЭ Федором Лукьяновым. В своем телеграм-канале это издание печатает статьи белорусского русофоба Алексея Дзерманта.

Характерная деталь: большинство либеральных экспертов, замалчивая факт очевидной гибридной агрессии Запада против Беларуси, проводят единую линию на протипоставление «проигравшего» Лукашенко и народа, якобы «проголосовавшего за Тихановскую». То есть, с одной стороны, дискредитируется заслуженно победивший с огромным перевесом выдающийся государственный деятель, патриот своей Родины. С другой, возносится или, по крайней мере, ставится на один уровень с Лукашенко домохозяйка, ничего не смыслящая ни в политике, ни в экономике, несущая порой такую белиберду, что хоть стой, хоть падай. Ну и что с того, что литовский сейм признал Тихановскую «законным президентом Беларуси», а польское руководство встречало даму, как подобает встречать государственного деятеля? Мало ли сейчас абсурдного в нашей жизни и политических глупцов и авантюристов в ранге депутатов, политиков! Разумеется, никакого серьезного внимания со стороны российских телеканалов Тихановская не заслуживает. Она просто смешна в уго-

тованной ей роли. Пусть поляки и литовцы у себя дома о ней и пекутся. Нам-то зачем подыгрывать идеологам политического абсурда?

Еще одна регулярно внушаемая телезрителям «нашими» экспертами и даже некоторыми политиками мысль: если Александр Лукашенко сейчас не уйдет с президентского поста, то уж после обсуждения и принятия поправок к белорусской Конституции он сделает это обязательно. Иного, мол, не дано, надо лишь некоторое время потерпеть. Разумеется, так хотелось бы Западу и выпестованной им оппозиции. Но, позвольте, почему Александр Григорьевич должен уйти «обязательно». Если поправки позволят ему баллотироваться на новый президентский срок или быть руководителем в ином качестве, какой резон ему отказываться? В конце концов пусть решает это на референдуме белорусский народ.

Думается, в вопросе преемственности белорусской власти на позицию телеканалов влияют отдельные глобалистские (зависимые от Запада) российские корпорации. Не все из них неуступчивый Лукашенко устраивает. Вспомним нашу мевшую историю с «Беларуськалием», который хотел прибрать к своим рукам один из российских олигархов. Батка этому смело воспротивился. Или вот, скажем, среди «кандидатов» в президенты фигурировал Виктор Бабарико, руководитель Белгазпромбанка, принадлежащего, по сообщению еженедельника «Версия», «почти на 100 процентов «Газпрому». Между прочим этот самый господин Бабарико декларировал откровенно антироссийскую позицию: в частности, выход Беларуси из ОДКБ, отмену строительства БелАЭС. Любопытно, что он, как и другие несостоявшиеся белорусские «президенты», — В.Цепкало и С.Тихановская, по свидетельству «Пятой газеты», является гражданином Израиля. Как пишет эта газета, параллельно Бабарико — гражданин Великобритании, Цепкало — США, Тихановская — Литвы. И такие «патриоты» претендуют на то, чтобы руководить Беларусью. Так и хочется воскликнуть: «Доверчивые, добрые сябры, разуйте глаза!»

Обращает на себя внимание то, что российские телевизионщики, как и их западные коллеги, призывают «разобраться с насилием» со стороны белорусской власти, не говоря о покалеченных омоновцах, и пытаются добиться от представителей оппозиции «обещаний о готовности к диалогу с Лукашенко», хотя тема диалога — компетенция официальной белорусской власти. И вовсе наивными представляются задаваемые оппозиционерам вопросы типа: «Сохраните ли вы Беларусь в ОДКБ»? Ответить оппозиционеры могут все что

угодно, но не они решают. Решают США, мировой олигархат, а им, скажите, нужно ОДКБ? Им нужно Союзное государство России и Беларуси? Конечно, нет. Так что, господа эксперты и ведущие, перестаньте тратить словеса на то, чего не может быть в принципе. Цели организаторов гибридной агрессии против Беларуси ясны, конкретны. Беларусь им нужна как плацдарм против России, и если они добьются своей цели, «санитарный кордон» и «першинги» недалеко от Смоленска станут реальностью.

Не удивительно, что при такой информационной линии высветился на российских телеканалах и заединщик белорусской оппозиции, казалось бы, забытый русофоб, один из подписантов Беловежского соглашения Станислав Шушкевич. Он также лживо утверждал, что Лукашенко выборы проиграл, предложил ущемить в правах в Беларуси русский язык, а белорусскую церковь сделать автокефальной. Напомню: Шушкевич в начале 90-х годов, будучи президентом Беларуси, лелеял мечту включить ее, наряду с Прибалтикой и Украиной, в «санитарный кордон», которым до сих пор грезит Запад, прежде всего Польша. Только победа Александра Лукашенко на президентских выборах помешала тогда осуществить антироссийскую идею. Нашлось место в российских СМИ и Светлане Алексиевич. Просто удивительно, с каким захлестом и подбострастием отзываются о ней некоторые российские политологи и телеведущие: «выдающаяся писательница», «нобелевский лауреат». Будет вам лукавить, господа! На самом деле, писательница она средней руки, а возведена на пьедестал за свою русофобию. *«Два главных русских слова — война и тюрьма. Своровал, погулял, сел. Вышел — и опять сел. Русская жизнь должна быть злая, ничтожная. Тогда душа поднимается, она сознает, что не принадлежит этому миру. Чем грязнее и кровавее, тем больше для нее простора. Для новой революции нет ни сил, ни какого-то сумасшествия, куража нет. Русскому человеку нужна такая идея, чтобы мороз по коже. Так наша жизнь болтается между бардаком и баракком»*, — говорила Алексиевич в своей традиционной нобелевской лекции. А что касается самой Нобелевской премии, она давно политизирована и дискредитирована. Уже и Тихановскую прочат в лауреаты. И Шушкевич выдвигался на нее Лехом Валенсой в 2007 году. Не дали. А Тихановской, глядишь, может, и дадут для пущей важности, окончательно превратив некогда престижную награду в пошмешнице.

Еще одна особенность телевизионных дискуссий на российском ТВ в том, что на них обходятся стороной успехи Рес-

публики Беларусь под руководством Лукашенко. А они весомы. Промышленные предприятия здесь не были разграблены, как в России. Беларусь превысила объем производства по сравнению с 1990-м годом почти вдвое. Даже в кризисные 2008—2009 гг. оно росло на 5 процентов в год, в то время как в России упало на 15 процентов. Беларусь занимает одну из ведущих позиций в мире по разработке айти-технологий, дает 30 процентов от мирового производства тяжелых грузовиков, держит 20 процентов мирового рынка калийных удобрений. Прирост продукции села составил в 2020 году 7 процентов. Известный российский экономист Сергей Глазьев небезосновательно считает, что «Лукашенко удалось создать в Белоруссии свое экономическое чудо». К тому же белорусское государство с полным правом можно назвать социальным. Разница в доходах низших и верхних слоев населения составляет 1 к 4. В России этот разрыв намного больше. Белорусская мама с двумя детьми получает 30 тысяч рублей в месяц на российские деньги, причем в течение трех лет. Здесь бесплатные медицина и образование. Низкая оплата за жилищно-коммунальные услуги. Отсутствует безработица. Ликвидирована организованная преступность.

На встрече с Владимиром Путиным батяка выглядел уставшим. Поседел, обозначились бороздки под глазами. Думаю, к нему пришло осознание того, что политические и экономические перемены в Беларуси необходимы, и при всех нестыковках с Россией реально помочь в их осуществлении и в противодействии ведущейся против Беларуси гибридной войны способна только Россия. Впрочем, и от белорусов многое зависит. Прежде всего следует решительно перекрыть каналы, по которым Запад финансирует провокаторов, взять под контроль так называемые «свободные СМИ», не допустить спада производства и ухудшения социального положения народа.

Нашим же говорунам с ТВ следовало бы сменить пластинку и заняться по-настоящему информационной поддержкой Беларуси и ее законно избранного президента. Кажется, они слишком быстро забыли, ЧТО представляет собой истинное лицо западной «реальной демократии». Поэтому стоит напомнить им о судьбе Югославии и Милошевича, Ирака и Хусейна, Ливии и Каддафи, а также Сирии и Украины, до которых добрались «демократизаторы». Но еще более поражает то, что забыли об ужасах фашизма, жертвенности и подвигах своих предков многие из молодых белорусов. А ведь фашизм пришел с «демократического» Запада.

Ситуация более чем серьезная. США, мировой олигархат толкают мир на грань новой холодной войны. Опасность гро-

зит не только Беларуси. Россия — вот куда нацелено острие главного удара разработчиков нового блицкрига. Провокация западных спецслужб с Навальным — лишнее тому подтверждение. Совершенно непонятно: какой резон заключался в том, чтобы выпустить оппозиционера за пределы России? Ясно было, как Божий день, что по указке США его сделают «жертвой преступного путинского режима» и на всю катушку используют для демонизации России, остановки «Северного потока-2», введения новых антироссийских санкций. Судя по всему, для этого провокация англосаксов и замышлялась.

По большому счету, а эта мысль в рассуждениях российских экспертов и телеведущих почему-то тоже уходит на задний план, речь идет о продолжающемся столкновении двух цивилизаций — русской и западноевропейской. Поскольку духовный кризис Запада все более очевиден, у русской цивилизации есть шансы на успех. Однако он возможен лишь в том случае, если Союзное государство России и Беларуси будет иметь четкую идеологию, ясные задачи и цели, опирающиеся на исторический опыт и патриотические традиции наших народов. Не менее важно коренным образом перестроить информационную политику. Сегодня тот, кто владеет СМИ, обладает доминирующими возможностями для захвата мозгов противника, что в известной мере удалось Западу в Беларуси. Но создается ощущение, что многие российские эксперты, политтехнологи, телеведущие не освободились от стереотипов 90-х годов. Но время изменилось, жанр шоу-балагана себя изжил. Довольно играть в «толерантность»! Это пагубное наследие ельцинского периода размывает, обезоруживает русское национальное самосознание.

Нужна внятная, твердая, наступательная, исходящая из национальных интересов информационная политика. И хотя доктрина информационной безопасности принималась и неоднократно обновлялась, на мой взгляд, в целостном виде такой безопасности на общероссийском уровне практически не существует. Остается надеяться, что белорусский урок будет надлежащим образом усвоен теми, кто отвечает за информационную безопасность нашей страны.

ДУШИ ЛЮДСКИЕ

Старый двор. Дом в три этажа колодцем. Окно в окно. Вся жизнь на виду, от рождения и до последнего дня. Там подворотня, здесь подворотня. Редкие машины, но частые прохожие. Рядом остановка и магазины. И течёт река из человеческих тел. Бежит, разбиваясь на ручейки. Некоторые из них торопятся вдоль улицы, а другие ручейки прозвенели в подворотнях и разбились на людей-живчиков, одни дальше заструились, а другие в магазины завернули, снова выкатывались на улицу, опять соединяясь в ручейки, и растекались по многочисленным улочкам и переулкам, и чем дальше, тем тоньше ручеёк становился. И хлопали двери в подъездах, за которыми люди-живчики скрывались. Зажигались окна в домах. Наступил вечер...

Захар Носов вернулся с работы. Отделился от узенького ручейка, поздоровался с соседями, которые сидели на лавке и живчиком вкатился в подъезд. Насвистывая, взбежал на третий этаж, где у него была небольшая однушка. Хлопнул дверью и вздохнул, радуясь, что наконец-то наступил вечер



ПРОЗА

и можно немного отдохнуть. Переоделся. Натянул трико. Набросил рубаху. Заглянул в холодильник. Суп в кастрюльке, плавяный сыр на полке, рядом пачка маргарина и яичка с десятком яиц. Махнул рукой и захлопнул холодильник. Схватил чайник и сунул под кран. Зашипела вода. Громыхнул чайником по плите. Ужин будет попозже, а пока вскипятить чай. Налил в кружку. Сыпанул туда пять ложек сахара. Захар любил сладкий чай. Откромсал толстый кусок хлеба и подошёл к окну, которое выходило в небольшой, но в то же время, как ни странно, светлый внутренний дворик. Солнце не только заглядывало сюда, оно будто бы задерживалось, хотя в других таких же дворах было мрачно, сыро и холодно, а первый этаж, казалось, вообще не видел солнечных лучей. Зато в их дворе... Солнце заглядывало, и дворик становился ярким, светлым и тёплым, но всю картину портила огромная куча мусора, что возвышалась на месте давно забытой большой клумбы, которая была посреди двора. Многие годы на ней скапливался всякий мусор, который бросали из окон, туда же вытаскивали старую мебель, надеясь, что мусорная машина увезёт, но она не забирала, и старьё копилось годами — культурный слой, так сказать. Здесь же валялись разобранные строительные леса и прочий строительный хлам, будто другого места не нашлось. Всё бы так и лежало, но недовольные жильцы всё чаще стали писать во все инстанции, что единственную клумбу — этот зелёный оазис в пустыне, этот островок счастья посреди каменных джунглей — захлामीли до такой степени, что даже старые жители не могут вспомнить, как она выглядела, эта клумба. И людям приходится преодолевать огромные препятствия, чтобы добраться до подъезда. А скоро, если не будут приняты самые наистрожайшие меры, двор превратится в один огромный мусорный бак, потому что хлам уже местами возвышался выше первого этажа, и людей ждёт верная смерть.

Жаловались до тех пор, пока не приехала комиссия, которая заставила нерадивых руководителей очистить двор. Очистили. И правда, перед глазами жильцов появилась заброшенная и давно забытая клумба. Попервоначально местное руководство пыталось облагородить двор, чтобы перед комиссией отчитаться. Привезли несколько машин земли. Вывалили на клумбу. Высадили хиленькие ростки неизвестных цветов, сфотографировались на фоне клумбы вместе с жильцами, напечатали в газете, и всё на этом. Забыли про клумбу. За ней же надо ухаживать, а присматривать некому, как сказали на общем собрании. Не нашлось желающих, которые согласились бы кланяться каждой дворовой клум-

бе, хотя по пальцам можно было пересчитать все клумбы, которые были в городе. И, сославшись на тяжёлое положение, на нехватку рабочих рук, а тем более денежных средств, руководство с чистой совестью отказалось от содержания клумбы, но тут же согласилось, чтобы жители своими руками сделали из двора цветник, но на свои кровные деньги. И даже пообещали, что включат двор в международные соревнования на самую красивую клумбу планеты. Правда, своё обещание быстро забыли, потому что есть дела поважнее, чем заброшенная клумба.

Долго жители ломали головы, что сделать на месте этой огромной клумбы. Первыми высказались владельцы машин, которые предложили построить гаражи, чтобы машины были на виду, но многие воспротивились. И так гари достаточно в городе. Не продохнуть. Не хватало, чтобы ещё в родном дворе устроили автомастерские. И отказались. Потом собирались вкопать столбы и натянуть верёвки для сушки белья — это на собрании предложили, но опять многие отмахнулись. Бельё можно и на балконе сушить, а двор — это не прачечная, это место общения всех соседей. А-а-а, если место для общения, тогда давайте-ка поставим беседки, чтобы вечерами можно было в домино поиграть или в какие-нибудь игры. К примеру, в подкидного дурака, а можно на интерес, чтобы скучно не было — это предложили мужики, но женщины наотрез отказались. Достаточно городского шума, а тут до ночи будут доминошками стучать, да орать, как резанные, а потом, когда взрослые по домам разойдутся, молодёжь со всей округи станет собираться, начнут вино пить и ругаться непотребно, на гитарах бренчать и горланить песни до утра. Ни днём, ни ночью никакого покоя жильцам не будет. Отказались. А потом кто-то предложил, что опять нужно цветочную клумбу сделать, потому что вокруг только асфальт и бетон, камень и стекло, и ничего такого, чтобы глаз радовало, чтобы душа отдыхала. И все единогласно проголосовали за цветник, но не у каждого была возможность им заниматься, и тогда старухи проявили инициативу и быстренько прибрали клумбу к своим рукам. Теперь почти у каждой был свой клочок земли или садик, как они ласково называли, где старались посадить всё, что угодно и даже больше того, лишь бы глаз радовало и душа отдыхала в этом каменном колодце среди кирпично-железобетонных джунглей. А две старухи рябинки посадили. И отстаивали право на жизнь этих саженцев. Говорили, что каждый человек просто обязан посадить хотя бы одно дерево в своей жизни и грудью встали на защиту своих насаждений. Отстояли. Старухи готовы были дне-

вать и ночевать возле своих садиков, лишь бы кто-нибудь из недоброжелателей не выдрал из земли посаженные цветочки. Врагов хватало. Внутренних врагов был полон двор, как они считали, да ещё включая внешних — прохожих, которые нескончаемым потоком движутся через двор. С раннего утра и до позднего вечера старухи стояли на охране своих цветов и саженцев или сидели на лавочках возле садиков и обсуждали новости. А новостей было много, как мирового масштаба, так и дворового, где вся жизнь проходит на виду, где ничего не скроется от дотошных старух. И всё нужно обсудить, постановить и вынести решение.

Старухи жили дружно, а бывало, под хорошее настроение, даже разрешали соседям посидеть с ними на скамейках возле садиков. Правда, редко, но такое случалось. Хвастались своими цветами, но близко не разрешали подходить. А чужих вообще не пускали в свой мирок. Машины тем более гнали со двора. А то понаставят, кому не лень, не продохнуть от дыма, поэтому цветы вянут. И гнали всех, кто даже на минутку заезжал во двор. Нечего делать. На улице оставляйте свои колымаги, а тут нельзя, потому что здесь всё создано для отдыха человека, чтобы глаз радовался, а душа тем более. А вот прохожие постоянно ходили через двор. Этих не остановишь. Двор-то проходной, тем более, что рядышком магазины и остановки. Лайся не лайся, а они ходили и будут ходить, потому что проходные дворы для этого и созданы. И прохожие-живчики постоянным ручейком журчали через двор. Одни шли, не обращая внимания на клумбу и садики. Насупившись, словно думу великую думают, они шагали, не замечая ворчливых старух. Глаза в землю и торопятся. Останови и спроси, что увидел во дворе, они два слова не свяжут, потому что ничего не видели кроме людей, впереди идущих, и дороги под ногами, потому что головы забиты другими заботами и некогда смотреть на всякие клумбочки-садоочки. А были такие, кто шагал, с любопытством поглядывая на цветущие островки среди асфальта и каменных домов, потому что нечасто увидишь такое в этих железобетонных джунглях, где не только деревья, даже трава не растёт на газонах, потому что земля в камень превратилась. А здесь зашёл и как в сказку попал. Рады бы остановиться да посидеть на одной из лавок, что стояли возле клумб-садиков, но сзади подталкивали прохожие, и старухи прогоняли всех, потому что разреши одному посидеть на своей лавке, потом отбоя не будет от желающих, и не дай бог, если начнут цветы рвать. Поэтому — запрещали...

У Захара тоже был небольшой клочок земли. В наследство от родителей достался. Правда, он ничего не сажал. Не тянуло к этим лютикам-цветочкам, и на то была веская причина, как он считал. Зато нравилось наблюдать, как старухи воркуют над цветочками. Вернётся с работы. Ужин разогреет, потом возьмёт кружку с чаем и устраивается на широком подоконнике. Сидит, чай пьёт, сигаретку покуривает и сверху смотрит на яркие разноцветные клочки среди серо-жёлто-каменных стен и разбитого асфальта. Сверху не рассмотришь, что старухи посадили, но все цветущие клочки на клумбе превращались в яркую мозаику, если в окно выглянуть. Каждая старуха старалась перещеголять остальных, приобретая диковинные семена, и ворковали, чуть ли не пылинки сдували со своих цветочков, окружая каждое растение заботой и лаской, и поэтому цветам было вольготно, они росли яркими, красивыми и ухоженными. Правда, клочок Захара пустовал и смотрелся чёрной заплатой на цветастом фоне. Многие старухи выпрашивали его, даже деньги предлагали, а он не отдавал. Жалко было, а почему — не мог объяснить. Может, надеялся, что когда-нибудь в будущем, когда станет одним из таких же, как они... А потом неожиданно отдал соседке, хотя она не просила его. По дворовым меркам, его соседка, баба Вера, недавно заселилась в этот дом, а вот Захару казалось, что она вечно жила здесь, как и остальные старухи. Баба Вера сторонилась других. Неразговорчивая была. Взглянет исподлобья и торопится домой. Но если старухи замечали, что она стоит возле клумбы и шепчет, сразу прогоняли. Баба Вера не спорила с ними, а молчком уходила. Во дворе ничего про неё не знали. Она появилась после войны и во дворе считалась молодой, потому что в этих домах некоторые семьи ещё до революции жили, а потом квартиры переходили детям, а те в свою очередь передавали по наследству своим детям. Здесь знали про каждого всё и даже больше того, чуть ли не до седьмого колена, как говорят, а вот про бабу Веру ничего неизвестно. Она перебралась в этот дом из соседнего городка, с собой было несколько узлов, кое-какая обшарпанная мебель и всё на этом. Не водила дружбу с соседями. Поздоровается и молчком в подъезде скрывалась. Бывало, соседки останавливали её, а она будто не слышит. Вроде вся жизнь двора на виду, а про неё ничего не могли сказать — это злило и ещё сильнее подогревало любопытство. Но с Захаром она здоровалась, если сталкивались. А бывало, улыбнётся, заметив его, но тут же стирает улыбку с морщинистого лица, словно не хотела, чтобы видели улыбку, но скорее всего не

хотела, чтобы в её душу лезли, чтобы расспрашивали и прошлое ворошили. Да, наверное, так и было...

Захар давно заметил, как соседка поглядывала на остальных старух, у кого были садики. Бывало, подойдёт и с места не сдвинется, смотрит на цветы, а сама что-то шепчет, а потом говорит, что цветы — это души людские. Старухи прогоняли её, думали, порчу наводит. Баба Вера уйдёт, а потом снова приходит и всё на цветы смотрит, а у самой губы шевелятся, будто разговаривает с ними. Одна жила, как и Захар. О себе ничего не рассказывала и другим в душу не лезла. Единственное, что сказала, что у неё родных не осталось. Одна на белом свете. Наверное, поэтому он решил отдать землю, что такую же одинокую родственную душу встретил. Он тоже ни с кем не общался. Привет, привет, как дела, и всё на этом. И торопился домой. Он привык к одиночеству. И баба Вера была такой же.

Однажды Захар, возвращаясь с работы, остановил маленькую старушку. Сказал, что решил отдать землю ей, но временно, и потребовал, чтобы каждый месяц ставила бутылку. За аренду, так сказать. Баба Вера обрадовалась, что клочок земли появился, а он — бутылке на халяву. Предупредил старуху, что земля его, почти собственная. По наследству досталась, так сказать. Это он так, на всякий случай сказал. Старуха закивала головой. А потом вскопала клочок земли, принесла небольшие узелки. Из одного высыпала землю на клумбу, из другого семена разбросала, где густо, а где пусто. Ладонями землю разровняла. Воду принесла. Полила, и всё на этом. Старухи посмеивались, какой же дурак среди лета цветы сажает, а она молчала. А потом появились первые цветы. Не такие, как другие сажали, кто кого переплюнет, а самые что ни на есть простенькие, словно собирала семена, где ни попадя, и высадила, лишь бы клочок земли занять. Одни, едва появившись на свет божий, уже зацвели, а другие выше поднимались, а третьи только ещё проклёвывались, а некоторые вымахали высокими и кустистыми. Одни едва рождались, другие цвели, а третьи уже состарились. Всё как у людей или похоже на людей...

Баба Вера каждый вечер приходила в садик. Выносила табуретку, садилась лицом к цветам и принималась что-то рассказывать, словно с кем-то разговаривала. Первое время соседки пальцами крутили возле виска, мол, дурочка объявилась, а потом замолчали. Ну, как замолчали... Ругались, что её простенькие цветы, больше похожие на сорняки, перебираются на их участки, где всюю горят-полыхают всевозможные яркие и ухоженные цветы, которым место на выставке, а

не рядом с полевым разноцветьем. И так было всегда, когда наступал вечер, и все собирались возле садочков, но баба Вера не обращала на них внимания. Она сидела и разговаривала с людскими душами...

И сейчас стоял Захар перед окном и смотрел, как возле своих садиков сидели старухи, а мимо них торопились люди. Много. Словно муравьи. Друг за другом. У каждого пакеты в руках. В магазин заходили, а теперь домой торопятся. Муравьи-живчики. Сейчас выскочат через другую подворотню, а там неподалёку остановка. Хочешь, езжай на автобусе, а решил пешком пройтись, можешь отправляться проходными дворами, если не заплутаешься, или начинай колесить по улицам. К примеру, поверни пять раз налево, семь раз направо, потом через три проулка, там будет кинотеатр, но туда не заходи, а шагай по главной аллее через парк, где раньше был большой фонтан, на месте которого поставили общественный туалет, потом в ту сторону поверни, в эту два раза и попадёшь на перекрёсток, и шагай на все четыре стороны, куда тебе нужно. Вся жизнь — это дорога. И ничего в жизни не видишь, кроме дороги. И везде нужно успевать. А надо ли торопиться? Кто знает... С самого рождения и до своего последнего дня суетишься: садик, школа, институт, работа, пенсия — если доживёшь, конечно, а впереди ожидает кладбище — финишная черта этой самой жизни, и лишь там человек находит покой...

Захар часто вспоминал родителей. Вся жизнь — беговая дорожка. Везде нужно было успеть. Работа, дом, снова работа, и редкий раз выезжали за город, чтобы побродить по лесу. Тогда родители превращались в детей, которые носились по лесу, восторженно вскрикивали, чуть ли не в ладоши хлопали, заметив яркого дятла на дереве, или натыкались на полянку, полную ягод, и ползали на коленях по траве. Срывали спелые ягоды и ели, и баловались, размазывая сок по лицам, а потом приходилось возвращаться в город и снова начиналась жизнь по кругу — работа, дом, работа, дом, а по вечерам — небольшой отдых для души с посиделками возле своего садика... Как заведённые. Жизнь пролетела, а они не заметили, как состарились. Так и ушли друг за другом. Как были в жизни вместе, и там оказались вдвоём, оставив Захару однушку, продавленный диван и раскладушку, многочисленные полки с книгами, холодильник на кухне и клочок земли, где выращивали цветы, где душа отдыхала. Вот всё богатство, какое они заработали за долгую, но в то же время торопливую жизнь. И Захар, сколько лет прожил один, но ничего, кроме книг в доме не прибавилось, и к садику был

равнодушен. Не интересовался новыми вещами, и в земле не хотелось возиться, лучше из окна глядеть, как старушки воркуют в своих садочках.

Захар не гнался за красотами жизни. Есть на чём поспать, есть из чего поесть и хватит, а по вечерам, если не пошёл шататься в одиночестве по городу, можно книжку почитать или в окно поглазеть на старух, но самого не тянуло возле садика сидеть — цветы охранять. А может, будет сидеть, когда его время придёт. Захар привык к одиночеству. Ни друзей, ни жены. Не хотел жену приводить в дом, чтобы никто не влезал в его одиночество. Были временные девки. Девки-однодневки, как он называл, которые не задерживались в доме. Но даже однодневкам не нравилось, как он живёт. Ну и ладно, говорил он, вслед махая очередной девке. Меньше заботы. И опять возвращался к привычной жизни. Работа, дом, а по вечерам сидел на подоконнике и читал свои книги или наблюдал за соседками, которые устраивали посиделки, а в выходные, если солнце заглядывало во двор-колодец, старухи грелись под тёплыми лучами и в такие минуты становились добрее, что ли, разрешая соседям посидеть возле садочков...

Захар стоял около окна, наблюдая за цветочной мозаикой. «Ты посмотри, — думал он, — вроде бы повсюду камень, а гляди ж ты, цветы растут. Это ж сколько в них силы заложено, чтобы с камнями справиться. Ну и что, что земля насыпана, так корни же вглубь лезут, а там камни. Наверное, между ними протискиваются. О, как жизнь любят! Не то, что люди. Чуть что не так и всё — отдал концы, а растения — это ого-го! Растения — это сама природа, можно сказать». Он часто вспоминал, как однажды с мальчишкой залез на крышу и там, за трубой, в местечке, защищённом от ветра, росла кроха-берёзка: тоненькая, хрупкая и светленькая. Она прижималась к кирпичам, словно защиту просила, а они прикрывали её от ветров да холодных дождей. Пацаны хотели выдернуть берёзку, но Захар вступился. Разодрались на покато́й крыше. Ладно, кто-то из окна заметил и крикнул, а то неизвестно, чем бы драка закончилась. С той поры Захар частенько поднимался на крышу. Съездит на окраину города, в кулёк или пакет насыплет хорошей земли и торопится к своей берёзке. Вывалит под корни, потом притащит бутылку с водой. Польёт — и казалось, берёзка радуется. Усядется рядышком и начинает мечтать. А бывало, вспоминал, как с родителями ездил в лес. Но однажды залез на крышу и увидел, что его деревце валяется, а возле него электрики работают. Вырвали, чтобы не мешалась. Захара обвинили, что из-

за дерева замкнуло провода и весь дом... да что дом, почти весь район остался без электричества. «Не врите!» — крикнул Захар, подхватил берёзку и побежал в садик, который родители сажали. Руками выкопал ямку, посадил деревце, надеясь, что будет расти, но выдать корни повредили, когда топтались по ней. Засохла берёзка. С тех пор Захар не любил ни деревья сажать, ни цветы выращивать. Жалко было, что они умирают...

И сейчас стоял, смотрел на цветы. В душе радовался, но в то же время, понимал, что эта красота не вечна, и пройдёт всего лишь немного времени и цветы завянут, а осенью вообще оголится земля. Следом метели закрутят и скроют под снегом садики. Останется снег и камень. И снова будут старухи до весны ждать, когда сойдёт снег и прогреется земля, чтобы опять выйти, посадить цветы и до глубокой осени за ними ухаживать, над каждым цветочком трястись и всех прогонять, лишь бы не сорвали.

А его соседка, кому он отдал во временное пользование свой клочок земли, не тряслась, как другие. Рассыплет семена, ладошкой пригладит, словно приласкает, и ждёт, когда они проклюнутся. А потом до снега сидит возле неприметных цветков и разговаривает с ними. У других давно уж завяли цветы, другие старухи по домам разошлись, греются, а баба Вера всё ещё выходила к садику, где продолжали радовать глаз простенькие цветочки. Одни отцвели, а на их месте появлялись другие и так до самых холодов. Соседка радовалась, что никто не мешает её одиночеству. Принарядится, словно на свидание отправлялась. Даже казалось, будто молодела, пока рядом с цветами сидела. И так каждый раз...

Старухи, какие ухаживали за своими садиками, понемногу привыкли к этой странной соседке, которая с ними не общалась, не сидела на лавочке и не перемывала кости жильцам, а чаще находилась возле своего разноцветья, которое и цветами как-то стыдно было называть, как им казалось, если взглянуть на их садики, где во всей красе благоухали цветы, которым место не на клумбе, а в ботаническом саду или на выставках. И как-то неприглядно смотрелось простенькое разноцветье рядом с этими выставочными экземплярами. Но больше всего старухи были недовольны, что эта соседка позволяла прохожим посидеть на её лавочке и отдохнуть. Правда, цветы не разрешала рвать. Всем твердила, что цветы — это души людские. И ежели кто сорвёт цветок, значит, тот погубит душу человека. Многие смеялись над ней, а некоторые пальцами крутили возле виска, мол, дурочка объявилась, но баба Вера не обращала внимания. Пусть болтают, что хотят...

Захару интересно было наблюдать за клумбой. Сидит на подоконнике, чай попивает или курит, а сам смотрит на мозаику. И, правда, как мозаика — эти цветы. Всякие: яркие, всех цветов радуги, лишь у его соседки были простенькие цветочки, но они вид не портили. А наоборот, что-то такое было в них, что связывало все цветы воедино. Казалось, выдерни яркое разноцветье у любой из старух и ничего не изменится, потому что у других почти такие же растут. А вот если вырвать у его соседки цветы — и всё, мозаика распадётся. Если повнимательнее взглянуть на цветы, можно даже хозяев представить. Может, и правда, души людей переселяются в цветы, как баба Вера говорила. Всё как в жизни — у одних она яркая и многоцветная, как конфетная обёртка, но душа пустой окажется, а у других с виду непримечательная, а копни поглубже и увидишь, сколько тепла или добра в этом человеке находится, который со всеми делится и ничего взамен не требует. Каждому человеку, как и цветку, уготована своя жизнь. Одни пытаются прыгнуть выше головы и разбиваются, ничего не достигнув, некоторые взлетают, но быстро сгорают, а другие довольствуются тем, что свыше дадено. Значит, после смерти у каждого человека будет свой цветок, где его душа найдёт покой. Видимо, так оно и есть...

— Баб Вера, — стукнул по двери Захар и, заметив, что незапертая, удивлённо качнул головой и зашёл. — Слышь, баб Вер, а что дверь нараспашку? Я что пришёл-то...

Сказал и прислушался. В квартире было тихо.

Захар потоптался в прихожей и не удержался, направился к приоткрытой двери, с любопытством осматриваясь по сторонам. Он впервые зашёл к ней домой, хотя всю жизнь прожила здесь, как казалось Захару. Сама ни к кому не ходила, и к себе не приглашала, а кто и заходил, того дальше порога не пускала.

— Баб Вера, что молчишь? — опять окликнул Захар, продолжая осматриваться. — Эй, есть кто живой?

Сказал и заглянул в зал.

В зале стоял диван, круглый стол, возле него два или три стула. В углу старая этажерка, виднеется пара книг да какие-то журналы. Отдельно лежат газеты. Застиранные занавески на окнах. Возле стены обшарпанный комод. На стене фотографии в чёрной раме. Захар закрутил головой. Темно. Оглянулся, а потом щёлкнул выключателем. Вспыхнул жёлтый тусклый свет под абажуром. Прислонившись к комоду, Захар внимательно всматривался в фотографии. Если хочешь узнать о прошлом человека, смотри фотографии — они многое могут рассказать. И, правда, на снимках два старика, и

дядьки с тётками, моряк в лихо заломленной бескозырке, детская фотография, а на одном снимке он узнал свою соседку, которая стояла рядом с парнем. Совсем молоденькие. Оба напряжены. Он хмурился, стараясь выглядеть постарше, а она была испуганной, того и гляди заплачет. Оба пристально смотрели в одну точку. Наверное, фотограф велел. Так и получились на снимке...

Захар повернулся, когда услышал шаги. Рядом с ним стояла соседка и смотрела на него, на фотографии, сама хмурилась, но молчала, а другого давно бы выгнала. Захар хотел было спросить и потянулся к фотографиям, она покачала головой и придержала за руку.

— Не тронь, Захарушка, — непривычно, но в то же время, ласково назвала его. Так только мать звала в далеком детстве, а теперь и она, даже интонации были похожи. — Не тронь, Захар, — повторила соседка. — Много лет никто к ним не прикасался. Это память. Фотографии — это единственная память о нашей семье и моём Захаре, который воротился с войны, а в мирную жизнь не вернулся.

— Как так? — Захар мотнул головой. — А куда он делся?

— Война его забрала, хотя и закончилась, — запнувшись, словно решая, рассказать или нет, сказала баба Вера, а потом кивнула на диван. — Присядь, Захарушка...

Сказала и сама рядышком пристроилась.

— Я никому не рассказываю о своём прошлом. Оно — тут, — и баба Вера ткнула в грудь. — Это моя радость и беда. Прошлое останется со мной. Ты спросил про мужа? Так вот... Его Захаром звали, как и тебя. Мы перед самой войной свадьбу сыграли, — сказала соседка. — Всего лишь неделю прожили и война началась. Налюбоваться не успели, как моего Захара забрали. Сфотографировались с ним, когда на войну уходил. Сказал, мол, гляди и меня вспоминай. Так и получилось. Он с первых дней на фронте, а я посмотрю на снимок и все думы о нём, лишь бы живым вернулся. Любой. Без рук и ног, но вернулся. Каждый день весточки ждала от него, каждому письму радовалась. Читала и перечитывала до дыр. В стопочку складывала. Мечтала, когда он вернётся, вместе будем перечитывать. А в конце войны письма перестали приходить. Я не знала, что думать. Если убили, где похоронка? Если без вести пропал, почему не сообщили. А если живой, так отчего не написал? Вот эти вопросы мучили меня. Вроде есть человек, а в то же время исчез. Пропал. И никакой весточки от него. Был и пропал, я бы так сказала. Но если нет никаких вестей, значит рано хоронить. У других же бывало, что чуть ли не с первого дня ни одного письма не получали, а

потом объявлялся жив и здоров. И я верила, что мой Захар живой. Вытащу фотографию и разговариваю с ним, словно он рядышком сидит. Обо всём говорила, но чаще вспоминала нашу прошлую жизнь и мечтала о будущей, как война закончится, он вернётся и мы заживём, и детишек будет семеро по лавкам. Сама мечтаю и казалось, он слышит меня и отвечает. Понимаешь, верила, что он живой. Сердце подкашивало. Сколько говорили, что понапрасну жду, а я продолжала надеяться, что мой Захарушка вернётся. И не ошиблась. Однажды тётка Авдя, соседка наша, пришла и говорит, будто видела на вокзале в соседнем городке калеку безногого. На моего Захара похож, такой же молодой, но весь седой. Подошла к нему, окликнула, а он прогнал её, сказал, что ошибаешься, тётка, что он случайно попал в этот город, а сам будто бы живёт на краю земли. Она рассказывает, а у меня сердце ёкнуло. Подхватила и помчалась туда. Не заметила, как десять вёрст промелькнули. И не удержалась, ноги подогнулись, когда калеку увидела. Издалека поняла, что это был Захар. Пьяный. На тележке пристёгнутый. Он сидел возле привокзальной столовой. Я кинулась к нему, а ноги не держат. Упала перед ним, заголосила. А потом бросилась обнимать его и целовать, а сама и смеюсь и плачу, его ругаю, что ж ты, такой-сякой домой не едешь, я ж все жданки проела, все глаза проглядела. Он увидел меня, отёрнулся, весь затрясся, аж белый стал, принялся матюгаться и всё норовил оттолкнуть, мол, обозналась ты, девка. А как я могу обознаться, если каждую чётточку, каждую родинку знала наизусть? Снова сунулась к нему, а он в кошки-дыбошки, мол, если не отстанешь, изувечу!

И замолчала, о чём-то задумавшись.

И Захар молчал, опасаясь нарушить эту тишину.

— В общем, через ругань и тычки, но всё же уговорила и забрала его домой, — покачиваясь, сказала она. — Привезла. Своей бани не было. Нагрела воды и ну его намывать. Только пена и мат во все стороны летели, а я молчала. Плакала, что на нём живого места не было. И радовалась, что мужик возвратился домой. Пусть изувеченный, но главное, что живой. Теперь заживём! У других никого, а у меня хоть калекка, но вернулся. Да, радовалась, только недолгой моя радость оказалась...

И опять замолчала. Долго сидела, а потом встрепенулась.

— Стали жить, — продолжила она. — До войны мечтали об одной жизни, а на деле по-другому получилось. В первый же вечер потянулись соседки, чтобы про своих мужиков спросить, у кого с войны не вернулись. Шли узнать, не встречал

ли их. Двери не закрывались. И не выгонишь. Сама такой же была. Они спрашивают, а его трясти начинает. Не хотел вспоминать войну. Да так и было... А бывало, что плакал. Отвернётся, а у самого плечи ходуном ходят, а спроси, сразу огрызнулся, если сунешься пожалеть, матюгами обложит. Я понимала, не на меня злится, а на себя, что такой молодой и калека. До войны был шофёром. Вернулся калекой. Однажды бегу домой и вижу, сидит мой Захарушка возле чужой машины и гладит колесо, а у самого слёзы на глазах. Кинулась к нему, а потом остановилась, а у самой сердце, словно в кулак сжали, аж не продохнуть. Всё бы отдала, чтобы вернуться к прошлой жизни, но не получилось. Захар молодой, ему жить да жить, а он не выдержал и запил. Крепко. Я на работу, а Захар к ближайшему магазину или на рынок. Там всегда находились сердобольные люди. То деньги сунут, то угостят. А к вечеру лыка не вяжет. Вернусь, а его нет. Бегаю по улицам, его разыскиваю. Найду, домой волоку. А утром снова на работу. И так каждый божий день. В общем, сломался мой Захар. Его можно понять. Жена молодая, а он калека. Здесь бы ребятишек рожать и рожать, упущенные годы навёрстывать, а он ни на что не способен и на детей — тоже. Я работаю, а он инвалид безногий. Я расцвела, когда его нашла, обрадовалась, что мужик домой вернулся, а он себя поедом ел, что не погиб на фронте, что калеки никому не нужны, а жёнам тем более. И покатился по наклонной. И чем дальше, тем быстрее. Ночами воевал. Нет, не со мной. В атаку ходил. Он же в пехоте воевал. Очнусь от крика: «Взво-од за мной!» Кинусь, а он лежит и трясется. Вроде смотрит на меня, а не видит. Криком исходит, поднимая солдат, аж пена на губах и глаза белые, и всё обрубками ног шевелил, словно бежит... Трясу его, трясу, он не слышит. Он бойцов в атаку ведёт. И умер в атаке. Вскинулся, закричал, взмахнул рукой и захрипел. Бросилась к нему, а он не дышит. Сердце остановилось. Осколок рядом был. Сдвинулся, и не стало моего Захара. Вот и получается, что на войне погиб, хотя война давно закончилась, — помолчала, а потом не сказала, а выдохнула. — Не уберегла его. Себя буду винить до последнего дня своего, что не сберегла мужа, что времени на него не нашла. Его бы приласкать, чтобы душа оттаяла, присесть и поговорить лишний раз, а я на работу бежала. Если б рядышком была, думаю, выходила бы его. Потихонечку, но вернула к жизни. А у меня не получилось. Чуть свет уходила на работу и поздно возвращалась, а мой Захарушка оставался один на один со своими думами и бедой. До войны песни любил петь, а вернувшись, замкнулся в себе. Не то, чтобы песню, слово с него не вытя-

нешь. Так и ушёл от меня, не поговорив по душам. Поэтому виню себя в его смерти. Себя и никого более. С той поры одна осталась на всём белом свете. Такого, как Захар не найдёшь, а другие не нужны. Памятью живу. Всё, что было хорошего в моей жизни, осталось в прошлом, а впереди один мрак и ничего более...

— А это кто? — не удержался Захар и кивнул на фотографии.

— Там бабака с дедом, родители и младшие братья с сёстрами, — тихо сказала баба Вера. — У нас была большая семья. Никого не осталось. Я ж замуж вышла, и к Захару уехали. Он в городе жил. Потом война началась. Захар ушёл на фронт, а меня с заводом в тыл отправили. Сколько писала домой, никто не ответил, а потом узнала, что отец на фронте погиб, а мать и младших фашисты расстреляли. Окружили деревню, где они прятались, согнали к оврагу, там и расстреляли. Немногие спаслись. По пальцам пересчитаешь, кто успел в лес уйти, а остальных в овраге положили. Ездила туда. Разыскала место, где расстреляли. Глубокий овраг. Внутри темно, а склоны цветами покрыты. Разные цветы. Усыпаны склоны! Долго сидела на краю оврага. Всё плакала, говорила с матерью и братишками, и показалось, что цветы качаются, словно разговаривают. И правда, прислушаешься, будто шёпот отовсюду доносится. Видать, души людей, кто погиб здесь, в цветы превратились. А потом снова приехала. Осень на дворе была, когда навестила родных. Листва с деревьев облетела, а склоны сплошь в цветах, которые закачались, когда с ними заговорила. Долго сидела, обо всём говорила и о жизни тоже, потом насыпала земли из оврага, где они были расстреляны, где кровь рекой текла, и остановилась на ночлег у старухи, что жила на краю леса. До утра просидели. Обо всём говорили с ней. А утром, когда я собралась в дорогу, она сунула узелок в руки и сказала, что в этих семенах души людские находятся. Сколько лет хранила, не знала, где посадить. Дома рассыплю на столе, по семечку перебираю и разговариваю с ними, как с живыми людьми, и казалось, что они отвечают. Не знала, где посадить цветы, а ты, словно почувял. Отдал свой садик, и я ожила. Посижу рядышком, всех повспоминаю, поздоровуюсь с ними, каждого по имени назову, со своим Захаром поговорю, с матушкой пошепчусь, отцу поклонюсь, и душа успокаивается. И они, наверное, тоже радуются, что их не забываю. Там радуются...

И ткнула вверх, словно на небеса показывала. Замолчала. Сидела, раскачивалась и о чём-то думала. Наверное, своих вспоминала...

Долго сидел Захар, не решаясь подняться. А потом вышел и потихоньку прикрыл дверь.

С той поры Захар подружился с соседкой. Они не разговаривали. Захару хватило того, что от неё услышал, а лезть в душу не привык, да и она не дала бы влезать. Он свыкся с одиночеством, и она привыкла к такой же жизни. Бывало, Захар возвращался с работы, садился на скамейку возле её садика и подолгу смотрел на цветы, о чём-то думая. И баба Вера присаживалась. Тоже молчала. Разговоры были ни к чему. Они были разными по возрасту, но в то же время, что-то их связывало. И это что-то было — одиночество.

Однажды, вернувшись с работы, Захар привычно налил чай в кружку, сыпанул побольше сахара, чтобы ложка стояла, как он говорил, взял кусок хлеба, подошёл к окну, уселся на подоконник, взглянул вниз и поперхнулся. Цветов бабы Веры не было. Чернела земля и виднелись растоптанные кучки зелени, а мимо журчал ручеёк из прохожих-живчиков. Одни шли, ничего не замечая, а другие останавливались, взглянув на разорённый садик, но в спину толкали прохожие, и они снова торопились вперёд. Много народу проходит через двор, но никто не видел, как разорили садик, кто уничтожил цветы — эти души людские, как называла их баба Вера.

Баба Вера заболела. Сильно. Редко стала на улице появляться. Выйдет, постоит возле своего клочка земли, где так и валялись выдранные цветы, посмотрит и начинает о чём-то шептать. Наверное, прощения просила за тех, кто цветы выдерал. Даже не присаживалась, а постоит, прислушается, но никто ей не отвечал, и тогда она потихонечку уходила домой.

Захар долго наблюдал за ней и садиком. Он не любил цветы, потому что они умирают. Но жалко стало бабу Веру. Посадила полевое разноцветье и сидела вечерами, с душами разговаривала. Верила, что души всех людей переселяются в цветы. А иначе быть не может, потому что они кивают ей, а это значит, что слушают и отвечают. Но у кого-то поднялась рука. Взяли и убили души. Баба Вера разболелась. Даже с Захаром не разговаривала. Мимо идёт и не замечает. Смотрит на него, а не видит. Окликнут — она не слышит. Одна-одинёшенька осталась в своём мирке — в этом самом одиночестве.

Захар смотрел на неё, о чём-то думая, а потом стал пропадать по выходным. Уезжал. А куда — никому не говорил. Да и поделиться не с кем было. Ни жены, ни друзей. Он тоже жил в своём мирке, как и баба Вера. Вокруг столько людей, а он остался одиноким. Поэтому чувствовал в бабе Vere родственную душу.

Но один раз, поздним вечером, когда все разошлись, а ручеёк из людей-живчиков стал потише журчать по двору, Захар появился возле клумбы, держа в руках тонкую небольшую берёзку. Присел на лавку. Закурил. Потом убрал мусор из разорённого садика. Взял саженец, и невольно взглянул на крышу, где когда-то росла его берёзка — берёзка детства, которую вырвали с корнем, за которой он ухаживал, возле которой он сидел и мечтал. И сейчас в его руках было такое же тонкое и светлое деревце, как из его прошлого. Выкопал ямку. Посадил и полил берёзку. И показалось, что она качнула ветками, словно заговорила с ним. Захар опять сунулся в карман. Долго шарил, потом достал тряпицу, в которой было небольшое семечко. Он долгое время ездил по округе, разыскивая такие же семена, как у бабы Веры. Хотел для неё посадить, но семена не попадались. А многие продавцы крутили пальцами возле виска, мол, смотрите, дурачок объявился. Нормальные люди хорошие цветы сажают, а этот ищет семена полевого разноцветья, да не простого, а чтобы цветы говорить умели. И опять крутили пальцами. Дурачок, что ещё скажешь! Но однажды его остановила старушка, которая продавала на рынке всякую всячину. Остановила, а потом протянула тряпочку, на которой лежало всего лишь единственное семя, и сказала, что это душа. Если её посадить на месте вырванных и ухаживать, тогда появится цветок, каких свет не видывал, потому что в него поселятся души людские. И проговорила, словно мысли бабы Веры прочитала, что цветы — это души людей. Отдала семечко и денег не взяла. Сказала, что это не покупается и не продаётся, а свыше даётся. Вернувшись, Захар посадил тонкую берёзку, рядом с ней закопал в землю вырванные цветы — убитые души людские, как старушка посоветовала, а поверх положил семечко. Присыпал землёй и плеснул воды. Покурил, поглядывая на садик, потом отправился спать.

А под утро Захар проснулся. Показалось, что за окном необычный отсвет появился. Долго смотрел на стену, по которой пробегали яркие всполохи, потом не выдержал. Поднялся. Подошёл к окну. Распахнул. Выглянул и мотнул головой, не веря глазам своим. На пустом клочке земли, где он поздно вечером посадил семечко и небольшой саженец берёзки, был отблеск. Даже не отблеск, а свет пульсировал, будто сердце билось: удар, пауза, снова удар и опять пауза...

Захар не удержался. Оделся и заторопился по лестнице. Подошёл к клумбе и увидел, что возле тонкой берёзки расцвёл необычный цветок с множеством лепестков, похожих на сердечки, как привыкли их рисовать. Лепестки перелива-

лись словно живые. Пульсировали: удар, пауза, удар, пауза. И так непрерывно. И с каждым ударом на цветке появлялся новый лепесток, и непрерывно менялся цвет, словно радуга играла. Захар присел на лавку, что была рядом с садиком, наблюдая за необычным цветком. Не услышал, как подошла баба Вера. Рядом присела и что-то прошептала, а потом надолго замолчала, внимательно прислушиваясь, посмотрела на цветок, потом на Захара, снова на клумбу и медленно перекрестилась.

— Слава тебе, Господи, услышал мою просьбу, — сказала баба Вера. — Они вернулись, а я уж опасалась, что...

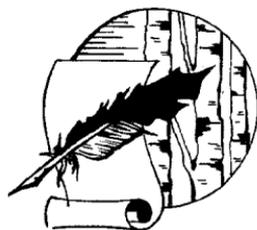
И замолчала, продолжая смотреть на цветок.

— Кто вернулся? — не поворачиваясь, сказал Захар.

— Души людские, — соседка ткнула пальцем.

И, раскачиваясь, стала о чём-то шептать, будто с цветком разговаривала, прислушивалась и снова шептала. Долго сидела и разговаривала, а потом взглянула на Захара, который сидел, задумавшись, и замолчала. Мимо них торопились прохожие. Одни шли по двору, не обращая внимания на клумбу. Шагали, посматривая под ноги, и ни одного взгляда в сторону. А некоторые с любопытством глядели на необычный цветок. Они рады бы остановиться, но сзади подталкивали, и прохожие торопились по своим делам, а Захар и баба Вера сидели вдвоём на скамейке и молчали. Они были разные, но в то же время похожие друг на друга — эти два одиночества в огромном мире. Над головами занимался рассвет нового дня, мимо журчал ручеёк из прохожих-живчиков, а перед ними разноцветьем полыхал живой цветок. Удар, пауза — новый лепесток, удар, пауза... Души людские возвращались...

г. Салават, Башкортостан



Виктор ДРОННИКОВ
(1940 — 2008)

Виктор Петрович Дронников родился 18 августа 1940 года в деревне Жилино под Орлом. Первые публикации появились в газете «Орловский комсомолец» в 1962 году, в редакции которой впоследствии он работал литературным сотрудником. В 1970 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор четырнадцати поэтических книг и многих публикаций в советских и российских журналах. Его стихи включены в антологии «Русская поэзия. XX век», «Русская поэзия. XXI век» и в хрестоматию для школ и вузов «Писатели Орловского края XX века». Член Союза писателей СССР с 1973 года. Лауреат четырех всероссийских литературных премий.

ДОЛГИЙ СВЕТ

* * *

Во дни сомнений роковых
И тайн глубоких
Я вспоминаю всех живых
И всех далёких.
Они проходят чередой,
Как тень за тенью
Потом становятся звездой,
Водой, сиренью,
Туманом лёгким, луговым,
Долинным зноем
Над бестелесным и немым
Земным покоем,
И нет ни мёртвых, ни живых...
И нету силы
Окликнуть каждого из них,
Они — Россия...

АВГУСТ

Светлый месяц дождиком рассеян,
Тьма сарая старого густа.
Нежно пахнут яблоки на сене.
Тишина. И дверь не заперта.
Скоро-скоро с первою зарницей,
В медленной ночи освещена,
Ты пройдёшь по старым половицам,
Так, как ходит только тишина.
Молодая, на заре медовой,
С тихим жаром маленьких ступней,
Ты замрёшь от счастья молодого,
Я замру от радости твоей.

ДОЛГИЙ СВЕТ

Вслед за шумною листвою,
Открывая высоту,
Выпал снег, и всё живое
Стало видно за версту.
Чётки зимние приметы.
Вьётся в поле санный след,
И стоит за далью света
Одинокий долгий свет.

КЛАД

Прах встаёт вдали.
А. Фет

Всё, что было, — прахом сплыло,
Никаких примет.
Где, скажи, твоя могила,
Афанасий Фет?
В дни, когда в кровавой злобе
Шёл на брата брат,
Не в стихах, а в тленном гробе
Твой искали клад...
Край поэта сердцу дорог,
Я стою, притих:
В этих рощах, в этих долах
Твой написан стих:

«Я пришёл к тебе с приветом...»
Так прими поклон
С отягчённых белым светом
Четырёх сторон.
Может, буду я услышан.
Замирая, жду...
Оцветь розовая вишен,
Как туман в саду.
...Может, мы еще отмолим
Грешный край земли.
Вон, как облако над полем,
Прах встаёт вдали.

* * *

Вот она, Родина,
Как на ладони,
С горки зелёной видна.
Тихо заржали
За речкою кони,
Густо ответила им
Тишина.
Легкое облако
Встало над лугом,
Тень побежала окрест.
Вот они, вечные
Счастье и воля
Милых родительских мест.
Здесь я в начальной
Школе учился,
Змея пускал на горе.
В низеньком домике
Сам себе снился
В золоте и серебре.
Жить бы и жить
В этом ярком покое,
Речку любить, зеленыя.
Вскинули головы
Чуткие кони
И не узнали меня.

* * *

Могилы замшели, как лодки,
Не пристань — пустыня утрат.

Деревья склоняются кротко,
И с братом не ссорится брат.
Но странно, в любую погоду
(Так птицы сбиваются в круг)
Всё больше здесь стало народу
Из новозаветных старух.
Как будто с холерного пира
Бредут, выбиваясь из сил.
Как будто они не от мира,
А жители этих могил.
Неясному зову послушны,
Часами стоят у оград...
Нет места им в жизни бездушной,
И нет им дороги назад...

ЗМЕЯ

Она в траве осенней грела
Своё бескостное кольцо.
И кажется, что не смотрела,
Что не смотрела мне в лицо.
Дремотно спущенное веко
Не выдало и лёгкий вздрог.
И я по праву человека
Её разглядывал, как мог.
В сгущающемся напряженье
Я знал: меня не усыпить.
Шло молчаливое сраженье,
И кто-то должен уступить.
Я уступил... Сухая былка
Под шагом треснула как раз...
И я почувствовал затылком,
Как у змеи отверзся глаз...
Так бездна всеми голосами
Земной озвучивает прах,
Когда смыкается глазами
Со страхом первородный страх.

ЛОДОЧНИК

К нему не ходят на постой,
К нему ходить невесело.
И дом обходят стороной,
Страшась его профессии.

Он не был баловнем судьбы,
Живёт один, как демон.
Он нынче делает гробы,
А раньше лодки делал.
Бывало, ночь дохнёт грозой,
Всё вымрет в околотке,
И только он на чей-то зов
Отважится на лодке.
Но как-то местным подlicoм
Был тайно оговорен.
И в ночь глухую под крыльцо
Подъехал «черный ворон».
Никто не знает, где он был,
В каких краях болотных.
Одно лишь знаю, что гробы
Он делает добротню.
От той поры у старика
Осталась эта странность.
Когда вскрывается река,
Он запивает страшно.
И долго мается тогда,
Как будто что-то ищет.
Всплывают в памяти года,
Как лодки кверху днищем.
К стакану тянется рука,
А губы шепчут кротко:
— Вот посветлеют берега,
Подамся делать лодки.

ПИСЬМО

Застигнутый вьюгой, я в дверь постучал,
Открыл, не дождавшись ответа.
Вошёл и увидел — горела свеча
Пред образом тусклого света.

Молилась старуха. Замшелая тьма
Струила лампадную копоть.
Я слушал, как тайну чужого письма,
Горячий молитвенный шёпот.

— Ещё опишу тебе, Гриша, о том,
Чтоб ты воевал без заботы,
Сказали, что скоро подправят мне дом.
Соседка купила мне боты.

Я был потрясён этой речью простой,
Один из ночных постояльцев.
А тот, кто привёл меня к ней на постой, —
Крутнул выразительно пальцем.

Сдавило мне горло и сердце само
За эту согбенную спину.
Седая старуха молитву-письмо
Слагала погибшему сыну.

Всё пишет и пишет ему на войну
Печальница Божьего света.
Но нету ответа в её сторону,
И нет ниоткуда привета.

И некому старость утешить её.
Есть адрес, но нет письмоносца...
На тёмной иконе светилось копье
Георгия Победоносца!

Свечу задувало. Темнело в углу.
За окнами выло и выло.
Я вышел, я выбежал в снежную мглу,
И вьюга меня подхватила.

Россия, так кто же тогда не забыт,
Так что же тогда не забыто,
Коль русская мать на коленях стоит
Среди разорённого быта?

* * *

Какие-то птицы кричали в ночи
В предчувствии встречи.
Ты вышла из света, и пали лучи
На тонкие плечи.
Такою запомнил тебя навсегда —
Светлее виденья.
Когда над сиренью нависла звезда
За миг до паденья.
Запомнил навечно удар красоты,
Слепящей всевластьем,
Где мы умирали, и плакали мы,
И мучились счастьем.

СЛОВО

Юрию Оноприенко

Кто поймёт, а кто осудит,
Кто воздаст иную честь.
Говори о том, что будет.
Говори о том, что есть.
Не молчи о том, что было
И куда нас занесло.
Только б сердце не остыло
И быльём не поросло.
Только б радостно святое
Посреди житейских драм
Всплыло слово золотое,
Как ушедший в воду храм.

* * *

Деревья дорогу ему уступали,
И солнце спускалось за ним по холму.
И птицы, которые радостно спали,
Открыли глаза и запели ему.
И в том, как цвела под луною дорога,
И в том, как цветами смыкались следы,
Во всём ощущалось присутствие Бога —
В дыхании неба, земли и воды.
Весь мир предстал, как большое дыханье,
И радость восторга теснила мне грудь...
И сердцем владели любовь и желанье
Идти в бесконечный божественный путь...

* * *

Однажды он душу свою заспал...
Очнулся, а Родины нет.
Он к прежним святыням губами припал,
Но холод ему в ответ.
Он к матери кинулся — матери нет...
Кто знал его — нет никого.
С тоской посмотрел он на белый свет,
И свет посмотрел на него.
Так зрячие смотрят на путь слепых,
Готовых за свет шагнуть...

Свободный от мёртвых и от живых,
Он встал на незримый путь.
Незримые слёзы текли с лица,
А может, незримый пот.
Это проснулась душа слепца
И к Богу его ведёт.
Где Родина детства, любовь и семья,
Где знают — откуда он, чей...
И посох его обвивала змея,
И ворон сидел на плече...

* * *

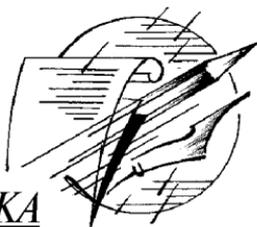
Отчизна! Родина! Россия! —
Мои вершинные слова.
В них неотъемлемая сила,
Тысячелетние права
На то, чтоб жить под русской синью
От русских дел не в стороне.
И жить не пасынком, а сыном
В самодостаточной стране.
Неважно — тихо или громко
Слова звучат тебе окрест.
Они твой посох и котомка,
Они твой жертвенник и крест,
Их свет не вычерпать, не вызнать...
Они от Бога на земле!
Россия, Родина, Отчизна —
Слова в единственном числе.

Александр КАЗИН,
доктор философских наук, профессор

ТЁМНЫЙ ОГОНЬ

Почему в мире бурлят — или назревают — «цветные» («оранжевые», «желтые», «розовые», «голубые», «черные», «серо-буро-малиновые») революции? Чего хотят все эти «раскованные» юноши и девушки — то в Алжире и Ливии, то в Иране и Ираке, то в Сербии и на Украине, то в Белоруссии, то — удивительно сказать — в самих США? Существует шутка, что в США не может быть «цветных революций», потому что в Вашингтоне нет американского посольства. 2020 год показал, что это не совсем так. Причины подобных революций не столько политические — они цивилизационные. Как выразился в своё время бывший чёрный президент Америки Обама, вопрос в том, кто на правильной стороне истории. И похоже, что «продвинутая» (читай — либеральная) часть населения этой планеты окончательно утвердилась в мысли, что главное на свете — это *свобода*. Вопрос только в том — свобода *кого*?

В конце позапрошлого века Лев Толстой спрашивал: «Железные дороги — чтобы ездить куда? Телеграф — чтобы передавать что?» Сегодня на этот вопрос можно ответить просто: что внутри,



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

то и снаружи. Технология формирует мир по образу и подобию своего хозяина. Причем формирует почти тотально — за теми исключениями, которыми подтверждается правило.

Проходя недавно по Летнему саду Санкт-Петербурга, я услышал, как один молодой человек лет пяти, стоя около копии античной статуи «Дианы», спросил у своей мамы:

«Мама, а это из какого мультика?»

Мама затруднилась с ответом.

Я тоже задумался. Рассказать малышу о подвигах Геракла и вообще о мифах древней Греции? Но мультики нынче повествуют совсем о другом. Как и вообще интернет, в котором нынешние дети «сидят» как раз примерно с пятилетнего возраста.

О чём же эта мировая сеть повествует?

Если сказать коротко — об *эрозе, танатосе и конце света*. Старик Фрейд улыбается со своей трубкой. Как в воду глядел, обнажив нутро грешного человека. Правда, ему пришлось-таки прикрыть это змеиное нутро фиговым листком своего зрелого — всё-таки ещё самое начало XX века было, сравнительно вегетарианские времена.

Сегодня вещи называют своими именами. Собственно, их просто показывают, особенно детям, юношам и девушкам. 24 часа в сутки мировая сеть выбрасывает терабайты информации, половину из которой (это подсчитано) составляет порнография. Та самая, которую раньше подсовывали из-под полы где-нибудь на базаре или в сомнительных компаниях. Менее грубая, но более опасная, глубинная. Теперь это социальная норма. Детская порнография, вроде бы, запрещена, а вот взрослая — да сколько угодно. Питайся ею, детская и взрослая душа.

То же самое — насилие. Убей его, иначе он убьет тебя. Чудовища — двурогие и шестиногие — лазают/летают по свету, как его хозяева. Американский человек-паук — любимый герой миллионов. Он хороший, говорят дети. Неважно, что паук. Сформирована целая фаланга монстров неведомых названий и очертаний. Все они «колят, рубят, режут». Главное — победа! Недавно видел сюжет, как подростки лет 15-ти скрытно протягивают на детской площадке тонкую, почти невидимую леску — специально для того, чтобы какой-нибудь малыш на бегу порезал себе глаза. Милые детки. 4 сентября 2020 года ФСБ арестовало 13 подростков, планировавших в разных городах взрывы на торжественных линейках в школах, и уже изготовивших соответствующие бомбы. Правительству специальным указом пришлось запрещать АУЕ — уголовную, в прямом

смысле слова, молодежную идеологию: «арестантский устав един».

А вот и конец света. В подростковом сегменте сети это самый «хайп». «Однако живем» — это в прошлом. Сегодня круче: «живи быстро и умри молодым!» Полузакрытые (только для своих) сайты учат «ласковой смерти» — от прыжков с крыш для девушек до тяжелых наркотиков для юношей. Оккультные группировки под разными слоганами предлагают красивую смерть — отказ от священного дара жизни ради черной дыры антибытия. Собственно, это и есть *антицерковь для молодежи*, со своим тщательно разработанным словесно-музыкальным оснащением. Тяжелый рок — пляска темных пламен. Я уже не говорю про рэп, особенно про рэп-баттлы с уничтожением противника абсценным словом, которое есть ничто иное, как молитва сатане. Один псевдоним «Гнойный» чего стоит! Гнойное слово (движение, жест) царит сегодня на улице, на радио, на сцене и, разумеется, в сети. Инволюция **нормы** идет со скоростью самолета. Я лично помню времена, когда девушки матерных слов не произносили. Совсем недавно было.

На просвещенном Западе дело обстоит серьезнее. Если на Руси *знают, что грешат*, то тамошние либералы — особенно университетские профессора — искренне полагают, что *так можно, и даже нужно*. Прогресс — это возрастание свободы! Нет Бога, нет традиции, нет нации, нет пола, нет Родины. Есть права человека! Радужный флаг — победитель небесного деспотизма. Рационализм — самодостаточный конечный человеческий рассудок — *не различает ценностей*. Как гениально предвидел Достоевский, «свобода, свободный ум и наука заведут их в такие дебри и поставят пред такими чудами и неразрешимыми тайнами, что одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие, непокорные, но малосильные, истребят друг друга, а третьи, оставшиеся, слабосильные и несчастные, приползут к ногам нашим и возопиют к нам: «Да, вы были правы, вы одни владели тайной, и мы возвращаемся к вам, спасите нас от себя самих».

Недавно президент Франции Макрон — кажется, по поводу какого-то юбилея расстрела исламскими радикалами редакции журнала «Шарли эбдо» — гордо заявил, что каждый француз имеет право на богохульство. Это же прямо цитата из Великого Инквизитора: «О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас, как дети, за то, что мы им позволим грешить». Я вспоминаю при этом многотысячные толпы на улицах города Па-

рижа в январе 2015 года — с обнявшимися премьерками почти всех европейских стран во главе — громко кричащие: «Мы все Шарли!». В переводе на человеческий язык: «Мы все бохухальники!».

Это цивилизация? Нет, это варварство. Причем варварство вторичное, постцивилизационное, наступившее после всеобщего торжества космополитизма-атеизма-либерализма (КАЛа). Если задуматься о функциональных корнях происходящего в XXI столетии возврата к Хаосу, то придется признать, что это вторичный Хаос — в сущности, *искусственный* продукт, инвольтация онтологически темных (нисходящих) энергий. На наших глазах разворачивается полномасштабный *инферногенез* — в Европе, Америке и отчасти в России. Дело тут не только в транснациональных корпорациях, снимающих любые границы — от географических до моральных — для своих капиталов. Дело в исходных ценностных установках владельцев этих корпораций, полагающих подобную ликвидацию необходимой и успешной. Не экономика, вопреки Марксу, является базисом культуры, а, наоборот, культура является базисом экономики, государства и цивилизации вообще. А базисом культуры и цивилизации является религия. **Цивилизация, культура и технология — это то, что вокруг культа** (П.Флоренский). *Культура — это сфера смыслов, а религия — это область совершенств и могуществ, эти смыслы определяющих.*

Если капитализм как таковой возник вопреки христианству («раздай своё богатство, богатый юноша, и следуй на Мной», не говоря уже о запретном ссудном проценте), то посткапитализму и вовсе ничего не стоит продать свою душу князю мира сего. В сущности, в XXI веке мы встречаемся с глобальной империей/цивилизацией зла, ядро которой находится в виртуале, но культурное и технологическое оснащение которой представлено на всех уровнях современного информационного космоса. Её своей волей — сознают они это или нет — творят свободные носители люциферианского выбора в истории. Якобы расовые протесты в Америке поддерживают сегодня отнюдь не только черные: их организаторами вступают как раз белые, но только с прическами зеленого, желтого и красного цветов — типично постмодернистская практика «означающего без означаемого». Такова сетевая интер-религия и интер-культура («сетература»), в экуменическом культе которых в принципе снимается различие между полетом и падением, ангелом и люцифером. Виртуальная реальность электроники — это жёсткое дисциплинарное поле произ-

водства человеческой «инфо-массы» («видиотов»), находящейся под строгим контролем анонимного сетевого антицерковного управления. Применительно к постмодернистским информационным и художественно-культурным сетям можно выделить даже некий «императив горизонтальности»: «Символические структуры типа «высшее-нижнее» заведомо кодированы как скомпрометировавшие себя, как не работающие; апелляция к ним расценивается как дурной вкус и обречена на поражение». Таков ныне глобальный художественно-политический перформанс. Эстетика политики в информационном обществе важнее политической экономии: первая управляет второй.

Задумываясь о будущем подобного культурного строя, можно предположить следующее. Уже в ближайшие десятилетия возможно наступление жёсткого «сетевого тоталитаризма», то есть нового мирового порядка, построенного именно на всеобщей относительности горизонтальных «пустых мест» цивилизационного пространства. Старомодное «дурновкусие» различения ценностного верха/низа может быть окончательно блокировано спекулятивными финансово-семиотическими играми, идеально встраивающими человека в игровую социально-компьютерную систему. Иначе говоря, возможна тотальная демонизация постхристианского мира, предсказанная таким мыслителями, как К.Н. Леонтьев, О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет, Р. Генон и др. — тотальное духовное раскрытие «мирового яйца» снизу для беспрепятственного воздействия на него inferнальных сил. В перспективе подобная социальная архитектура крайне неустойчива.

Постмодернистская цивилизация находится в плену у своих неклассических технологий, это пиррова победа протетевско-фаустовского проекта. Глобальный Фауст получит в XXI веке своего Мефистофеля — но уже не вальняжного господина, как в величественном сочинении Гете, а трансгуманистического киборга, в котором будет смоделирован люциферианский выбор, сделанный либеральной элитой Запада к XXI столетию. Антихристианская цивилизация вошла сегодня в гедонистическую фазу своей истории, предвещающую в обозримом будущем гностическую «культуру смерти», и последующий за ней суд. На улицах уже чувствуется нечистое дыхание поколений, занятых в своей короткой жизни исключительно «флешмобидами», обрекающими на гибель любую вертикальную социальную организацию и дисциплину. Научам, искусствам и государствам — конец. Прощайте, классические филармонии и психологические театры. За

гомофилами пойдут педофилы, за педофилами — зоофилы, потом ещё какие-нибудь «филы». И верховные суды признают их человеческие права. Последними пойдут людоеды, и съедят председателя верховного суда. Храмы будут сожжены (Собор Парижской Богоматери — не единственный пример), христиане, как в Риме, уйдут в катакомбы, а на бывших стадионах развернутся гладиаторские бои. Всё кончится антропофагией и войной всех против всех — Достоевский и это предвидел.

Что касается России, то здесь ещё *«бабушка надвое сказала»*. В отличие от Запада, в основном уже определившегося, и в отличие от Востока, которому в известном смысле не надо определяться (ритуал всегда равен себе), России как срединной цивилизации материка («хартленд»), сочетающей в себе динамику Европы и устойчивость Азии, **постоянно приходится делать судьбоносный выбор между восхождением и нисхождением, между классикой, модерном и постмодерном**. Либералы у нас надеются на то, что траектория прогресса ведёт мир от низших форм к высшим, чтобы однажды привести его в совершенное состояние — к «концу истории» по Фукуяме. Это как раз то состояние, когда преступление будет объявлено нормой, а норма — преступлением. В отличие от них, теоретик консервативной революции А.Г. Дугин предлагает, наоборот, *«запрячь в историческую работу» сам постмодерн, подобно тому, как древние богатыри заставляли пахать землю Змея Горыныча — принять вызов постмодерна, стремясь освоить его формальную структуру, с готовностью поместить в чудовищный язык глобализации радикально иное содержание, уходящее корнями в глубины премодерна, в Традицию. Это значит не просто отстаивать старое, но отстаивать Вечное»*.

Вряд ли такая стратегия имеет шансы на успех в постхристианском контексте, но в России она имеет шанс по мере её включенности в сохранившееся наследие православия, отвергающего как *хилиастический оптимизм* (утопическую веру в прогресс), так и устрашающую *трансгуманистическую эсхатологию*. История предстает противоречивой борьбой двух неравных, но огромных могуществ. Ее финальный смысл лежит за пределами мира сего, и он во всей полноте откроется только после его конца. Прав итальянский мыслитель Джорджо Манганелли, когда устами одного из своих персонажей говорит, что мы не замечаем, что конец света уже наступил, поскольку сам этот конец «порождает некоторое время, в котором мы пребываем, и это время исключает для нас опыт конца».

Ещё радикальнее выказываются некоторые современные петербургские «фундаменталисты». В романе П. Крусанова «Ворон белый» основные персонажи — художники, ученые, философы, музыканты — в финале как бы держат ответ перед Богом (вернее, перед его посланцем — *жёлтым зверем*) за то, как они жили и что творили. Оправдания бесполезны: Зверь всех убивает. Но характерны сами эти оправдания. В них звучит сомнение в праве и даже необходимости бесконечного (в плане гегелевской «дурной бесконечности») *творчества* перед лицом Абсолюта, и уж, во всяком случае, не остаётся не только модернистской гордыни, но даже и постмодернистской игры. «Я так и думал, так и жил» — говорит главный герой. «Стремился не соперничать с Творцом, а претворять с Ним вместе замысел, прислушиваясь к изначальной ноте, чтобы случайно не слагать, не осквернить тональность и тоже сделать красоту... Всё уже создано, и в этом рае просто нужно было жить, не отделяясь от него дурным умом и порожденной в муках творчества помойкой. Все, что портачит соблазненный разум, — скверна». В эпилоге романа героини всё-таки «воскресают» — правда, совсем в других оболочках и в других мирах, но это уже произвольная авторская «отмазка»: основной сюжет заканчивается аннигиляцией.

Так или иначе, роман «Ворон белый» разворачивает перед читателем картину *завершения вавилонской башни атеистической цивилизации*. В качестве альтернативы писатель предлагает смерть и трансцендентное воскрешение героев, отказавшихся играть в постмодерн, то есть в *игру с нулевой суммой, игру в ничто*. Так «модернизм, достигший стадии постмодерна, от апологетики всего изменчивого, инновационного перешёл к апологетике виртуального. Виртуальные игры выступают высшей и последней стадией развития модерна как идеологии «неустанных перемен». Перед современным человечеством стоит выбор: либо оно, азартно «заигравшись» с виртуальным, окончательно разлучит себя с космосом (точнее, с Богом. — А.К.) и устремится к самоликвидации, либо на новом витке вернётся к великой традиции, а вместе с нею — к реальному миру и к реальной ответственности перед ним». В России пока есть возможность это сделать. Надо только ясно сознавать, что это будет именно **наш выбор**, а не какая-либо необходимость, навязанная людям извне — чем-нибудь вроде «чипизации», «зеленых человечков» или гостей с Марса. Значительная часть люциферрианской элиты — научной, художественной, философской — уже сегодня посвятила свой талант

самоликвидации человека и уже давно справилась бы с ним, если бы это зависело только от неё.

Однако, как писал тот же А.С. Панарин, история — слишком серьёзное дело, чтобы доверять её только человеку. Своеобразие отечественной цивилизации проявляется в *состязательности*, конкуренции и даже борьбе между собой указанных установок творческого и нигилистического сознания, в то время как в современной Америке и Европе, например, они — во всяком случае, до 2020 года — коммерчески (путем символического обмена) сосуществовали. Не исключено, что «коронованный вирус» послан нам для того, чтобы не дать возможности глобализму (читай — пошлейшему американизму) подмять под себя остальной мир, заменив его пестротой национальных консерватизмов. Россия, по всей вероятности, найдёт себе место в новом многополярном («постковидном») мире, особенно если Китай, Индия и Ислам помогут ей в этом. Это уже не будущее, это настоящее.

РАССКАЗЫ

КТО НА КОГО УЧИЛСЯ

В феврале не стало моего товарища Серёги, с которым дружил более двадцати лет. Пошёл он утром умываться и рухнул. Едва за шестьдесят перевалило, до последнего дня в волейбол играл, что меня, тоже волейболиста, всегда радовало. Я-то немного постарше буду, и не осталось былой прыгучести и координации, а всё равно волейбол — игра на всю жизнь. Но познакомились мы не на площадке, а в компьютерном отделе. Серёга — бывший офицер, в середине 90-х уволился из армии. Знание технического английского и компьютера помогло ему стать инженером-айтишником. Он имел успех, работая в издательствах и торговых фирмах, к тому же всегда из-за отзывчивого характера был на виду в любом коллективе. Его уважали руководители, коллеги-женщины и даже чёрный кот, которого котёнком однажды подобрал на улице. Котёнок быстро вырос и стал талисманом отдела. Занимался им в основном Серёга, даже приезжал в выходные, чтобы напоить и покормить, возил на прививки, и никто в этом ему осо-



ПРОЗА

бенно не помогал, правда, время от времени скидывались всем отделом на кошачий корм — дело-то компанейское. Да и сам он был компанейским.

Это и помогло нам подружиться, когда я попросил знакомого помочь сделать вёрстку книги, а тот отправил меня к Серёге. Вскоре по его совету обзавёлся компьютером, а он помог наладить. Предложил денег за работу — отказался, лишь намекнул, что заглянуть в гастроном не возбраняется. С той поры запросто звонил ему, всегда радовавшемуся моим книгам, публикациям, выслушивал замечания о новых сочинениях; иногда он что-то хвалил — в общем, не оставался равнодушным к тому, чем я занимался. И это было особенно приятно. А так как я тот ещё «чайник», то приходилось частенько обращаться за компьютерной помощью, и он охотно отзывался, говорил шутливо: «О, господин пейсатель! Всегда рад помочь!» От его лёгкой иронии на душе делалось легко и совсем не обидно. Любил он не только литературу: то закатится с женой в Ярославль в тамошний театр на новый спектакль, то начнёт рассказывать о выставке на Крымском валу — и всё ему интересно, везде ему хочется успеть, тем более что дети выросли, жили сами по себе.

Я же, имея такого товарища, совсем обленился, понимая, что не поспеваю за развивающейся техникой, хотя и не особенно стремился поспевать. Не моё это. Проще позвонить Серёге и рассказать о закавыке с компом; используя опцию удалённого доступа, он легко справлялся с любой «засадой». После этого как не встретиться в чебуречной на Сухаревской, считавшейся лучшей в столице ещё с советских времён? Чебуреки здесь сочные, душистые, их аппетитный аромат растекался по всему скверу на месте дореволюционной толкучки. Употребляли огненные чебуреки так: двумя ложками зажимался угол чебурека, другой откусывался, а бульон сливался в третью. В общем, объеденье. Трёх чебуреков с бараниной или говядиной вполне хватало пообедать. Можно было по-тихому пропустить рюмочку-другую, а с некоторых пор шкалики с водкой и коньяком продавались вполне легально. Так что мы часто бывали с Серёгой на Сухаревской, и оставались довольны этими походами, потому что разъезжались по домам выпившими и сытыми. Встречались и по не «производственным» делам. Отмечали дни рождения, День защитника Отечества, ВВС, где он служил, да и мой ВДВ — это уж обязательно. Так что достаточно находилось поводов, и мы охотно ими пользовались, а иногда встречались и без повода — просто так.

И вот с Серёгой минувшей зимой попрощались на Хованском, и навсегда сорвалась наша очередная встреча на Су-

харевке. Его сослуживцы, зная, что он помогал мне в компьютерных делах, обещали не бросать, говорили, мол, не стесняйся, всегда обращайся, но как-то позвонил им и понял: всё изменилось. Не оказалось у них второго Серёги. И перестал их тревожить.

Жизнь, понятно, продолжалась. Много времени проводил за компом: это и новые рукописи, и почта, и соцсети — дело известное. И с каждым днём он работал всё медленнее и медленнее. Спросил у сына, что это может быть, а он как всегда: «Потом посмотрю!» Обещать-то обещал, но я-то знал, что это «потом» может растянуться до бесконечности. И от этого делалось обидно, ведь сам-то я при первой его просьбе всё бросал и спешил на помощь. Конечно, не всегда он был таким, а началось это, когда я на пару лет уходил из семьи. Да, был такой момент, искал семейного счастья на стороне, устав от постоянных придирок жены из-за безденежья, но ничего не получилось. Да и кому нужен человек с несытными заработками. Но у кого они были «сытными» в 90-е? Пришлось вернуться. Кое-как был принят женой, и сын вроде бы первое время радовался, но когда повзрослел, женился, то не сумел до конца простить мой «заскок», хотя напрямую никогда не укорял. Лишь оттаял, как мне казалось, когда устроил его в солидную организацию после университета. Стал хоть как-то отзываться на житейские просьбы, но недолго — со временем забыл отцовскую заботу, и всё чаще кормил «завтраками». И вот теперь сам разругался с женой и, оставив без внимания сына-подростка, третий месяц жил у нас. Временем располагал, но не располагал душевностью и вниманием к отцу, продолжавшему делать замечания, «учившему жизни». Как-то не выдержал, сказал ему прямо, заведя разговор на общую с ним тему, и он понял, что я имел в виду:

— Вся жизнь, что ли будешь, дуться?!

Думал, промолчит, но отозвался грубо и не почтительно:

— Сам виноват!

Задело это меня, чего скрывать, поэтому ответил в тон, неуважительно, как случайному несимпатичному человеку:

— А сам-то чего же сына оставил? Или только за другими замечаешь промахи?

Он хотел что-то сказать, но промолчал, не сумев честно ответить, а врать, видно, не захотел. Ну, хотя бы так.

После этого разговора я вспомнил о двоюродном племяннике, год назад перебравшемся из провинции. Его отец, помнится, очень нахваливал сына-компьютерщика, гордился им. Вот, мол, светлая голова, заработал и накопил денег на квартиру. «Представляешь, в Москве теперь живёт, там у вас

такие возможности!» И я понял, что парень не промах, если в районном городе, пусть и крупном, сумел хорошо заработать. Попробуй, сруби деньгу, если ты не жуликоватый чиновник. А ведь смог! И было радостно, что у брата такой башковитый сын. И я позвонил Алексею, рассказал о своей проблеме, а он сразу расстроил:

— Дядя Володя, проблем может быть несколько, и сразу не скажешь, от чего именно комп тупит. Как-нибудь подкачу, посмотрю. Вы в Строгино живёте?

— Да, в Строгине...

— Диктуйте адрес! — недолго думая, попросил Алексей. — В ближайшие дни буду. Может, и делов-то на пять минут!

Как не обрадоваться такой отзывчивости?! И я порадовался за племянника. Подумал: «Есть же, есть хорошие люди!» С этой мыслью и далее жил, и было приятно, что кто-то о тебе думает, заботится.

Неделя прошла, вторая — позвонил ему. Оказалось, что Алексей помнит обещание, но сейчас очень много работы.

— Подождите ещё немного, дядь Володь, обязательно заскочу.

Прождал две недели, и сил более ждать не осталось, тем более что комп почти перестал работать. Файл PDF объёмом 15 МБ скачивался 14-15 минут. Весь обозлившись, пока дождётся. Тогда вновь напомнил сыну, не дождавшись помощи от племяша.

— Тебе горит... — огрызнулся он.

Всё, деваться некуда, надо «сдаваться» мастерам со стороны. Позвонил в центр ремонта компьютеров. Выслушали там мои стоны и пообещали через два часа прислать мастера.

— Спасибо, буду ждать! — обрадовался я, сообщив адрес.

Мастер прибыл без опоздания: лет тридцати пяти, невысокий, курнос, в очках (умный!), надел бахилы, я ему подал гигиеническую салфетку для рук, и он уселся за комп, но сначала представился:

— Сергей... — а у меня от его имени что-то в груди заломило, сразу вспомнил своего Серёгу.

Новый Сергей пощёлкал мышкой, изучил одну техническую страницу, другую, печально качнул головой, вздохнул:

— Работы много будет... Желательно жёсткий диск заменить. Сколько лет-то машине?

— Да уж лет восемь-девять... А вы все данные сохраните?

— Сохраню, куда же деваться, хотя вы накопили за эти годы ого-го сколько всего.

— И до этого был компьютер, и не один, всё пришлось сюда перенести, чтобы под рукой рукописи и фотографии были.

— А вдруг жёсткий диск сгорит?! Ведь всё пропадёт!
— Что важное, а важное у меня всё, переписал на запасные диски. Вон в углу стопка стоит. Так что обезопасил себя, как мог.
— Тогда другое дело. Ну, так что? — задал мастер вопрос и сделал паузу. — Меняем диск!
— Надо так надо. Сколько это будет стоить?
— Около четырёх тысяч, не считая работы. Как раз у меня есть один с собой.
— Вполне согласен. Меняйте, если уж время подошло его менять.

— Но учтите, что будут ещё расходы по переносу и сохранению данных, установке браузеров и прочие — сами понимаете, что бесплатно такие вещи не делаются.

— Надеюсь, цена-то не будет кусаться?

— Всё подъёмно, даже для пенсионеров.

Мастер начал что-то писать на листочке, фотографировать смартфоном, попросил освободить системный блок от окруживших его книг и бумаг, а сам запустил перекачку данных с компьютера на внешний диск. Когда скинул, то спросил о пылесосе:

— Наверняка в компе полно пыли.

— Как ей не быть, если я года три не чистил его.

Принёс я пылесос, подключил, а мастер снял с блока панель, пропылесосил, начал устанавливать диск.

— Как у вас всё ловко получается! — искренне похвалил его, начинавшего по-настоящему нравиться: говорит мягко, уважительно — сын редко когда на такое сподобится.

— Кто на кого учился! — улыбнулся через очки мастер. — Вот вы-то тоже чему-то учились, если все полки заставлены книгами да журналами?!

— Так уж получилось... — отговорился. — Могу подарить книгу на память!

— Спасибо! Я ничего не читаю — некогда...

На какое-то время наш разговор замолк, чтобы поддержать его, я предложил кофе, но гость отказался, достал из рюкзака бутылочку с водой, сделал глоточек, не позволяя мне фамильярничать. Но всё равно дистанция казалась условной. Было видно, что Сергей сосредоточен, хочет поскорее завершить работу, потому что за окном сгустились июльские сумерки, и мне подумалось: «Вот что значит современный человек — действительно «пашет». Вспомнил племянника. Алексей, наверное, так же «пахал», а иначе как зарабатывать на квартиру в Москве?! Всё-таки шустрая ныне молодёжь, хотя так и должно быть. Когда, как не в молодости, зарабатывать на жизнь, и не только?! Мой сын так не умеет:

ленив, заносчив, укрывается за сплошными отговорками. Вот сколько раз просил его подключить принтер и сканер после установки Windows-10 (да, был и ещё вызов мастера, но тот оставил самые неприятные воспоминания)! Сергей не таков: сказал ему об этом, и он радостно отозвался:

— Запросто!

Работа, чувствовалось, подходила к концу, и я попросил вывести ярлыки на рабочий стол, чтобы потом легче ориентироваться.

— Само собой! — уверил он меня, а я старался запомнить привычные обозначения, но выглядевшие по-новому. В общем, дело-то знакомое после стольких лет общения с компом. Это в глубину не удаётся залезть, а в пределах бытового пользователя — легко.

Чем ближе было окончание работы, тем Сергей становился вежливее, видимо, привыкнув ко мне, к тому, что я не очень-то досаждал вопросами, а какие задавал — старался, чтобы они были конкретными и не смешными. И у меня это, кажется, получалось, по крайней мере, Сергей выглядел вполне бодрым, не угнетённым, лишь начал старательно сопеть, когда принялся заполнять квитанцию и открыл калькулятор. После нескольких минут писанины он вздохнул:

— Солидно вы загрузились... На тридцать семь тысяч!..

— На ско-о-ль-ко?! — поперхнулся я.

— Тридцать семь. Всё по прейскуранту! — и сунул мне под нос распечатку мелким кеглем на пяти или шести страницах.

— И распечатка ваша не нужна, и платить я не собираюсь. За такие деньгищи можно новый комп купить со всей конфигурацией!

— Хорошо, как пенсионеру, сделаю скидку на семь тысяч. Вас это должно устроить.

— Ни в коей мере...

— И как быть?

— Посчитать правильно, по совести! Дайте квитанцию!

Я нацепил очки, взгляделся в каракули, вчитываясь в перечень работ и цены. Причём большая часть цен была закрыта печатью. Но кое-что удалось рассмотреть.

— Объясни, — попросил я, — как понимать вот эту строку: «Перенос и сохранение данных». И далее: «Код услуги — 5.3, цена в рублях — 350, кол-во. — 3,8», а общая сумма услуги — 13200 рублей? Как можно получить такую сумму, умножив 350 на 3,8? — Мастер мой замаялся, а я продолжал: — А эта запись что значит: «Три консультации»?!. Причем, по 1500 каждая? Три ярлыка вывести на рабочий стол — равноценно трём консультациям?! Да это твоя прямая обязанность! — я

невольно перешёл на «ты», потому что не осталось и капли уважения к этому мерзкому человечку, общипанным воробьём уместившемуся на стуле передо мной.

Он даже не покраснел и не извинился, лишь торопливо предложил:

— Тогда я сделаю персональную скидку на 11 тысяч! Это вас устроит?

— Ну, вот, это более или менее приемлемо, — не сразу согласился я, понимая, что не дождёшься никакого иного послабления. Дело же может закончиться скандалом, тем более что в квартире находился сын — крепкий и увесистый качок. А лишний шум, разбитый нос и полиция меня совершенно не устраивали.

Выложил я 19 тысяч и не удержался, уколол напоследок:

— Ловко у тебя получается?! Ошпарил ценой, а потом почти в два раза скостил её! И как же будешь отчитываться перед своей конторой? Или возьмёшь новую копию бланка и перепишешь квитанцию так, как тебе выгодно?! Ты этому учился? Если да, то неправильно учился, не тому, и не думай, что твой поганый опыт всегда будет помогать!

Я мог бесконечно терзать его, утоляя собственное злорадство, но он ничего не ответил, а быстро подхватил рюкзак и, не снимая бахил, выскочил на лестничную площадку, я же плюнул ему вслед и так хлопнул дверью, что, наверное, дом пошатнулся.

В этот вечер я не мог смотреть на комп. Он осточертел, казался ненасытным монстром, и вспомнились мне прежние времена, и Серёга вспомнился, и Сухаревская, и всё-всё остальное. Да-а, как всё поменялось. И дело не в деньгах, а в отношениях. Ведь этот типчик два с лишним часа втирался в доверие, чтобы потом оглушить беспощадным приговором, чтобы я проглотил его «разводку» не поперхнувшись, не сумев и не успев возразить. Вот только не вышло это у него, или почти не вышло, но это меня совсем не радовало, а лишь усиливало униженность. С тяжёлыми мыслями и разбитыми чувствами лёг спать, а сон всё не шёл и не шёл.

— Сколько будешь вертеться-то? — зашипела жена, усилив мою обиду.

А на следующий день позвонил двоюродный брат из Тульской области и скорбно сообщил, что Алексей, возвращаясь из Крыма, разбился на машине, и я сразу представил его успешного сына-компьютерщика, но неожиданно увидел в образе вчерашнего мастера. Из двух людей получился один отвратительный портрет. Понятно, что Алексей ни при чём, и ничего не сделал мне плохого, но я ничего не мог с собой по-

делать. Брат просил приехать на похороны, я неуверенно пообещал, словно заранее отказавшись от поездки:

— Постараюсь, но не факт, что болячки меня отпустят...

После этого даже не сразу сообразил, что поступил неуклюже, постыдно, прежде всего перед самим собой. Понимая, что я не прав, излишне зол и мстителен, тем не менее, ничего не мог с собой поделать.

Кое-как разломавшись после вчерашних переживаний, вспомнил о компе, включил его и вдруг понял, что он вновь «отупел», а самое неприятное в том, что почта работала еле-еле, постоянно «зависала» и непростительно долго скачивались поступающие со всей России рукописи авторов. Ну, не может такого быть, чтобы вчера всё работало, а за один день всё сломалось. Неужели мастер мог как-то навредить? Я не верил в это. Позвонил в его контору, недовольная женщина сказала сонным голосом, что подобная «тупость» часто случается, и попросила перезагрузить компьютер. Перезагрузил — прежняя история. Сообщил ей об этом, и попросил связаться со вчерашним мастером.

— Он сейчас на вызове, как освободится, позвонит вам.

Ждал до вечера, но так и не дождался обещанного. Никто не позвонил: ни сонная тётка, ни рукодельник. Тишина. Начал обдумывать ситуацию: почему, ну, почему, комп вчера вполне сносно работал и вдруг опять «отупел»? Решил на всякий случай проверить скорость интернета. Проверил, найдя в интернете нужный сайт, и неприятно удивился: скорости почти не было. Она и прежде-то была бюджетная, для пенсионеров, а теперь стала почти никакой. Я уж было хотел звонить провайдеру, узнать, в чём дело, но тут вернулся с работы сын и отвлёл, начав собирать вещи в дорожную сумку. Собрыв, взглянул ко мне, усмехнулся:

— Опять мучаешься?!

— Мучаюсь. А тебе что, от этого радостно?!

Он подошёл, спросил:

— Ну, и в чём сейчас-то проблема?

— Почта тупит. Еле качает. Хочу провайдеру звонить.

— погоди. Попробуй перезагрузить роутер.

Отключил я от питания этот самый роутер, подождал пару минут, включил. Сын скомандовал:

— Открывай почту!

Попробовал скачать файл, который перед этим скачивался 15 минут. Теперь же он полыхнул почти мгновенно.

— Ну вот! А ты суетишься, мастеров вызываешь!

— Тебе-то, сколько ни проси, некогда! Можно сказать, из-за тебя столько денег профукал!

— Ладно, пап, не зуди на дорогу.

— Далеко ли собрался?

— К твоему внуку возвращаюсь. Ты же этого хотел?!

Я что-то промямлил одобрительное, сын не дослушал и вышел, о чём-то напоследок заговорил в кухне с матерью, которая сегодня со мной почти не общалась, обидевшись на вчерашнюю трату семейных денег, лишь упрекнула, словно никогда не дарил ей цветов, что, мол, на цветы сотню-другую жалею, а какому-то проходимцу отвалил немеряно. Она в этот день была неприятна мне, а я ей — тем более, но не обижался на её причуды, они были понятны. Более обижало недавнее равнодушие сына, которое надо бы забыть после его сегодняшней конкретной подсказки, которой напоследок решил меня осчастливить, хотя вполне мог это сделать давным-давно. Поэтому и не зачеркнёшь его всегдашнее невнимание, от чего делалось и стыдно, и обидно, и горько до невозможности. «Ну, почему, почему так происходит? Почему нельзя вовремя подсказать, сделать небольшое одолжение, помочь отцу в нужный момент?! Неужели ему приятно выслушивать просьбу сто раз и дожидаться какой-то экстремальной ситуации?!» Не мог я себе ответить на это, и сын наверняка не ответил бы, потому что мы давно разными стали, из разных поколений. И даже не особенно всколыхнуло его сообщение о внуке — дело житейское, поверхностное — всё ещё сто раз изменится, хотя хорошо, конечно, что жизнь у сына налаживается. Хоть в чём-то плюс. Но разговор-то об ином. Во времена моей молодости, и не только, было не в тягость помочь другому, тотчас отозваться на просьбу, а нынешние молодые иные. И как же быстро они стали такими, хотя сами не понимают этого. Только нам, тем, кому есть, что вспомнить и с чем-то сравнивать, это доступно. А им нет. Они живут по принципу: «Каждый за себя» — и думают, что так и должно быть. Точнее сказать, не задумываются, принимают это как данность, как постоянную величину, которая всегда была, есть и будет. И от этого становилось ещё страшнее, будто стоишь в этот момент, балансируя, перед бездной.

А если «каждый за себя», то давно надо бы понять, что ни от кого ждать понимания не приходится, тем более от мастера, который и на следующий день не позвонил. Попытался связаться с его офисом, но никто не отозвался, даже сонная тётка. Решил съездить на Красносельскую. В пути погуглил в смартфоне, пытаюсь поподробнее узнать, что это за фирма, и оказалось, что она зарегистрирована ровно год назад, имела статус микропредприятия, и значился в ней один человек — учредитель. Такие фирмы работают по «упрощён-

ке», этим и пользуются ловкие люди, и теперь предприятие наверняка благополучно закрылось. Теперь учредителя надо будет искать под какой-то иной вывеской. «А надо ли пачкаться?!» — озадачился я вопросом и решил не искать ветра в поле.

И сразу легче сделалось, вспомнил о своём Серёге, о Сухаревской и изменил маршрут. Через двадцать минут был на месте, заказал два чебурека, взял шкалик коньяку и устроился за свободным столиком и помянул друга, незабываемого человека своего поколения. И столько всего вспомнилось хорошего, доброго, светлого. Ведь мы никогда не ссорились, обходились лёгкими шутками — не более, он ни разу не выразился некрасиво о какой-либо женщине, ни об одном сослуживце. Ни разу не ругнулся матом, хотя я иногда не сдерживался, осаживая какого-нибудь охламона. Первое время его правильность даже настораживала меня, не привыкшего церемониться в суждениях. Казалось, мы были разными — и по характеру, и по занятиям — но это не мешало найти что-то такое, что сблизало. И заслуга в этом, конечно же, не моя. Окончательно расчувствовавшись, я взял ещё шкалик, вздохнул:

— Эх, Серёга-Серёга...

МЯМЛЯ

Уж как хотелось Саше Мямлину встретить Зою из роддома, столько было счастья припасено для такого случая, но всё сорвалось. Зоя отправилась в роддом здоровой, а там выяснилось, что она простуженная, такой и пришлось рожать. Еле-еле справилась, Бог миловал. Он помог, но с врачами не поспоришь: оставили на неделю в больнице. Пришлось Саше частенько томиться ожиданием под окнами больничного корпуса, куда перевели Зою из родильного отделения; из-за карантина в больнице он проникал на территорию через лаз в заборе и, позвонив, дожидался, выглядывая из кустов, когда она, пусть и не сразу, мелькнёт в окне. Охранники несколько раз выгоняли Мямлина за территорию, а потом пригрозили:

— Ещё раз появишься — в полицию сдадим!

И он стал караулить за больничной оградой, но Зою редко видел. Саша переживал от обидной неопределённости, хотел узнать, что случилось, почему вдруг она так изменилась, если даже по телефону толком не поговорит. Он спросит о доченьке, о самочувствии, а она ничего не расскажет, не поделится радостью, словно и не радость к ней пришла вместе с дочуркой, а страшное несчастье. Но как-то её прорвало:

— Чего говорить, чему радоваться-то... Мы с дочей в разных отделениях лежим... А ты обманщиком оказался! Вруном несусветным!

— Что случилось? — спросил он в надежде хоть на какое-то объяснение, но услышал обидную отговорку.

— А ты сам подумай, а потом спрашивай! — упрекнула она, заплакала и отключила телефон.

Он потоптался, повздыхал и отправился домой. Само собой вспомнилось, как два года назад он оказался в этом районном городе, как познакомился с Зоей, когда переехал из посёлка в выделенную ему как детдомовцу однокомнатную квартиру, отошедшую государству после кончины одинокой жительницы. Да и трудно было не познакомиться с Зоей, если она жила в соседнем переулке, а на работу они ездили в одном автобусе. Вернее сказать, она сама познакомилась из-за мести своему парню, которого провожала в армию какая-то мымра из колледжа. А Зоя лишь перед самыми проводами с ним поругалась, и от этого ей стало ещё обиднее. А тут новый кавалер появился: скромный, опрятный, но очень и очень стеснительный: поздоровается, а в глаза заглянуть — это не для него. И всё, как поняла Зоя позже, из-за своего шепелявого голоса. Даже из-под усов было видно, что губа у него какая-то необычная. В первое время Зоя не решалась спросить от чего так, да и не спросишь прямо, а когда познакомилась поближе, он сам сказал, когда она уж слишком внимательно начала приглядываться к его внешности, но он-то знал, что приглядывается она не к его кучерявой шевелюре:

— Не обращай внимания... Это меня лошадь в раннем детстве копытом припечатала... — И смутился, даже покраснел. — Поэтому и усы ношу.

— Они тебе идут...

Саша думал, что Зоя бросит его, но нет, даже внимательнее стала. После работы и по выходным частенько приходила к нему и сразу принималась наводить порядок. Он её даже оттаивал:

— Да, ладно... Семья у вас многодетная, и без того постоянно приходится помогать матери.

— Ну и что... Там одна забота, а у тебя другая.

Саша видел, что ей очень нравится быть хозяйкой, она могла, когда уж совсем делать нечего, бесконечно переставлять горшок с геранью из кухни в комнату и обратно. И каждый раз видела в этом что-то новое. А ему всё равно, где будет стоять цветок прежней жилички. Ему нужна была сама Зоя. Особенно, когда осталась ночевать.

— А тебя не будут дома ругать? — спросил он, стесняясь спросить ещё о чём-то или что-то сказать.

— Некому. Отец на Северах на заработках, мать с четырьмя моими братьями и сёстрами колупается. Она только будет рада, если свалю из дома... Да и совершеннолетняя я, своя голова на плечах есть.

Наверное, поэтому она и домой к себе не очень-то приглашала, сразу почувствовав себя у Саши хозяйкой. Только раз как-то зашли вместе, чтобы забрать Зоины вещи, да и то, когда никого не было. А вскоре он и сам ей купил нарядов, потому что третий год работал сварщиком в автосервисе, и деньжата водились. И вообще он всё отдал бы своей чернявой и бойкой Зойке, к которой сразу привык, и готов был за неё биться, если пришлось бы. Это в детдоме его звали Мямлей, но там другие отношения, там всё другое. Там чуть чего не так — мигом заташат за угол и надают по шее. Да и в самом посёлке могли наkostenять, но побаивались детдомовских. А в городе каждый за себя: сидят пацаны у компов и бои без правил смотрят, силу воли тренируют на удалёнке. А коснись — себя-то защитить не смогут, не то чтобы за кого-то постоять.

О себе он не думал, у него теперь было, кого защищать. Саша ранее не представлял, что значит любить девушку, ночевать с ней. Это такое, оказывается, счастье! В детдоме почти у всех старших ребят были девчонки, все об этом знали, но делали вид, что ничего особенного не происходит. Только у Саши не имелось и ещё у одного пацана по прозвищу Ботаник — тот всё свободное время проводил в библиотеке, где были компьютеры, и не бои он смотрел, а изучал историю времён и народов и готов был бесконечно рассказывать о минувших веках. Поэтому неудивительно, что он с медалью окончил школу и поступил в университет на бюджетное обучение.

У Мямлина таких способностей к учёбе не имелось, зато лет с тринадцати стал первым помощником завхоза. То столляркой с ним занимался, то, как заправский водопроводчик, резьбу на трубах крутил, а то смело брался за газовый резак. Когда пришло время выбрать профессию, то захотел выучиться на газосварщика, а не на водителя, как большинство ребят из его группы. Поэтому при расставании с детдомом у него на руках было заветное удостоверение. Саше помогли устроиться на работу по специальности и посоветовали пока не соглашаться на предлагающееся жильё — обычную комнату в какой-нибудь неухоженной коммуналке.

— Потерпи немного — поживи на съёмной, — предупредил как друга-приятеля директор, которого за хромоту назы-

вали «стук-нога», хотя никогда вроде бы не выделял Мямлина среди воспитанников, — а при первой возможности тебе отдельную квартиру предоставят. Такая договорённость имеется... — И многозначительно потрепал по мягким, льняным кудрям Сашу; уважали его — отзывчивого и необыкновенно совестливого. И вот его отзывчивость и совестливость удачно соединилась с Зойкиной настырностью, умением добиться своего; она это могла, как никто, научившись общаться с покупателями в продуктовом магазине.

Саша в этом убедился ещё раз, когда после родов она уж очень резко изменила отношение к нему. Ведь что-то должно было произойти, ведь ничего не бывает на пустом месте. Он ходил в эти дни сам не свой и ничего не понимал. Вот уж две недели минуло, как Зою выписали из больницы, и она ничего не сказала о своей выписке Саше, словно и не существовало его. Спасибо, её мать позвонила и укорила: «Что же ты, Александр, даже ребёнка не зайдёшь посмотреть?!» — «А меня кто звал?!» — только и сказал он, проглотив обиду. И это было действительно так. Зоя лишила его, быть может, самого трогательного мгновения в жизни каждого отца — встречи ребёнка из роддома, а он не знал, что делать: ну, не будешь же жаловаться её матери, чтобы она переубедила дочь. Он сам звонил Зое, просил о встрече, но она превратилась в каменную стену. Когда же, не узнав себя, повысил голос, она холодно просила:

— В зеркале давно видел себя? — У Саши всё оборвалось в душе. — Что молчишь? — Зоя продолжала казнить, и, похоже, это ей доставляло радость. — Ты скрыл, что у тебя врождённый дефект. Это заболевание наследственное, и оно перешло ребёнку. Вот каково ей теперь будет жить с этим? Ладно бы был мальчик, а то девочка, понимаешь — де-воч-ка!

Саша молчал и чувствовал, как колотится сердце, как сразу вся жизнь обломилась и разрушилась. Ведь он не желал никого обманывать, тем более Зою, он ничего не знал определённого о дефекте, лишь с детства жило в памяти объяснение какой-то тётки в белом халате, когда спросил у неё о своём шраме на губе.

— Это тебя лошадка ударила... — услышал он в ответ. — Ребятишки баловались — у лошади из хвоста волосы на свильцы дёрпали, а ты ни за что пострадал...

И более никто и никогда не говорил об этом, а сам он не очень-то вникал: какой есть, такой и есть. Стеснялся, конечно, а более всего перед Зоей первое время, и переживал, рассказывая, почему его не призвали в армию.

— Ну и хорошо, что не забрали! — радовалась она. — А то мы и не встретились бы!

И всё было хорошо, но вот теперь, оказывается, всё перевернулось.

— И кто тебе это сказал? — спросил он у Зои, имея в виду её слова о дочери и не веря им.

— Врачи, кто же ещё! Спросили, есть ли кто-нибудь в родне с таким заболеванием — ну я и вспомнила о тебе, как ты ловко притворялся, рассказывая о «лошадке».

— Да не притворялся я. Действительно верил в это, — тихо сказал Саша, будто приговор себе подписал. — И что теперь? — спросил он, ни на что более не надеясь.

— Что-что... Развод и девичья фамилия...

— Могу я свою дочку увидеть?

— Нет... А если придёшь и будешь ломиться в дверь — полицию вызову! Ты меня знаешь! — и отключила телефон.

Мямлину захотел сразу пойти к Зое, как-то, во-первых, посмотреть на дочь, а, во-вторых, сказать... Что он скажет, как посмотрит — он не знал, но что-нибудь придумалось бы, уж не совсем он Мямля-то. И он уж было собрался, но у двери остановился и почувствовал, что нечем дышать, и упал на диван без чувств, без мыслей — как полено.

Несколько дней находился в тумане и не знал, сколько ещё будет сам себе рвать душу, думая более не о Зое, а о дочке, которую даже не знал, как зовут... Зоя зачем-то скрывала её имя, и непонятно, чего добивалась. Это надо такое придумать, чтобы новорожденную не показать отцу?! «Что ж, насильно мил не будешь!» — не зря ведь говорят, вспомнил он поговорку. Хотел этим утверждением поддержать себя, успокоить, заставить забыть, но разве легко это сделать.

И всё-таки он, как мог, настраивал себя на другую жизнь, не зная теперь, какой она будет. Гнал все воспоминания о Зое, вот только дочурка не давала покоя. В выходные дни он несколько раз издали наблюдал за Зоей, гулявшей с коляской на бульваре, и не узнавал её из-за худобы — так она изменилась после родов и болезни. Всякий раз хотел подойти, хотя бы мельком взглянуть на дочку, но так и не смог победить себя, переступить невидимую черту обиды и непонимания. И тогда он перестал ходить на бульвар, затворил душу и ничего, кроме работы, не знал, понимая, что никто его не ждёт и никому он не нужен.

Если Мямлин не маячил бы на бульваре, то, быть может, Зоя быстрее бы забыла его, но он появлялся, хотя чего добивался — неизвестно. Она не знала его планов, мыслей, но всё равно его потаённое стремление увидеть их с дочуркой радо-

вало, и теперь уж, незаметно для себя, она забыла, как ругалась на Сашу, укоряла, хотя можно ли его укорять, если вины ни в чём не было. Особенно она повеселела, когда услышала от детского врача, что через полгода можно будет делать косметическую операцию дочке, и шрам на губе с возрастом почти не будет замечен. Это-то и радовало, помогло по-иному посмотреть вокруг себя и вспомнить о Саше. Молодец же, что не остался равнодушным, мелькает перед глазами. Значит, по-настоящему любит! Это-то и подтолкнуло Зою посмотреть на себя по-другому, оглядеться и понять, что не всё в жизни так плохо. Всё поправимо и преодолимо. Она даже хотела как-нибудь поговорить с ним, но он вдруг пропал и более не прятался за деревьями и ларьками.

Саша не знал, о чём всё это время думала она, вспоминала ли. Неужели в её душе ничего ни разу не шелохнулось?! Вот уж второй месяц пошёл, как она выписалась из больницы, а ни слуху ни духу. Была — и нет её. И на бульваре перестала появляться. Насовсем, что ли, испарилась?! Он вполне бы в это поверил, если бы однажды, возвращаясь с работы, не увидел её около своего подъезда, а рядом с ней замерла высокая коляска с кисейной бахромой. Он остановился в нескольких метрах, не решаясь подойти ближе, словно боялся спугнуть неправдоподобный, но необыкновенно приятный сон. Но этот сон сразу улетучился, когда Зоя улыбнулась глазами-угольками и вздохнула:

— А вот и мы...

Сердце у Саши в этот момент полыхнуло жарче жаркого. Он чуть не задохнулся от нехватки воздуха, зачем-то брякнул первое, что пришло на ум:

— За вещами пришла?..

— Ага... Угадал — за ними. Пошли. А пока коляску держи — Юлька очень соскучилась по тебе. Весь день покоя не даёт, спрашивает: «Где папка, где наш папка?»

Он смотрел на Зою и чувствовал, что не может удержать слёз от её шутки... Хотел что-то сказать, объяснить, но ничего не получилось. Она подошла, обняла и, прижавшись, посмотрела в тревожные и глубокие тёмно-синие, блестящие влагой глаза.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ОШИБКА

С возрастом люди становятся рачительными, попусту денег не тратят, особенно пенсионеры. Поэтому они чаще других задумываются о дне грядущем и пытаются кое-что сбегать на чёрный день.

Отставной прапорщик Николай Скрипчук ничем не отличался от других, замечая, что много денег тратит там, где их вполне можно сэкономить. Он старался вести здоровый образ жизни: редко выпивал, не курил, не передал, поэтому был поджар, горбонос и кадыкаст от худобы. Прежде Скрипчук подрабатывал фотографом, но в последние годы, когда в каждой семье появились цифровые аппараты и гаджеты, работы почти не стало, поэтому жил экономно, даже прижимисто.

Приработка пока не находилось, и, продолжая изыскивать варианты, Николай однажды подумал о том, что неплохо бы купить машинку для стрижки. А что: сам себя остриг — заметная поддержка бюджету! Понятно, что качественно не острижешь, но наголо-то — запросто. К тому же быть «лысым» давно не позорно. Многие мужчины так ходят: и молодые, и в возрасте. Поэтому, взвесив все «за» и «против», побывав в нескольких магазинах и приценившись, купил машинку. Выбрал подешевле, хотя и не профессиональную, но известной заграничной фирмы, как уверял продавец, потому что цена профессиональных — половина пенсии. Принёс машинку домой, попробовал на висках — берёт, и очень даже гладенько. Сразу позвонил сыну, похвастался машинкой и спросил, когда тот приедет, чтобы постричь.

Прежде, когда сын стриг ножницами, всегда отнекивался, но сегодняшнее упрямство показалось странным и Скрипчук подумал, что это бывшая жена вмешивается: наговорит о нём сыну какой-нибудь гадости, а у того сразу «проблемы».

— Пап, не заморачивайся! Ведь тебе можно льготно постричься.

— Отцу отказываешь?! — огорчился Николай, но огорчился не всерьёз, а чтобы поворчать.

— Не отказываю. Просто времени нет.

— А мне не к спеху. Когда приедешь, тогда и приедешь. Что же я зря машинку покупал?! А льготно стричься — это и стыдно, и всё равно не бесплатно. Да и не люблю я парикмахерские. Так что жду тебя!

Сын обещал как-нибудь приехать и постричь, хотя его «как-нибудь» могло растянуться на недели, а Скрипчук и без того оброс сверх меры. Но делать нечего — пришлось пока ждать. Хотя, если действительно стричься наголо, то он теперь и сам мог себя остричь, но наголо всё-таки не очень-то хотелось.

Несколько дней Николай поглядывал на машинку, ожидая сына. И не только. Хотелось к возвращению из санатория своей белокурой Оксаны, у которой он жил, выглядеть аккуратно и молодцевато. Лет уж пять вместе. Даже одно вре-

мя хотели расписаться, но Оксана частенько вела себя замысловато, посмеивалась над ним, особенно когда тот выходил из-под ножниц сына с оригинальной причёской, называемой ею «аля-лесенка». Может быть, из-за этой «лесенки», она не очень-то хотела, как понимал Николай, навсегда приютить его, поэтому обходились гражданским браком.

Сын всё не ехал, а до возвращения любимой оставалось два дня. И тогда он решил: «Если сегодня сына не будет — сам остригусь, пусть и под «ноль»! Пусть ему потом стыдно будет! А Оксана меня всякого видела!» Ждал до того часа, когда по всем прикидкам сын должен был приехать после работы, а дождался телефонного звонка! Сын сразу «обработал»:

— Пап, извини, но меня срочно послали на три дня в Самару! Так что звоню из поезда! Как-нибудь сам разберись или меня дождись из командировки!

— Ладно, разберусь! — миролюбиво отозвался Николай, не стал портить сыну настроения, хотя сперва хотел высказать ему всё, что думал о нём в этот момент.

Откладывать стрижку было нельзя, и Скрипчук тотчас решил: на лысого, так на лысого! Он приготовил машинку, насадки и в ванной комнате начал вертеться перед зеркалом. Оказалось, что шнур коротковат. Но ничего, приноровился. Когда же включил машинку, то смело подцепил волосы, оставляя остриженную дорожку. Потом другую. Чернявые, сидящие волосы так и валились кольцами. За несколько минут полголовы облысело. Тогда взял зеркало, встал спиной к большому зеркалу, чтобы остричь затылок, и вдруг машинка замолкла, хотя он не выключал её. Вот те раз! Не понимая, что произошло, Николай выдернул штепсель из розетки, вставил назад, пощёлкал включателем — тщетно. Машинка молчала. Продолжая её разглядывать, словно от его взгляда она волшебным образом могла вновь заработать, Скрипчук вспомнил о своей голове. Он посмотрел на себя в зеркале и ужаснулся! Узнав время, понял, что все парикмахерские закрыты! «Что же делать?» — задался он вопросом и не придумал ничего лучшего, как остричь остатки волос ножницами. Обмывшись под душем, лёг спать в расстроенных чувствах и долго не мог заснуть, понимая, что до утра ничего изменить не сможет.

Утром отправился в парикмахерскую в половине двенадцатого, чтобы не мелькать перед льготниками своей «причёской». Решил переплатить, но зато подстричься, не томясь ожиданием. Хотя стоял июль, но — делать нечего — Скрипчук надел берет, натянув его до ушей. Выйдя на лестничную

площадку, прислушался, чтобы не очутиться в лифте с кем-нибудь из знакомых, успешно доехал до первого этажа. Только вышел из подъезда — знакомый голос:

— Коля, помоги!

Глаза поднял, а это улыбающаяся, загорелая Оксана из машины выбирается, а рядом с ней незнакомая женщина и скучающий мужик, доставший из багажника дорожную сумку Оксаны. Вот так новость! А она распрошлась с попутчиками и, пока шла с Николаем к лифту, пояснила:

— Познакомилась в санатории с интересной женщиной. Она и уговорила на день раньше уехать. Да и как было не соблазниться, если за ней приехал муж, а добираться своим ходом надо с несколькими пересадками.

Пока она болтала по всегдашней своей привычке, Николай, конечно, подумал, что Оксана специально примчалась, чтобы проверить его облик morale, как частенько говорила она. Поэтому за болтовней не сразу обратила внимание на его вид. Только в квартире насмешливо удивилась:

— Что у тебя с головой?! Опять хотел сэкономить?!

— Пустяки... — отмахнулся Николай. — Ты пока располагайся, а я до парикмахерской добегу.

Не дожидаясь новых расспросов, Скрипчук развернулся и был таков. В парикмахерской, как только он присел в тамбуре, ожидая, когда пригласят, возникло недоразумение. Молодая парикмахерша, увидев на голове клиента берет, сразу запугала:

— С кожными заболеваниями не обслуживаем!

— С чего вы взяли, что у меня заболевание?!

— Мужчина, не морочьте голову!

— А я и не собираюсь морочить. А прежде чем укорять и незаслуженно навешивать ярлыки, сперва разобрались бы!

— А чего разбираться, когда и так видно, что у вас стригущий лишай! Вам в больницу надо, а вы сразу разносите!

— Могу я видеть руководство этого заведения?!

Не сразу, но парикмахер позвала заведующую и что-то шепнула ей.

— Здравствуйте, что случилось? — спросила непомерно полная женщина.

— Случилось то, что вашей сотруднице надо бы научиться вести себя с клиентами должным образом и не навешивать ярлыков!

— Что у вас с головой?

— С моей головой порядок, а вот с вашей...

— Мужчина, ну хватит! Что вы с утра начинаете всем нервы мотать!

И тут Скрипчук не выдержал, сорвал с головы берет и наклонил голову:

— Смотрите, где лишай?!

— А что у вас?

— Несчастный случай, разве не видно...

Рассказал Николай свою историю, заведующая заулыбалась, а ему не до улыбок. Сел он в кресло к давешней девице, а настроения никакого. Да и она подлила масла в огонь:

— Наверное, машинку-то купили самую дешёвую, китайскую какую-нибудь?

— Почему же! Профессиональную, немецкую, за сто евро! — Хочешь не хочешь, приврал Скрипчук.

Мастер, забыв о предыдущем разговоре, сразу спросила, жалеючи:

— Как вас стричь?

— Под самый короткий ноль! Или вы сможете как-то поинному?!

Та промолчала. И более никто из них не говорил. Лишь, когда она остригла, он спросил:

— Сколько с меня?

— Сто пятьдесят.

Он заплатил. Сказали бы — четыреста, отдал бы и четыреста — и выскочил на улицу, негодуя оттого, что практически ни за что выкинул полторы сотни. Но волна свирепого гнева быстро превратилась в мелкую житейскую рябь, когда Николай вспомнил об Оксане, и зашагал домой, успокоившись, без берета. Когда вошёл в квартиру, то первым делом выбросил машинку в мусоропровод. Как была в коробке, с насадками, с коротким шнуром — всё полностью! И ничего не стал объяснять Оксане, прихорашивавшейся после душа. И если бы она не спросила с укором, то и вовсе забыл бы о несчастной покупке:

— Что у нас с розеткой? Включила фен, а он не работает. Пришлось в кухне голову сушить?!

Скрипчук на секунду замер от такого признания и, обо всём догадавшись, схватил фен, вставил штепсель в одну розетку, другую и по-настоящему рассмеялся, потому что в ванной прибор не работал, а в кухне жужжал за милую душу.

— Ты чего? — не поняла его смеха Оксана.

— Да так... Техническая ошибка... — отговорился он, догадавшись, что повредил розетку, дёргая короткий шнур, и отправился искать дворника.

Просто так обращаться к нему из-за пятисотрублёвой машинки стыдно, поэтому Николай приготовил сотню, понимая, что задаром тот не будет копаться в мусоре. Да и не хоте-

лось казаться последним жмотом, объяснять каждому встречному, что ты — неработающий пенсионер, что ищешь работу и когда-нибудь найдёшь её, а пока приходится экономить каждую копейку, чтобы хотя бы изредка дарить цветы своей насмешливой Оксане.

МИНЯ МЕЧТА

По паспорту он Михаил Кубышкин, но в селе его зовут Миня Мечта. Пятилетним Миня остался сиротой, когда угорел отец-шофёр, бывший детдомовец. Перед этим он сказал жене, что командирован в соседнюю область, а сам с помощницей бухгалтера закрылся на ночь в конторе отделения. Бросили на пол соломенный матрас, а укрылись тяжёлым и соевым тулупом, пропахшим табаком. Время было зимнее, от окна поддувал ознобистый сквозняк, в углу у пола иглами рогатился седой иней — решили протопить лежанку. Топили в темноте, чтобы не привлекать внимания, рано закрыли выюшку, а утром нашли их зелёными.

Мать Мини недолго горевала по мужу-изменнику, спуталась с приезжим наладчиком доильных аппаратов и закатилась с ним в дальние романтические края. При отъезде обещала сообщить адрес, но не сообщила. Бабушка Мини делала через милицию запрос на розыск дочери, но никакого толку не вышло, и тогда оформила опеку над внуком. Ей охотно помогли как знатной телятнице, всегда светившейся портретом на районной доске почёта. К тому же она — несменяемый депутат сельсовета. И это более всего нравилось её внучку. Слово «депутат» казалось ему загадочным и необыкновенно важным. Может, поэтому, когда его шутливо спрашивали о жизни, он отвечал чересчур серьёзно, по-местному налегая на «я»:

— Мячтаю депутатом стать!

— Эк хватил! Ты и в школу-то пока не ходишь!

— Осенью пойду...

Было это, понятно, в давние времена. Теперь, замороченные телевидением, люди говорят одинаково бесцветно, что на селе, что в городе. Только на Миню не действовало это поветрие и не могло вытравить в нём природное яканье, и помогла ему в этом приобретённая в детстве инвалидность. Однажды пришёл с улицы с красным глазом, который «уколот соломкой», но на другой день краснота прошла. По-настоящему хватились лишь через два месяца, когда глаз почти перестал открываться. Миню отправили с бабушкой в

область, а там сказали, что время упущено, глаз восстановить невозможно, и необходима операция по его удалению и протезированию. Чтобы сберечь второй глаз, Мине не разрешили много читать, смотреть телевизор, только что подаренный совхозом. Он и не смотрел, а учиться после шестого класса сам не пожелал. Стал помогать бабушке. Наденет великоватый отцовский пиджак, резиновые сапоги выше колен, потому что уродился мелким, и работал на ферме до пота, поблёскивая на телят стеклянным глазом, выглядывавшим из-под соломенной чёлки.

В армию его, понятно, не призвали, и он сошёлся с разведёнкой, перебрался с ней и её ребёнком в пустовавший родительский дом. Вскоре и своя дочка родилась, которую через год начал воспитывать один, оставшись без жены, заплутавшей в поле и замёрзшей в метель-колобродницу. Не везло Мине. Чужого ребёнка забрал родной отец, а он с дочуркой вернулся к бабушке, к тому времени вышедшей на пенсию. Бабушка ждала, когда он вновь женится, но не дождалась — преставилась. Дом её Миня продал, поделил деньги с наследниками старшей бабушкиной дочери и перебрался жить в свой дом, теперь навсегда. Хотел ещё жениться, но не находилось отчаянной бабёнки, согласной бы выйти за инвалида с довеском, хотя иногда появлялись свободные женщины. А потом и их не стало, когда многие по городам разъехались. И его выросшая дочь уехала. Через несколько лет совхоз развалился — одно к одному.

Оставшись без работы, Миня стал жить огородом. Уж чего-чего, а куры у него всегда были, а картошку вырастить, лук с огурцами — это запросто. А нынешней весной завёл индюшку, в корзинке носил её на соседний порядок к индюку, и после этого выводок у неё получился. Миня радовался. Но вскоре от выводака остались два индюшонка. Всех остальных потаскали лисицы, а индюшку-мать, говорят, рукастый лисовин прибрал. И указывали на соседа-дачника, заманившего индюшку к себе во двор. Там и расправился с ней. Но как докажешь?! Оставшиеся без матери индюшата росли квелыми, любили на солнышке греться. Миня иногда выводил их на бугор, на солнышко, и привязывал за лапки, не имея сил бегать за ними. А так хорошо: привязал и ползай по бугру, собирай клубнику и рви чабрец для заварки, готовь на зиму.

Как-то пригнал индюшат к дому, загнал их в катушок и присел на лавочку отдышаться да заодно перебрать охапку чабреца. Только присел — соседка Клавдия идёт. Роста невысокого, глазастенькая, в платок закутанная, глянула на него и остановилась:

— Чего это с тобой? Лица нет и дышишь тяжело!

— А ты поносишься по буграм! Вот сижу и мячтāju кроликов завести: живут себе в клетках, никакой беготни с ними.

И так Миня красочно расписал, как теперь будет сытно да сладко жить, что соседке надоело его слушать.

— Пошла я... Огурцы надо полить...

— Погоди, вот возьми — чайку попьёшь! — и отдал ей пучок чабреца.

Клава траву взяла, но болтать с ним более не стала. А Миня не огорчился, потому как совсем иное вылось у него на уме.

Как и мечтал, через неделю он купил трёх крольчих и крола. С них всё и началось. К следующему кучерявому лету они расплодились, и пришлось позаботиться о сбыте. Начал ходить в райцентр в базарные дни. Но туда разве находишься за семь километров. Да и не особенно брали мясо у незнакомца сомнительной внешности. И тогда Миня наловчился продавать кроликов дачникам в своём селе. Зная, сколько кролики стоят в магазинах да на рынке, он продавал намного дешевле. И к нему сразу очередь. Даже на бумажке стал записывать: кому приготовить, когда и сколько.

За три кроличьих тушки сосед-дачник привёз из города подержанную холодильную камеру, и Миня горя не стал знать. Сам сыт да всегда десяток тушек держал в морозилке на продажу. В выходные они разбирались, и он готовил новую партию. И всё бы хорошо, но неожиданно сосед испортил настроение. Как-то без стука заглянул в веранду, сказал с нескрываемой обидой:

— Михаил, надо бы ещё парочку кроликов добавить за морозилку!

Кубышкин в это время промывал над тазом пустую глазницу, запорошив её трухой, когда убирал в сарай сено. Застигнутый за этим знобким занятием, Миня сердито ответил:

— Ничего не знаю. Договаривались о трёх кролах, значит, о трёх. Морозилка твоя и двух не стоит. На помойке какой-нибудь нашёл.

— Куркуль ты одноглазый! — зло сказал сосед и, не попрощавшись, ушёл.

— Вот гадёныш-то! — вслед ему плюнул Миня.

Он достал из стакана с водой стеклянный глаз, подошёл к зеркалу, чтобы вставить его; протез зимой меняли, но с серым зрачком не оказалось, поставили тот, какой был в наличии, — с карим. Поэтому последнее время Миня ходил разноглазым. Но его это мало волновало. А вот сосед-дачник, которого сразу невзлюбил, не давал покоя. Ожиревший, вечно слюнявый и, главное, ленивый. Дня не проходит, что-

бы не озадачить. То ему грядки необходимо вскопать, то забор починить — и всё за «спасибо», так сказать, по-соседски. А чтобы стаканчик поднести — об этом и разговора никогда не заводил. Лишь спитым чаем угощал. Когда же позвал колодец копать, Миня строго отказался:

— Хватит! А то набаловалси. Я такой же пенсионер, как и ты, а не лезу к людям с пустяками. Пусть твоя жена сухорёбрая копает!

Сосед перестал здороваться и начал со своей усадьбы камнями да хлам кидать, но сразу же получал ответку, да с процентами. И тотчас соседка примолк, особенно, когда Миня нашёл дохлую кошку, усеянную опарышами, и подбросил ему на крыльцо. Почуввав характер, тот начал здороваться, правда, сквозь зубы. «Можешь не здороваться — невелика потеря! — ехидничая, думал Миня. — У меня другая соседка имеется — есть с кем душу отвести. Клава хотя и постарше чуток, но из ума не выжила, уважение имеет, а не то что ты, голодранец, какой год на облезлой развалюхе громыхаешь, а гонору-то, гонору!»

Миня знал, что всегда может прислониться к соседке. Ведь знаком был с ней с детства. Потом Клава замуж вышла, а он женился. Так и стал для соседки просто Михаилом. Считай, рядом жизнь прожили, а никогда не поругался ни с ней, ни с её мужем. Со временем дочка Клавдии разъехались, мужа у неё пять лет как не стало. Так и перебивалась она вдовой, выбираясь из дома, чтобы повозиться в огороде и принести охапку травы Мининым кроликам или сходить в магазин. Иногда за его усадьбой присматривала, когда он отправлялся в райцентр.

Вернулся Миня однажды, упрев от жары, а у палисадника машина стоит и вполне приличный мужчина дожидается на лавочке: коротко подстрижен, брюки узкие, одеклоном пахнет и первым поздоровался:

— Здравствуйте, Михаил Александрович! Из соседнего села приехал... Говорят, у вас крольчатина недорогая есть на продажу?! Охотно купил бы! К свадьбе готовимся!

Присмотрелся к нему Миня, вроде свойский парень, и согласился:

— Есть немного. Вам сколь же тушек необходимо?

— Да парочки хватит...

Вынес Миня кролов, гость рассчитался и, как только деньги оказались у Кубышкина, властно сказал:

— Налоговая полиция!

— Ну и что из того?! — Миня не подал вида, что растерялся.

— А то, что вы нарушаете закон: используете наёмный труд, занимаетесь незаконной торговлей, а налоги не платите. Сейчас составим акт!

— Навет! — огрызнулся Миня и выбросил деньги.

— Зря стараетесь... Купюры помечены, и на них остались потожировые отпечатки ваших пальцев...

— Какие такие жировые?!

— Узнаете потом, если заартачитесь. Объяснят, где надо... Садитесь рядом, акт будем составлять.

Кубышкин понял, что теперь не отвертеться, но сдаваться без боя не хотел:

— Если кому-то надо подмаслить — пожалуйста... Заберите кроликов задаром!

— Взятку предлагаете... Значит, знаете, что для занятий фермерством необходим пакет документов, и осознанно нарушаете закон!

— А если я, к примеру, дочь и внука хочу угостить мяском? Тоже нельзя?

— Это можно... А пока распишитесь, что получили предписание о незаконном предпринимательстве. И штраф надо будет оплатить.

Миня расписался, попытался отнести кроликов в морозилку, но налоговый остановил:

— Оставьте! Тушки необходимо отвезти на экспертизу! — и, конфисковав кроликов, собрал в траве купюры и направился к машине.

— Вопрос остался! — остановил Миня. — От кого же узнали-то обо мне? Кто показал?

— Вам-то какая теперь разница...

«Вот те раз! — так и присел Кубышкин, глядя вслед удалявшейся серой легковушке. — На заросшие поля да разбитые фермы чинуши не обращают внимания, а если кто-то попытается копейку заработать — штраф за это. А я мясо-то в Америку, что ли, гоню? Ведь снабжаю диетическим продуктом трудовой народ и уставших от жизни пенсионеров!»

Несколько дней бушевал он, ругая самого себя, что все последние годы голосовал за либералов, в один момент подорвавших к себе доверие. И так теперь получалось, что душу воротило от них. Пострадав несколько дней, он, хочешь не хочешь, отправился в райцентр, чтобы оптом продать кроликов торговцами но не договорился. Не согласился на бросовую цену. Остался расстроенным. Заплатил в Сбербанке штраф, позвонил зятю в соседнюю область, объяснил ситуацию и попросил:

— Приезжай за мясом. Мне теперь кролов кормить толку мало.

— А нам куда столько? До зимы уж держи, хотя недели через две могу приехать, немного забрать.

«Хоть так», — подумал Миня и заглянул в летнее кафе, взял кружку пива для успокоения нервов, уселся на ветерке, глоток сделал и увидел идущего Чесночникова — бывшего секретаря совхозного парткома, а теперь главного районного оппозиционера. Поэтому в последние годы он недолго любил Чесночникова, считая его политически отсталым. Но всё-таки ради приличия позвал за стол. Поздоровались, поделились новостями. Не хотел, но рассказал о своём несчастье. Горбоносый и мосластый Чесночников усмехнулся в рыжие усы, сощурил и без того узкие, словно у степняка, глаза, посмотрел так, будто сам служил в налоговой:

— Значит, говоришь, как баскак наскочил?! А ты как хотел. Налог надо платить при любой власти. Другое дело, каков он, стоит ли овчинка выделки. Да и пора тебе утомониться, Михаил. Лет тебе немало, жил бы на пенсию и не дразнил этих самых баскаков. Все они на одно лицо — служба такая. А сам кролов бы помаленьку держал — для себя-то можно. И время бы свободное оставалось. У нас на следующей неделе намечается партийное собрание, приходи, послушаешь, загорись каким-нибудь полезным делом. Глядишь, тебя кандидатом в депутаты местного поселения выдвинули бы от нашей партии. Ведь у нас все кандидаты с высшим образованием, а ты из простого народа. А то, что пока беспартийный, это даже и хорошо. Мы, настоящие партийцы, не любим выпячиваться. В общем, подумай!

Миня думал недолго. Счастливо зажмурился от предложения и осторожно спросил, не будучи уверенным, что правильно понял Чесночникова:

— В депутаты заманиваешь? Справлюсь ли?!

— Справишься... В случае чего — поможем!

Из райцентра Кубышкин уходил, словно летел, а более всего из-за того, что с Чесночковым обменялся номерами телефонов, и тот сказал, что при необходимости позвонит. «Вот это дело!» — думал Миня. Встреча с Чесночковым напоила его новой силой, как целебной родниковой водой, дала простор воображению и мечтам. Они, казалось, вились над ним в высоком небе вместе с неугомонными стрижами, иногда сбиваясь в мелькавшие стайки, а иногда дружно разлетаясь веером, и Миня представил, что вместе с ними может запросто взвиться к небесам. Даже остановился, понаблюдал за ними, пока глаз не заслезился.

Свернув с шоссе, он прошёл через усадьбу во двор, постоял у клеток с кроликами, поговорил с ними: «Всё, косые, скоро

вас уполовиню, а потом и вовсе изведу. Зачем вы мне, если я без пяти минут депутат! Поняли? Де-пу-тат! Это не хухры-мухры какая! Да куда вам понять, только и знаете, что корм переводить да сырость разводите!» От счастливого настроения Миня не вспоминал о штрафе, хотя недавно очень не хотелось расставаться с деньгами. Теперь же неуволнимо возвышенные мысли заполнили его. «Держава от моего штрафа сильно не разбогатеет, а всё равно малость укрепится!» — по-государственному радовался он.

Несколько дней ожидал звонка от Чесночникова, а он не напоминал о себе. «Вот, прохвост, каким был, таким и остался: наболтает, наобещает — и в пыльные кусты. Ищи его там. А будешь искать — извазюкаешься, а он с другой стороны выскочит чистеньким». Поэтому решил напомнить о себе. Телефон взял, а он выключенным оказался. «Вот это да! — удивился Миня. — То-то никто не звонит. Думал, налоговой испугались и более не хотят со мной связываться. А оно вон что!» Он сразу позвонил Чесночникову, а тот тотчас укорил:

— Где пропал-то?! Звоню-звоню — никакого толку.. Сегодня уж поздно, подгребай ко мне завтра, да паспорт не забудь. Напишешь кандидатское заявление в партию да внесём тебя в наш депутатский список.

— Всё понял. Только запомнил, в какой пятиэтажке живёшь? Во второй или третьей от завода?

— Теперь в коттедже обживаюсь. Сбоку от больницы, где был военкомовский парк...

— Понятно... — отозвался Миня и подумал: «Значит, парк вырубил и хоромы отгрохал!»

Из-за этих самых хором и не хотелось ему тащиться в район-центр. Но, если обещал, отправился. За село вышел, вспомнил, что паспорт забыл. Вернулся. Посидел на лавочке, увидел в своём возвращении нехороший знак, предупреждение, хотя о чём оно, так и не понял. Ведь ничего злобного никому не делал, если не считать соседа, всегда относился ко всем приветливо. Но всё равно повернулся вокруг левого плеча — на удачу и снятие сглаза.

Коттедж нашёл быстро, да и трудно его не найти, если он стоял на месте исчезнувшего березняка, огороженный высоким забором. Когда позвонил в дверь рядом с воротами и вскоре увидел хозяина, то удивился:

— Ну и отгрохал избушку..

— Да ладно уж, не выдумывай... Видел бы, каких избушек, как ты говоришь, на нашем «поле чудес» понастроили. Проходи!

Прошёл Миня в дом, уселся за столом на первом этаже, и хозяин сразу обложил бумагами, пояснил:

— Пиши заявления по выдвижению в депутаты и вступление в партию. Пока кандидатом.

Когда он написал по образцу заявления и преданно посмотрел в глаза хозяину, Чесночников похвалил:

— Вот и прекрасно! Сейчас снимем копию с твоего паспорта и перекусим, обмоем это дело.

Выпил Миня хорошей водки, закусил красной рыбой и вкусной колбаской, а после почаёвничал. Это всё хорошо, но главное в ином: теперь по-иному смотрел Миня на Чесночкова — будто на закадычного друга, даже пожурил себя, что не догадался крола поднести в подарок. Крольчатиной его, конечно, не удивишь, но отношение было бы другим.

— Как только регистрируем наш список в избирательной комиссии, — начал тот пояснять. — Сразу позвоню. Будь постоянно на связи, телефоном не балуйся — дело серьёзное. Кандидатом пойдёшь от своего поселения. До сегодняшнего дня держал для тебя место, а ты как провалился.

Кубышкин постеснялся сказать, что телефон был выключенным из-за оплошности, не стал выказывать себя бестолковым, лишь что-то пробурчал непонятно, понимая, что вскоре исполнится мечта всей жизни. Думая так, он вздыхал и улыбался. Скоро в селе узнают об этом, и в деревнях по всей округе встрепенутся, потому что они приписаны к их поселенческой администрации. И где он ни появится, везде его будут называть по имени-отчеству, а не Миней. Узнать, кто придумал это скверное слово, да намылить бы холку, а не то и дрючком по загривку пройтись — на всю оставшуюся жизнь прочить.

Позвонил Чесночников недели через две. И сразу с места в карьер:

— На завтрашний день намечена встреча с кандидатом в депутаты в вашем селе, с тобой то есть. Когда будешь выступать перед сельчанами, держись смело, будто каждый день выступаешь, народу будет немного, хорошо, если 12-15 человек соберутся. На выкрики и реплики не реагируй. Расскажи коротко о себе...

Кубышкин перебил:

— Выступать я люблю, хотя чего зря болтать-то, когда обо мне и так всё знают!

— Не горячись. Так принято. Представишься, коротко расскажешь, что всю жизнь отдал родному селу, работал на ферме, имея инвалидность. А теперь находишься на заслуженном отдыхе, но не успокаиваешься, душой болеешь за

односельчан. И обещай им побольше. Скажи, что всё сделаешь, чтобы газ к селу подвели, клуб отремонтировали и начальную школу восстановили.

— Пустое всё это. Инвалидность с меня давно сняли. Да и кто я такой, чтобы по моему хотению газом занялись? Или школу открыли? Кто в ней учиться будет, если на всё село едва пяток мальцов наберётся!

— А тебе что, трудно сказать, что на перспективу будешь стараться. Газ подведёшь, легче жить станет, значит, людей прибавится, и детишки с ними придут! Понял, голова?!

— Про детишек понятно, а как с газом быть? Не могу врать!

— Врать не придётся. Скажу по секрету, что принято решение о газификации вашего села, работы начнутся в конце августа. Незадолго до выборов. В районной газете сообщат о событии. Избиратели в селе подумают, что это ты похлопотал. Обещал — выполнил! Сразу другое отношение. И голоса все твои будут.

— А если узнают, что это от меня не зависело? И обвинят в брехне. Что тогда?

— Если сам не разболтаешь, никто не узнает. А кто будет настырничать, прилюдно обвини, что, мол, он вредитель выборам, а значит, государству. Скажешь так, а лиходею и крыть нечем, сразу завянет. Понял! Посмелей будь, понастырней!

На следующий день около Дома культуры собрались в послеобеденный час старики в майках да футболках, да в мятых штанах, да в шлёпанцах на босу ногу — сидели на обрезках досок, привезённых с пилорамы для отопления, курили; и женщины пришли из любопытства, стояли в сторонке, цветастыми халатами сливаясь в разноцветный живой клубок. Собравшись на встречу, Миня упаковал в лопухи да тряпицу крола, уложил в пакет, решив при встрече с Чесночниковым всё-таки поднести подарок, проявить, так сказать, уважение, и сидел вместе с ничего не подозревающими стариками, гадающими о неведомом кандидате, не догадываясь, что это всем известный Миня.

Вскоре подъехавшего Чесночникова встретил невысокий, полненький завклубом. Он пригласил гостя и избирателей. На сцене стоял голый стол, а на нём несколько бутылочек с газводой и пластиковых стаканчиков. Чесночников подхватил Миню под руку и усадил рядом с собой и, когда старики немного уgomонились, заглушив общее недоумение, поднялся над столом.

— Здравствуйте, дорогие сельчане! Мы прибыли к вам, чтобы поговорить, обсудить насущные заботы и проблемы...

Он говорил долго, и Кубышкину надоело слушать, а чтобы не скучать, — исподтишка посматривал на пакет с кролом сбоку от стола, на сельчан, будто впервые видел их, и подливал себе газировки, да так часто, что подумал: «Ещё полстакана выпью и лопну!» Он укоризненно посмотрел на Алексея Павловича, словно действительно, мог лопнуть, но не от газоды, а от его болтовни, а тот вдруг неожиданно вспомнил о нём.

— Вот, пожалуйста, принимайте Михаила Александровича! Он расскажет вам о себе и своей предвыборной программе, с какой идёт на выборы. Его слова никогда не расходятся с делом. Вы все это знаете, и сейчас убедитесь в искренности земляка, радеющего за родное село.

Все так и ахнули, а Миня начал говорить хотя и с запинки, но, откашлявшись, сразу вспомнил о своей привычке иронично вести разговор. И неважно, кто был перед ним. У него на любой случай находилось нужное слово, и частенько оно было едким и откровенным — этим и производил впечатление. Но в этот раз разговор не заладился. Как только он пообещал, что приложит все силы и добьётся того, что в село проведут газ, какой-то мужчина крикнул с дальнего ряда:

— Врёшь всё, привык языком-то молоть, а он без костей... Сперва расскажи, зачем кошек ловишь и продаёшь их как кроликов?!

Уж чего-чего, а такой наглости Миня не ждал. Мельком посмотрел в тот угол, откуда донеслись оскорбления, и увидел соседа.

— Это — навет, натуральная порча! — выкрикнул Миня. — Все знают этого злобного дачника и постоянно испытывают от него хулиганское и несправедливое поведение.

— А справедливо использовать наёмный труд и налоги государству не платить?! Ответь, уважаемый кандидат в депутаты!

— Уж кто бы лялякал... Всем известно, что городскую квартиру сдаёшь незаконно. И тебя давно бы пора потрясти и разоблачить!

— Это мы посмотрим, кто кого! Найдём управу! — ступешлся Минин обидчик и поспешил выскочить из зала, опрокинув стул.

И никто уж больше не слушал Кубышкина, начали обсуждать перепалку, и стало ясно, что встреча с кандидатом сорвана. И всё же Чесночников попытался сгладить ситуацию, попросил вспотевшего Миню присесть, а сам встал:

— Тише, пожалуйста! Для того и существует политическая борьба, чтобы разоблачать несознательных граждан,

пытающихся кинуть тень на уважаемых людей. Слова Михаила Александровича никогда не расходились с делом. И то, что он сказал о предстоящей газификации вашего села — есть чистая правда. Наши партийцы давно обсуждали этот вопрос на заседаниях администрации района и добились своего. В продвижении этого проекта самое непосредственное участие принимал ваш земляк. Да что там: он первым поднял эту тему. Так пожелаем же ему успехов на выборах и дружно проголосуем за нашего кандидата!

Все зашущукались, по-настоящему говорить стало не о чем, и завклубом поспешил напомнить, что встреча закончена и поблагодарил гостей. Все выстроились к выходу, а Чесночников шепнул Мине:

— Не переживай... Скандал — это даже хорошо, теперь надолго хватит пересудов. Зато на выборах все будут голосовать за тебя, уж поверь мне.

Миня кивнул, но кивнул неуверенно и, кисло попросившись, пошёл домой уставшим-уставшим, решив не отдавать крола, по-настоящему осознав, что значит его депутатское рвение. Пустое оно и противное, если надо врать, изворачиваться, думать одно, а говорить другое и стараться при этом не тушеваться, а самому идти в наступление. «Вот зачем, спрашивается, ославил соседа, сказал, что тот незаконно сдаёт квартиру?! Ведь на ходу придумал, языком трепанул, а чего в этом хорошего?» Правда, вспомнив, как прыснул из зала соседка, понял, что, сам того не желая, угодил в точку. Иначе он и далее перебрёхивался бы, не уколи его. Но всё это мелочи, а самое главное — Миня видел, что сунулся не в свою стихию, где всё непривычное и чужое. Поэтому тем же вечером позвонил Чесночникову, сказал, запинаясь, стыдясь своих слов:

— Алексей, хочу доложить, что отказываюсь от депутатства и в партию твою вступать не намерен. Извиняй. Не моё это дело, суета. Пусть молодые занимаются. А нам чего уж, — он вздохнул, — как-нибудь и так доживём.

— Ну и зря! — только и сказал рассердившийся Чесночников и отключил телефон, а Миня порадовался, что не стал укорять.

Кубышкин укрылся в доме, вспоминая детскую мечту, теперь окончательно несбыточную, а когда надоело переживать — занялся кроликами, решив забить несколько к приезду зятя; давно бы пора заняться этим, да всё недосуг было. А теперь самое время.

К ночи он совсем успокоился, окончательно решив, что настоящим мясоедом ему не суждено стать, а заснул с прият-

ной усталостью наработавшегося человека. Когда же раннее солнышко залило избу щекочущим светом, накормил и напоил кроликов, а потом присел у палисадника на лавочку и смотрел на уходящую вдаль улицу с разлатыми кустами калины и черёмух около сараев, на едва видневшийся сруб колодца в ближней низинке, прислушивался к жужжанию пчёл в цветущей над лавочкой липе. Дышал и не мог насытиться густым ароматом цветочного нектара. И сладкая радость необыкновенно расплывалась на душе.

Он не заметил, когда появилась принаряженная соседка, и вздрогнул от её хриплого окрика над самым ухом:

— Не спишь, депутат?

— Клав, ты чего-то напутала. Нет на нашем конце депутатов, и никогда они не водились.

— Говорят, ты вчерась народ агитировал в клубе ...

— Попросили...

— А я дочку с внучкой ныне жду — пирогов напекла к их приезду и решила заодно соседа подкормить! — сразу сменила разговор соседка. — Вот, держи! — и передала пакет с душистой выпечкой.

Он улыбнулся:

— Если так, то и я в долгу не останусь.

Он сходил в сени, принёс замороженную тушку.

— Вот и от меня принимай.

— Ой, а чем же заплачу-то? До пенсии-то неделя!

— Никаких денег? Подарок! Нужно будет — ещё найдём.

Отнеси крола в холодильник и возвращайся, а я пока чайник поставлю, коли уж пирогами снабдила.

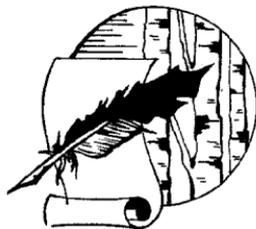
Чудная, конечно, Клавка, всегда в платки закутанная, вечно из них курносый облупленный нос торчит, а ныне растелешилась и неожиданно неброско расцвела поздним луговым цветком. Мине было приятно её внимание, но всё-таки он не спешил расшаркиваться, понимая, что впереди у них много светлых дней и нескончаемых свойских разговоров.

Когда соседка вернулась, Миня ждал её на крыльце и загадочно вздохнул:

— Мячта есть...

— Это какая же? — улыбнулась Клава.

— Не тереби. Потом скажу! А сейчас заходи — чайку попьем.



Николай АЛЕШКОВ

ЕДИНСТВЕННЫЙ АВГУСТ

* * *

На цветок ли взгляну придорожный
Иль с печалью своей осторожной
Прикоснусь к дорожному лицу —
И зелёной травинке поверю,
Шуму, шороху, птице и зверю
В заповедном осеннем лесу...

Деревенским утрюсь полотенцем,
Улыбнусь старику и младенцу,
Всей округой безмерно богат,
Вспомню райские детства полати,
Поцелую Серёжу и Катю
И пойду по тропе на закат.

Слышу: Лета шумит или Кама,
То ли батя зовёт, то ли мама —
Надо к вечеру дров наколоть...
Изначально мы все заповедны
И живём ни богато, ни бедно
Под твоей благодатью, Господь!

ГРАЖДАНСКИЕ МОТИВЫ

Я ни в бандах, ни в партиях не был,
И с закваской славянской в крови

Уповаю на Землю и Небо —
На истоки вселенской любви.
И, причастностью к слову владея,
Верю «Тихому Дону» вполне —
Кто за волю, а кто за идею
Погибал на Гражданской войне.
Толерантностью я не страдаю,
Русский квас, а не «колу» люблю.
Я по-русски смеюсь и рыдаю,
И о милости Божьей молю...

Я родился в советской России.
Кто-то скажет: квасной патриот...
Развалили, меня не спросили,
Всех республик надёжный оплот.
Про советскую власть настрочили
Много всякого (я в том числе),
Но учили меня и лечили
Не за деньги на отчей земле.
С властью спорил. И рот затыкала
Мне цензура за взгляды на мир.
Но бесплатно — ни много, ни мало —
Поменял я с десятков квартир.
Мне хватало — и спорить не надо,
Сочинитель, душой не криви! —
И отцовского строгого взгляда,
И святой материнской любви...
Счастье — детства счастливые годы
В нашем послевоенном селе:
Воля вольная выше свободы
На советской, колхозной земле.
Жив отец, и за нами — Победа!
Песни пой, ни о чём не тужи,
Но и помни — судили соседа
За три пуда украденной ржи...
Величавой походкой коровы
Шли из стада домой вечерком,
И бесплатно солдатские вдовы
Нас поили парным молоком.
Не ослепла она, не оглохла,
Наша память — не рвите рубах!
До сих пор молоко не обсохло
У погодков моих на губах...

Что же ныне? Окошко в Европу
Для того ль прорубил государь,
Чтобы девки гламурная попа
Там торчала — хоть плёткой ударь?!
Чтоб на Невский проспект, на Тверскую
По обломкам берлинской стены
Повалили, по-хамски ликуя,
Гей-парады — привет сатаны?
Кто пустил вакханалию эту
Пировать на отцовской земле?
Иль мужей государственных нету
В самом главном — Московском — Кремле?

Я росой луговой умылся,
Я крестьянскою вольницей зван!..
За Отечество здравого смысла
Поднимаю гранёный стакан!
За Россию! За нашу Победу!
За порядок в семье и в стране!
А в Америку я не поеду.
Не хрен делать в Америке мне!

СОН ЮБИЛЯРА

*А старому солдату
(Он в службе знает толк)
Попасть бы — хоть по блату —
В Бессмертный полк...*

Ровесник Победы не вечен.
Ему уже семьдесят пять.
Он ждёт неминуемой встречи
С архангелом. Двигаться вспять
Не следует. Царственным словом
Да будет помилован он!
Попросится в войске Христовом
Служить, в запасной батальон.
Но скажет солдату привратник:
— Вас много, таких удалцов,
И ты не единственный ратник.
Спроси воевавших отцов!
Они испокон и поныне
Небесную службу несут.

Отец твой словечко о сыне
Замолвит, — возможно, возьмут...
И батьке кричу я под утро:
— Возьмите хоть сыном полка!
Отец мой отвечает мудро:
— Возьмём! Не спешил бы пока...

* * *

Кама предосенняя волнуется,
Ветерком подёрнута слегка.
Как мужчина с женщиной, целуются
В небе надо мною облака.

Здравствуй, август! Словно друг единственный,
Ты мне дорог, светел и пригож.
В лес войду — он хвойный, он и лиственный,
На картины Шишкина похож.

Радуюсь, что лето не последнее
По реке плывёт за горизонт.
Я одет пока ещё по-летнему,
Но в руке, на всякий случай, зонт.

А перо, дай Боже, не затупится,
И желанья нет считать грехи...
Осень, чаровница и заступница,
Надиктует новые стихи.

* * *

Каждому, кого люблю

Пока живу, пока надеюсь,
Молюсь Спасителю пока,
Пока теплом семейным греюсь,
Пока рождается строка...
Поскольку жизнь была большая,
Тебе, чьей жизнью дорожу,
Тропу земную завершая,
Я так скажу
При встрече в бездне мироздания,
Среди неведомых стихий:
Прости за поздние признанья
И за напрасные стихи!

Всё в прошлом: скомканные речи,
Сомненья, споры, взгляд в упор,
Пусть только будет эта встреча,
И пусть продлится разговор!..

НАСТЯ

Сидим за летним столиком с ровесником на пару,
Пивком и воблой тешимся, секретов не тая...
— Смотри, какая девушка гуляет по бульвару!
Смеюсь:
— Не просто девушка, а внученька моя!

* * *

По зелени осень рябила,
Листвой золотою окрест.
И всюду краснела рябина —
Примета елабужских мест.
Поминки. А вслед — именины,
Когда улетят журавли.
И гроздь созревшей рябины —
Примета всей русской земли.
Стою, зацепившийся взглядом
За куст на вечерней заре:
Есенин, Цветаева — рядом
В счастливом своём октябре.
Стихами настолько открыты,
Что недалеко до беды!
Окою и Камой омыты
Недолгих прощаний следы.
Все наши восторги и слёзы
Окрасила вместе заря.
Недаром Есенин — берёза,
Марина — рябина не зря...

* * *

С. Ч.

Взгляд из прошлого ныне редок,
Но и он будоражит страсть.
Полюби меня напоследок
И позволь от других украсть!

Ты по-прежнему мне родная.
Верь, не вверь — не об этом речь.
Оборвётся тропа земная,
А за нею не будет встреч,
Поцелуев, волны восторга,
Как по клавишам плеска рук.
Помнишь. осень для нас исторгла
Флейт небесных прощальный звук?
Он, единственный не напрасный,
Вновь возник из седых глубин
В этот вечер, сухой и ясный,
Как елабужский цвет рябин.

* * *

Когда солнце, когда дожди,
Заходи ко мне, заходи!
Я куплю тебе шаурму,
Побеседуем по уму.
Побеседуем. Помолчим.
Обо всём, что от всех храним.
Жизнь пуста, мой любезный друг,
Без твоих музыкальных рук,
Без очей, где горела страсть.
Уж не я ли умел украсть
Всю тебя на заветный час
От мужских завидующих глаз?
Как мгновенья забыть, когда
Ты с восторгом кричала: да-а-а!
Но объятий тех не вернуть.
Что ж так сердце колотит в грудь?
Что же в память вонзилась та
Обнажённая красота?
Когда солнце, когда дожди,
Заходи ко мне. заходи...

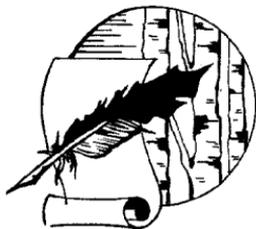
* * *

Как в разлуке о сыне
Плачет мать на юру,
Голосили осины
На осеннем ветру.
Где любовь обещала
Над поляной звезда,

Наступило прощанье
Навсегда, навсегда.
На тропинку к оврагу
Сыпал листья вослед
Мой единственный август,
Всё сводящий на нет...

г. Набережные Челны

Редакция «Молодой гвардии» с сердечной радостью поздравляет с 75-летним юбилеем нашего давнего автора и друга Николая Алешкова. Желаем Николаю Петровичу неиссякаемого творческого вдохновения, крепкого здоровья и долгой плодотворной жизни! В России все времена года прекрасны. За «единственным» августом и золотым октябрём неизбежно наступает цветущий и сияющий май...



Валентина КОРОСТЕЛЁВА

ГОРОДОВ НЕБОГАТЫЕ ДЕТИ...

ТАКИЕ СТАВКИ

Мы не меняем ставки,
Храним завет отцов.
В крови — Корчагин Павка,
Матросов и Рубцов.

И не пути, а броды
Рождали в сердце песнь.
В нас, может, нет чего-то,
Но стержень всё же есть.

Мы против всякой скверны,
Что разливает гнусь.
И потому, наверно,
Горой стоим за Русь!

ДАЖЕ ЕСЛИ...

Не сегодняшним днём скороспелым,
Не страстями, земными причём, —
Различаем мы чёрное с белым,
И — где холодно, где горячо.

В нас такая от века закваска,
В нас такие миры-берега,
Что живут в наших душах — и сказка,
И Руси вековая тоска.

Мы Чайковского чувствуем кожей
И своим прозреваем путём...
Даже если нас всех уничтожат, —
Мы в родимых полях прорастём.

СВОИ

...А жить счастливее не стало,
И всё темней тревожный фон.
В народе видится усталость
И от вождей, и от реформ.

Его опять во всём треножат,
Меняют совесть на рубли.
Он всё понять никак не может:
Где враг, когда вокруг — свои?

БОГ СКАЖЕТ...

...Узнали, наконец, такую волю,
Что раньше только грезилась в кино.
Но отречься нам от грустной доли
Уже, как ни бодрись, — не суждено.

Душа обожжена пожаром древним
Всего, что предки в душах пронесли.
В крови тоска по брошенным деревням
И по могилам — тем, что заросли.

Конечно, мы с надеждой смотрим в завтра,
Конечно, улыбаемся подчас,
И нет, и нет другой земли на карте,
Где так же слышен вещий Божий глас.

И, видя наши судьбы на пределе
И наши слёзы с песней пополам, —
Бог скажет: будьте, Маня и Емеля,
Таких людей вовеки не предам.

«ЛИПА ВЕКОВАЯ...»

Роскошествует липа,
Пьянит волной цветов —
От скуки и от гриппа,
От горечи годов.

Ей за сто лет, наверно,
Она штурмует высь, —
И прячет корни скверна,
И черти напряглись.

Бесценный дар природы
Напомнит о душе,
Направит к свету годы,
Спасёт на вираже,

И станет Русь великой,
И будет счастьем ход,
Коль под столетней липой —
Не липовый народ!

ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ!

Что жизнь? Испытанье, награда?..
Но хочется, хочется жить!
Не надо, не надо, не надо
Умолкнувших бед ворошить.

Они до поры утихают,
А после измором берут.
Но нам ли судьбу свою хаять?
Есть дом, и отчизна, и труд —

Суров и не очень покладист,
Зато и вовек не предаст.
Мечтать ли о большей награде?..
А беды растают, бог даст.

НАВЕРНО, УБЕГУ..

Что ни дорога, то своя судьба,
И солнышко, и ветер — от порога...
И пусть кому-то снятся короба, —
Жила бы только русская дорога!

Нет, не большак, завёрнутый в гудрон,
Унылый, будто свёрток с колбасою, —
Песок, и ветерок со всех сторон,
И подорожник с капелькой-росою.

Не знаю, кто в нас это заложил —
Молиться на природу и дорогу,
Кто песни вековечные сложил,
Кто научил надеяться на Бога.

Что — города, что их крутёж и гул,
Мы этих джунглей вовсе не просили!
...Нет, я, наверно, всё же убегу
Туда, где всё жива ещё Россия!

ГОРОДОВ НЕБОГАТЫЕ ДЕТИ...

Только сны отряхну, только встану,
Как уже на бульвары зовёт
Не узорочье редких фонтанов —
Пышной зелени ласка и мёд!

Перед ней всё мельчает и меркнет,
И дома, и машин вороньё,
Всё иной исчисляется меркой,
Нежит чуткое сердце моё!

Городов небогатые дети,
У которых — ни замков, ни дач, —
Любим вкусы и запахи эти,
Будто в детстве военном — калач!

г. Балашиха Московской обл.

НАСАЖДЕНИЕ БЕЗГРАМОТНОСТИ

Когда российские власти заговаривают о реформах, впопугу кричать «Спасайся, кто может!» Редкая реформа в нашей стране заканчивается улучшением дел в соответствующей отрасли или народным довольством и процветанием. Пожалуй, единственной задавшейся реформой стала военная. Во всяком случае, российская армия с некоторых пор перестала вызывать желание заняться сбором пожертвований. Всё остальное, чего коснулись реформы в современной России, неизменно приходило в упадок. Именно поэтому многие насторожились, когда сначала президент, а затем председатель правительства заговорили о реформе русского языка.

6 августа 2020 г. на заседании правительства Михаил Мишустин заявил о создании Правительственной комиссии по русскому языку. *«Наша задача, — сказал глава правительства, — сохранить и обеспечить развитие русского языка в России и в мире. Для этого необходимо сформировать целостную языковую политику. Решением этого вопроса и станет заниматься Правительственная комиссия. Прежде всего*



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

будет разработана концепция государственной языковой политики, а также определены единые требования к созданию словарей, справочников и грамматик, содержащих нормы современного русского литературного языка. В том числе необходимо провести экспертизу правил русской орфографии и пунктуации. Важной частью работы комиссии должен быть вопрос повышения уровня подготовки специалистов. В первую очередь тех, чья деятельность связана с профессиональным использованием русского языка».

Первый вопрос к председателю правительства. Начнём с того, что фраза *«сохранить и обеспечить развитие русского языка в России и в мире»* не очень понятна. Что хочет сказать высокий чиновник? *«Обеспечить развитие русского языка в России и в мире»* понять ещё можно. Но как быть с *«сохранить»*? *«Сохранить развитие русского языка»* — это, простите, оксюморон какой-то: нельзя оставить в неизменности то, что должно меняться. Получается, что глава правительства и сам не до конца понимает, что намерен делать. Уже это настораживает.

Кроме того, несколько лет назад призрак языковой реформы бродил по России. Тогда говорили, что русский язык слишком сложен, что давно пора отменить многие правила и писать, как слышится. Не нужна буква «ю» в «брошюрах» и «парашютах», да и от «кофе» мужского рода порядком все устали. Потом, правда, выступила Людмила Путина и заявила, что общество не готово к таким реформам, после чего брошюры с «парашютами» перестали мешать счастливой жизни российского обывателя. Но пару лет назад — в сентябре 2018 года — доктор филологических наук, проректор по науке и профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина Михаил Осадчий разразился статьёй об упрощении русской орфографии и пунктуации. Профессор заявил, что как лингвист и носитель русского языка он считает родную грамматику чрезмерно сложной. *«Почему нельзя писать жури или жызь? — вопрошает профессор. — Почему обязательно нужно запоминать правило лаг — лож? Ведь все слова с этим корнем можно договориться писать с одной и той же гласной: полагаю, излагаю, положим, выложим. Почему нельзя одинаково обособлять все сравнительные и причастные обороты? Что в этом такого страшного?»* Осадчий привёл в пример белорусов, которые пишут как говорят, и не испытывают никаких неудобств. По мнению профессора, и в России могли бы если не повторить буквально опыт белорусов, то хотя бы чуть-чуть упростить русскую орфографию.

По мнению лингвиста, сопротивление такой реформе лежит в области социальных страхов. Просто при отмене правил многие люди перестанут чувствовать себя образованными на фоне полуграмотной толпы. Более того, те, кто был грамотным, окажутся вдруг неграмотным. А предсказать последствия такого поворота не возьмётся ни один политолог. Вот поэтому реформа невозможна, пока не будет на то политической воли. *«Так вышло, — сетует Осадчий, — что одного лишь желания сделать жизнь проще для этого недостаточно».*

Хочется возразить профессору, что белорусский язык, при всём к нему уважении, остаётся всё же региональным языком, и Белоруссия — региональной страной, что ныне, что в истории. И неспроста А.Г. Лукашенко сказал однажды, что *«люди, которые говорят на белорусском языке, не могут ничего делать, кроме как разговаривать на нём, потому что по-белорусски нельзя выразить ничего великого. Белорусский язык — бедный язык. В мире существует только два великих языка — русский и английский».* Предлагаю сделать жизнь проще, профессор Осадчий, по сути, предлагает упростить, примитивизировать русский язык, а с ним — и сознание его носителей. Приняв идеи Осадчего, можно дойти до того, что однажды кто-нибудь скажет: *«На русском языке нельзя выразить ничего великого».* Жизнь современного человека сужается до потребления, и язык, в связи с облегчением жизни, мало-помалу сузится до обслуживания потребления.

Эта недавняя публикация специалиста из Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина тоже настораживает, поскольку наводит на мысль, что, возможно, время пришло, и политическая воля созрела. А что: Конституцию обновили, с эпидемией справились... Чем бы ещё заняться? Ну, конечно, почему бы не сделать жизнь гражданам проще! А то, что граждан никто и не спрашивал, желают ли они упрощения своей жизни — так что же в этом удивительного? Кто их и когда спрашивает, этих граждан?

Специалисты, отреагировавшие на призыв президента и правительства, не добавляют ясности. Говорится о необходимости обновить словари с учётом огромного количества новых слов и тех изменений, что уже произошли в языке. Ведь свод орфографических правил не обновлялся с 1956 года, а с тех пор в жизни вообще и в языке в частности изменилось очень и очень многое. И перемены заслуживают того, чтобы быть отражёнными в новых словарях и сводах правил.

Член Орфографической комиссии Российской академии наук, заместитель директора Института русского языка РАН имени В.В. Виноградова по научной работе Елена Шмелёва

считает, что речь идёт не о реформе, а об издании новых словарей: *«Составлен примерный список словарей, который сейчас обсуждается экспертами. Одновременно с этим будет пересматриваться и дополняться список словарей, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного. В настоящее время в этот список входят четыре словаря, перечень которых был утверждён Министерством образования и науки в 2009 году. Будет проведена экспертиза словарей, а потом правительственная комиссия, о которой говорил г-н Мишустин, утвердит новый список нормативных словарей»*. Словарей будет много: орфографических, орфоэпических, толковых, этимологических. Появится портал, где можно будет ознакомиться с новыми, выверенными словарями.

Положим, действительно, новые словари, созданные профессионалами (без намёка на участие в этом деле шоуменов), нужны и полезны. Но заявления некоторых русистов и впрямь наводят на мысль о готовящейся реформе орфографии. Так, ректор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, член Совета при президенте РФ по русскому языку Маргарита Русецкая рассказала, что правительственная комиссия проведёт анализ современной орфографии и пунктуации и выработает требования к словарям. *«Возможны ли изменения в орфографии? Конечно, как в любом правиле, договоре... В какой мере они сейчас необходимы — вопрос, на который и будет отвечать созданная комиссия»*.

О том же сказала и Елена Шмелёва: *«В конце концов нами будет подготовлен новый свод правил орфографии и пунктуации. Мы его планируем делать в виде ещё одного компьютерного портала, где будет очень много информации, в книгу она не уместится. По каждому слову можно будет получить исчерпывающую информацию: если были изменения правописания, они будут отмечены, и будет объяснено, почему эти изменения произошли. Будут отсылки к объяснительным словарям, ссылки на правила»*. Кроме того, будут подготовлены и разъяснения по поводу новых слов, недавно вошедших в язык.

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета Мария Рут рассказала о том же: *«Реформы в русском языке, наверное, назрели. О них давно уже говорят. Существует литературный, то есть нормированный язык. Несколько искусственный, потому что наш обычный язык, которым мы общаемся между собой, тоже следует определённым законам — склонениям, спряжениям и так далее, но по отношению к каким-то строгим правилам он*

свободный. Строгие правила литературного языка иногда начинают мешать ему развиваться. Поэтому естественно, что время от времени в цивилизованном государстве возникает необходимость пересмотра языковых норм. Может быть, их нужно как-то смягчить. И в том, что создана комиссия по русскому языку, нет ничего удивительного. Когда начинают составлять нормативные словари литературного языка, то много вопросов возникает. Вы же знаете, какая у нас сложная орфография, сколько в ней сложных правил». Что особенно интересно, так это совпадение примеров. И Маргарита Русецкая из Москвы, и Мария Рут из Екатеринбурга указывают на одни и те же сложные случаи орфографии: например, на одно или два «н» в причастиях. Следом за Осадчим Русецкая говорит о «жи», «ши» и корнях с чередованием.

Словом, высказывания специалистов не дают сомневаться, что орфография русского языка в ближайшее время претерпит изменения. Насколько они будут сложны и обширны, мы узнаем вскоре. Но с их неизбежностью нам придётся смириться.

Почему именно смириться, а не принять «на ура»? Потому что, по всей видимости, в стране есть только две категории граждан, кого эти реформы могли бы обрадовать: сами языковеды, получающие государственный заказ, и люди, для кого разобраться с двумя «н» в причастиях или запомнить правило с «жи» и «ши» представляется непосильной задачей. Сложно не согласиться и с кандидатом филологических наук Алексеем Михеевым, предположившим, что «эта правительственная инициатива связана с какими-то бюрократическими процедурами. Вдруг кто-то решил выделить какие-то средства, гранты, их надо освоить — вот и возникла необходимость “решить эту актуальную проблему”».

Все убаюкивания насчёт «назрело» или «необходимо» напоминают недавние возгласы по поводу пользы ЕГЭ. Зато, кричали сторонники образовательной реформы, ребята из провинции смогут, не выходя из дома, поступать в московские ВУЗы. Тогда, правда, так никто и не объяснил, почему, собственно, ребятам из провинции надо поступать в московские ВУЗы, а не в свои — провинциальные. И почему вместо того, чтобы поддерживать высшее образование в провинции, понадобилось ломать лучшую образовательную систему. Конечно, новая система не позволяет полноценно обучить грамоте, отчего преподаватели как столичных, так и региональных ВУЗов хватаются за головы от уровня подготовки абитуриентов. Вот для того, чтобы эти Митрофанушки сдавали ЕГЭ при отсутствии достаточных знаний, нужно упро-

стить орфографию. А для этого понадобятся новые учебники, переподготовка учителей, пособия для этой переподготовки — денег-то в казне куры не клюют.

Но главное — это опасность упрощения языка, за которой всенепременно и сверхобязательно последует упрощение сознания и отчуждение от культурной национальной традиции. Точно так же, как многим неудобно читать старые книги с «ятями», «ижицами» и «фитами», носителям упрощённого языка будет неудобно и затруднительно читать книги с существующей ныне орфографией. А это значит, что культурная связь поколений может и оборваться, национальная традиция, национальный код, хранимые классической литературой, окажутся чуждыми и непонятными. Никто не станет перепечатывать весь объём классической литературы по новым правилам.

А ведь гораздо более серьёзной угрозой для русского языка, чем двойное «н» в причастиях, представляется какое-то сплошное и всеохватное засилье американизмов и неологизмов, отражающих уже нынешнее состояние сознания. Сегодня любят говорить, что в русском языке и без американизмов полно иностранных заимствований. Например, всеми любимые «культура», «поэзия», «литература», «музей», «театр»... Так зачем же бояться новых слов? Мария Рут приводит такой пример: *«Говорят: зачем нам “спонсор”, когда есть прекрасное русское слово “меценат”. А что “меценат” — это тоже заимствование, причём сравнительно недавнее, люди даже не задумываются. При этом меценат — это прежде всего покровитель искусства, а спонсор всё-таки не столько помогает таланту, сколько поддерживает того, на ком сможет впоследствии заработать»*. Однако, пример, не вполне корректный. Во-первых, «меценат» — когда-то имя собственное — слово, заимствованное из латыни. Как и «культура» или «литература». А, например, «поэзия», «музей» и «театр» пришли в наш язык из греческого. Но латынь и греческий обогатили все европейские языки. Рим и Афины — колыбель европейской, христианской культуры. И заимствования из этих языков не просто не зазорны, но и естественны, закономерны. Во-вторых, «спонсор» по-русски действительно не соответствует «меценату». Однако слов, заменяющих «спонсора» вполне достаточно. Это и «покровитель», и «благотетель», и «попечитель», и, в конце концов, «предстоятель». Поэтому замена «покровителя» «спонсором» так же непонятна, как и замена «убийцы» — «киллером», а «грабителя» — «рэкетиrom». А зачем, простите, понадобилось заменять «управляющего» — «менеджером», «товароведа» — «мерчендайзером»?

Для чего вместо «образ» повсеместно стали говорить «лук», вместо «отдела» (в магазине) — «корнер», вместо «подписчиков» (в интернете) — «фолловеры», вместо «направления» — «тренд»? Вместо «ухищрение» или «полезный совет» — «лайфхак», вместо «недоброжелатель», «ненавистник», «злопыхатель» — «хейтер»... Чем обогатили русский язык «фейки», вставшие на место «лжи», «подлога» или «обмана»? Чем «сейл» оказался лучше «распродажи» — скидки, что ли, больше? Что нового принёс «хайп», вытеснивший «шумиху» или уже прижившийся французский «ажитаж»? Чем «харрасмент» превосходит «домогательство»? И почему словом «паста» называется теперь и вермишель, и лапша, и спагетти, и всё множество других макаронных изделий? Да, во время и после Петровских реформ в Россию пришло огромное множество новых слов: голландских, немецких, французских. В первую очередь, это были слова, обозначающие новые явления. Прижились не все, что-то потом нашло и русское подобие. Но вот приведённые выше примеры — это совсем другое. Эти слова не обозначают новые явления, они просто встают на место русских слов, потому что так модно, потому что подражать Америке — значит, ощущать себя передовым и продвинутым.

Отдельная история — это неологизмы, вызывающие приступы тошноты, все эти «молочки», «мимимишный», «няшный» или «вкусняшки». От «вкусняшек», кстати, почему-то особенно тошнит. Или диминутивы, то есть слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом. С некоторых пор присюсюкивание на каждом шагу стало чуть ли не хорошим тоном. Куда ни плюнь, всюду «денежки», «ноготки», «бровки» и прочие «няшки». Неизвестно, станут ли «мимимишные вкусняшки» — этот удел граждан с небольшим словарным запасом — языковой нормой. А вот насчёт «хайпов», «хейтов» и прочей дребедени поступают предложения о включении их в новые словари. Причём не в словари иностранных слов, не в словари жаргонов, а в обычные, толковые. И предложения такие, кстати, поступают, в том числе и от учителей русского языка. Так не лучше ли новой языковой комиссии заняться засильем американизмов и такими учителями, а не причастиями с двумя «н»?..

И, наконец, есть ещё один немаловажный — а, может, и самый важный вопрос. Нельзя одной рукой писать, а другой зачёркивать. Получится пачкотня. Невозможно рассуждать о русском языке, о повышении языковой культуры в отрыве от литературы. И особенно — от современной литературы. Русская словесность всегда оставалась примером богатого

словаря, точного и красивого использования слов, виртуозного владения писателями родным языком. Собственно, это первое условие занятий писательством: нельзя быть композитором, не имея музыкального слуха или плохо владея нотной грамотой, и не бывает писателя, лишённого чувства слова. Если о человеке, не умеющем точно, образно и красиво излагать свои мысли, говорят: «писатель» — не верьте, это не писатель, это проект, то есть предприятие, созданное с целью заработка. Зарботка, основанного на продаже книг, на освоении грантов и прочих бюджетных или благотворительных средств, на эксплуатации авторитета и созданного образа.

В апреле 2020 года газета «Культура» взялась зачем-то рассказывать о том, какие бывают писатели. Оказывается, писатели — это те, кто со своими произведениями активно участвуют в премиальных играх и доходят до финала. Другими словами, хотите узнать современных писателей — посмотрите короткие списки главных премий страны. Таким образом выяснилось, что читатель знает «Сорокина, Шишкина, Прилепина, Водолазкина, Попова, Виктора Ерофеева, Петрушевскую, Улицкую, Токареву, Рубину, Гениса, Юзефовича, Буйду, Славникову, Быкова, Шаргунова, Садулаева, Рубанова, Елизарова, Аствацатурова, Яхину, Степнову, Ганиеву и Абгарян». А если заглянуть в какие-то ещё списки, то добавятся несколько фамилий. Естественно, что среди писателей не оказалось ни Владимира Крупина, ни Юрия Лощица, ни Виктора Лихоносова, ни Юрия Козлова, ни многих других действительно хороших, талантливых писателей.

Однако парадоксальным образом современные писатели, а точнее — люди, допущенные до кормушки Респечати, — оказались, в большинстве своём, чужды русскому литературному языку. И речь идёт не об ошибках, описках или, как теперь принято говорить, «блохах» — тут уже не блохи, а скорее могильные черви. Речь идёт именно об отсутствии чувства слова и, как следствие, неспособности писать грамотно, чётко и красиво, повинуясь «чувству соразмерности и сообразности». Например, один «известный писатель» упорно путает «духовный» и «духовитый», «каёмка» и «окоём», уверен, что пот поддаётся исчислению («первое, что делает деревенский житель, всю жизнь вкалывавший до бесчисленного пота...»), а лёгкие в деревне «получают полный разлив свежести», он же расскажет о «генерации нашего поколения» (?) или об извивающихся гнидах («я извивался в воде, как гнида»); другая считает, что стена вполне может катиться («...лесные пожары в Забайкалье, катившиеся огненной сте-

ной...»), а глаза — набрякнуть («набрякшие глаза»), что можно выложить на стойку бара декольте («девицы, выложившие на стойку овалы декольте»), а на кисть руки надеть обручальное кольцо («мужская пухлая кисть в обручальном кольце»).

А вот ещё пример из той же компании. Молодая писательница, представляющая Россию на международных книжных ярмарках и прочих мероприятиях того же толка, поддерживаемая ведущими российскими издательствами, выпускает небольшого объёма книги, о которых даже самые благожелательные критики не рискуют отзываться с обычными для них восторгами. А уж критики независимые не раз называли язык сочинительницы не то базарным просторечием, не то жаргоном некой тусовки. Да вот, не угодно ли: «впендюрил исправленную цитату в свою передовицу», «к двум друзьям-партнёрам присобачиваются любовники», «счастливые крики ку-pальчиков, плещущихся в огромной дождевой луже на месте выкопанного и недостроенного фундамента», «прима надевает тугое декольте» и так далее, и тому подобное — можно просто поставить знак бесконечности. На каждое критическое замечание писательница считает нужным огрызнуться, причём сделать это по-хамски, и заверить, что очередной критик просто «поцапал блох». Но, Боже мой! Кто же разъяснит, что значит «поцапал»?!

И что? Кто-нибудь озаботился тем, чтобы не называть эти перлы литературой, не вводить в заблуждение доверчивого читателя и не позорить державу на весь мир? Да скорее небо упадёт не землю, а Дунай поворотит свои воды вспять. Воз не просто ныне там, этот воз катится вперёд, он уже мчится и набирает скорость. По этим текстам пишутся так называемые тотальные диктанты, эти тексты переводятся на другие языки, некоторые из этих текстов вошли в школьную программу. Всё это бессмысленное косноязычие называют русской литературой (когда-то так называли сочинения Пушкина и Гоголя, Толстого и Достоевского, Чехова и Бунина, Булгакова и Горького, Шолохова и Симонова).

Другой пример из приведённого газетой «Культура» списка. Один из означенных писателей пишет: «В то время, как русские школы ломались от желающих в них учиться, <...> в украинских царили спокойствие и камерность». Далее рассказывается, как русскоязычный мальчик, посещающий украинскую школу, восхищается как украинскими словами, называя их «волшебными», так и теми, кто знает эти слова.

Тот же писатель пишет: «Из всех безрадостных вещей не было в эти годы ничего безрадостнее уроков русского язы-

ка». Отметим, что пишет это один из модных ныне писателей, не просто тиражируемый, но и записанный доброхотами в классики.

Как может государство «сохранять и обеспечивать развитие русского языка в России и в мире», если оно само, своими руками плодит косноязычие и тиражирует презрение к русскому языку? Если вы сами себя не уважаете, не ждите, что вас будет уважать кто-то другой. Если государство в лице Роспечати поддерживает откровенные оскорбления русского языка, пестует людей, не имеющих склонностей к занятию литературой, и предлагает в качестве образца современного русского языка — невежество, русофобию и графоманию, то никакого положительного результата реформа не принесёт. Не будут уважать русский язык, если называть классиком его ненавистника и тиражировать писанину о том, что нет ничего безрадостнее, чем учиться этому языку. Не будет культуры речи, если косноязычных людей станут считать классиками литературы. Председатель правительства пообещал заняться повышением *«уровня подготовки специалистов. В первую очередь тех, чья деятельность связана с профессиональным использованием русского языка»*. Но кто как не писатель профессионально использует русский язык! Однако слабо верится, что правительство разберётся наконец с Роспечатью, даст ей окорот и обустроит вменяемую систему отбора и тиражирования произведений литературы.

Можно создать хоть тысячу комиссий (а ещё лучше — штабов!), но если реформа сведётся, по методу профессора Осадчего, к упрощению жизни через полную или частичную отмену правил орфографии, то ничего, кроме примитивизации национального сознания в итоге не произойдёт. Что ж, возможно, так и было задумано.

Ну а в заключение всем (или очень многим) недовольным предстоящей реформой остаётся сказать: проголосовав за поправки к Конституции, вы проголосовали именно за это — за реформу языка. Внимательнее надо было читать. Хотя многие проголосовавшие их вообще не читали.

<https://sovross.ru/articles/2014/49595>

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

РАССКАЗ

Виктор Афанасьев, он же Афоня, как прозвали его в редакции, боялся бурундучков. Склонившись над столом, он сосредоточенно вносил правку в воспоминания, которые принёс ему месяц назад один дедок. Автор через слово сетовал на то, что долго лежал в онкологии с подозрением на глиому. Текст был написан от руки очень ровным почерком, буква «в» напоминала восьмёрку, а «р» — две капли, падающие вниз одна за другой. Афоня прочел о том, как автор устроился на завод «ГронскМаш», где работал его герой, или, если угодно, Герой, потому что это слово сочетало два понятия: центральный персонаж, перед которым дедок, в далёкие семидесятые молодой сотрудник Отдела снабжения, благоговел, и звание — Герой Советского Союза, которое принято писать с большой буквы. Афоня что-то дописывал и делал сокращения конвертом: обводил ненужный текст прямоугольником и перечёркивал крест накрест.

Полбеда, что статья была мала. Герой в ней ходил на лыжах, обтирался снегом, имел первый разряд по плаванию, полученный в далекой



ПРОЗА

довоенной молодости, организовывал на заводе любительский театр, где пытались даже ставить «Гамлета», но безвременно умер от повторного инфаркта, «не успев осуществить многое из задуманного». Этими расхожими и трагическими словами завершалась рукопись. В ней не было главного — за что Герой получил Золотую Звезду и звание.

Афоня перезвонил автору, но тот сказал, что не знает. Его коллега и старший наставник, мол, не любил рассказывать о войне. Но Афоня был опытным редактором. Он быстро нашёл на сайте «Память народа» наградной лист и нужный приказ. Оказалось, что герой статьи в 1943-м с группой разведчиков сумел пройти в тыл немцев на двенадцать километров, выявил большое скопление танков и бронемашин. Сведения были своевременно переданы командованию по радиации. Это помогло сконцентрировать силы и нанести удар. Одновременно разведчики с боем заняли несколько деревень, а через два дня исключительно на подручных средствах переправились на правый берег Днепра и там снова добыли ценные сведения.

Дело оставалось теперь за малым: набросать небольшое послесловие, привести в нём нужные цитаты. Редакция готовила праздничный номер, посвященный 75-летию Победы. Общаться с автором, который предлагал ему в качестве иллюстрации ксерокопии фотографий, Афоне не хотелось, и он попросил снимать трубку стажёра Максима Гуляева — говори, дескать, что меня нет, карантин, коронавирус. Телефон стоял на отдельном столе, один на двоих, рядом с подшивкой газет.

Максим был в газете на стажировке. Он наблюдал, как Афоня стучит по компьютерным клавишам, набирая текст, и скучал. Он заканчивал филологический факультет в области, где было отделение журналистики, а в Гронске напросился на практику, и его приняли в «Гронскую неделю», поскольку помнили былые заслуги деда, всю жизнь посвятившего местной прессе, бывшему главреду. Грянул карантин из-за коронавируса и все мероприятия были отменены. Максим ходил в редакцию, где его прикрепили к Афоне, но тот не знал, что поручить двадцатилетнему студенту.

День выдался серый. В окно видна была пустынная площадь с белыми линиями дорожной разметки, её не спеша переходила рыжая с подпалинами собака. На дальнем конце стояли шеренгой каштаны, готовые зажечь пирамидки цветов. На дверях магазинов были спущены жалюзи. Виднелся двор одного из домов с пустынной детской площадкой и цветущими одуванчиками. Жизнь готовилась наступать на мёртвый город.

Афоня отдал статью в секретариат, приложив ксерокопию чёрно-белой фотографии. Другого портрета Героя не было. А праздничный номер предполагалось делать цветным. Прежде чем выйти, Афоня повертел листок и поднял его вверх, как футбольный судья штрафную карточку:

— Этот бурундучок не смог найти фотографию своего друга получше. Нету, говорит. Попросил его узнать, может, у родственников есть. Он отвечает: спрашивал, мол, но они не дают. Как так? Мы пишем об их отце, деде и прадеде, знаменитом, можно сказать, человеке. А они снимок зажали. Ведь есть наверняка, не может не быть!

Максим сейчас был единственным человеком, с кем Афоня мог поделиться своим недоумением.

— Боятся, Виктор Семенович, что прочтает кто-нибудь, залезет к ним в квартиру и Золотую Звезду украдет.

Максим шутил. Афоня в ответ хмыкнул:

— Бурундучки.

Это звание получали у него многие. Обычно — зануды, надоедливые и непонятливые люди, словом, все, кого другой назвал бы идиотом, болваном, дураком, кретином, бестолочью, балбесом, синонимический ряд подобных определений весьма богат. А у Афони все оттенки человеческого скудоумия, назойливости и глупости выражало одно слово — бурундучок.

Звание было «учреждено» после одной попойки, когда редактор экономического отдела, пьющий, по словам Афони, как слон, уставился на него в упор и спросил: «А Витька-то где?» — «Так я Витька, вот я перед тобой!» Вторая бутылка водки, ноль-семь, была тогда откровенно лишней, и с тех пор Афоня больше не покупал «Гронский сюрприз», выпускавшийся местным ликёроводочным заводом. «Где Витька?», повторил свой вопрос приятель Афони. В себя он пришёл минут через десять, но Афоня тогда решил, что он «поймал белочку», которая потом превратилась в полосатого грызуна...

Надо слышать, как Афоня проговаривает любимое слово. Учитывая особо резкое взрывное «б», высокий подъём голоса на втором «у», предельно презрительную интонацию в целом, сейчас оно могло значить: «У этих идиотов наверняка уже нет никаких наград, и они могли с ними сделать что угодно — продать, потерять, пропить. Странно, что статью нам принёс друг этого человека, хотя между ними была большая разница в возрасте, но из родни этого Героя Советского Союза никто не почесался. Другу дорога память, а вот им, родне? Кто они? Что за люди?»

Афоня вышел. Максим решил поставить чайник, но в этот момент раздался занудный телефонный звонок. Аппарат стоял у Афони на столе. Максим подошёл и взял трубку.

— Это редакция? Алло!

— Да. Здравствуйте...

— Я у вас прочитала, как бабушка одна рассказывает, что с маршалом Жуковым встречалась. Он, мол, зашёл куда-то, а она лежит, учит кого-то фугасы разми... разминировать...

— Обезвреживать.

— Ну и лёжа, значит, ему докладывать стала. Что это за бред?

Максим растерялся. Ничего подобного газета не писала. Было только интервью с одной бывшей санитаркой, ей в конце марта исполнилось девяносто девять лет. Больше никаких бабушек.

— Я вам хочу о себе рассказать, — бойко продолжал голос в трубке. — Очень хорошо помню, как немцы у нас были в деревне. Вот это интересная история. Хорошая бы статья получилась!

Выходило, что прежняя статья, которую Максим так и не мог вспомнить, дрянь. Растерялся он потому, что решение — писать или не писать — должен принимать Афоня. Но показалось неудобным попросить женщину перезвонить ещё раз.

— Вы хотите сами, или... Нужно очень срочно, потому что мы скоро должны сдать газету в типографию...

— Да что вы, куда мне самой!

— Тогда давайте я к вам приеду. — Максим всё-таки взял инициативу на себя. Когда-то же надо начинать.

— Было бы замечательно. Я такой вам случай расскажу! Уникальный! А то чего вы ерунду пишете? «Стала докладывать лёжа...»

Максим подумал, что собеседница читала другую газету, но спорить и разубеждать не стал. Если что и проскочило, он не был к этому причастен, но припомнить статью с подобной фразой ему так и не удалось. Было ясно, собеседница что-то прочла, пусть и не в «Гронской неделе», загорелась, нашла на последней странице телефон...

— Продиктуйте мне, пожалуйста, ваш адрес.

Он взял со стола у Афони его ручку с рекламой «Росэнергоатома», а из лотка стоявшего рядом принтера чистый лист. «Евдокия Алексеевна Щукина». После фамилии он отрывистыми линиями, похожими на штрихи китайских иероглифов, вывел название улицы. Читательница жила на другом конце города. Движение рейсовых автобусов и маршруток было отменено решением городского головы: вдруг люди друг

друга перезаразят. Та же ситуация была и в областном центре, и в Москве. Год назад и в Гронске провели оптимизацию лечебных учреждений, и теперь было не до оптимизма. Штат в районной больнице сократили, уволив часть врачей и медсестёр, количество коечных мест тоже, теперь власть боялась, что эпидемия коронавируса скосит гораздо больше людей, чем может вместить больница, где остались работать три калеки с половиной. Надо было всеми мерами изолировать жителей города друг от друга. Был введён так называемый «масочный режим». Предполагалось, что народ должен носить маски. Но предполагалось только на словах и в указах городского головы. Не было никакого положения о «масочном режиме», которое оговаривало бы, какие маски носить и как. Получалось, что ты можешь надеть серьёзный респиратор, можешь всю неделю носить одноразовую маску, наконец, одеть маску Винни-Пуха или Пятачка, и никто не скажет, что ты нарушаешь этот самый «масочный режим». Без маски нельзя было заходить в магазин. Городской голова обязывал также носить перчатки. Но какие — медицинские, боксёрские, велосипедные (закрывающие только ладонь, но не пальцы рук), трикотажные, резиновые — никто не знал. Оставалось вопросом, можно ли вместо перчаток одеть, например, варежки. В городе, как и по всей стране, перестали работать магазины, кроме продуктовых и аптек. Отмена общественного транспорта, массовых мероприятий, в том числе посвященных 75-летию Победы; принудительная «самоизоляция» (само слово звучало издевательством над здравым смыслом); контроль за передвижением людей, когда для въезда в Москву и некоторые из областей — небольшой Гронск это миновало — требовалось обязательно пройти регистрацию на специально созданном портале в интернете, будто она гарантировала, что человек здоров; наконец, безумные штрафы за выход из дома. Власть показывала, что может делать что угодно. Все эти меры не сдерживали рост заболеваний, но превращали страну в бедлам, сдерживаемый силой. Наконец, медийная истерия. СМИ трещали об эпидемии, но статистика давала повод говорить только о сезонной вспышке вируса, пришедшего из Китая. Он гулял по всей планете. При всём этом некоторые страны, несмотря на охватившую земной шар истерию, не стали предпринимать никаких мер — Белоруссия, Швеция, Южная Корея. И спокойно жили.

Максиму, хотя он и был стажёром, на бланке «Гронской недели» выдали справку, где говорилось, что он работает в государственном бюджетном учреждении, была указана его должность — корреспондент (главный решил не оговаривать,

что он стажёр, наверное, помятуя былые заслуги его деда). Ниже указывалось, что редакция относится к средствам массовой информации и в силу пункта 5 указа президента РФ от 25 марта 2020 года за №206 «Об объявлении в России нерабочих дней» Максим Гуляев не просто гуляет по улицам, а выполняет редакционные задания. И далее, как положено, стояла синяя печать с гербом Гронска — куницей с короной на спине, и автограф главного редактора.

В Гронске заболел только один человек. Его знала половина города. Это был недавно приехавший из Испании директор развлекательно-досугового центра. Он лежал в районной больнице и на своей страничке в Фейсбуке извещал друзей (среди которых был и Афоня), что у него температура 37 и два, и выше не поднимается, и дразнил «френдов» сибаритскими фотографиями из Коста-дель-Соль: вот ему принесли омара и бутылку вина с благозвучным для русского уха названием «Буханда», вот он в малиновых шортиках греет пузо на пляже, вот на набережной, на фоне серой пологой горы... Словом, больной вёл себя, как последний бурундучок. В Москве он взял в аэропорту такси и сразу же пошёл в Гронск. По всем телеканалам вещалось, что страшный вирус косит людей направо и налево, и по идее надо бы было теперь разыскать этого шофёра, но директор-сибарит не помнил номера машины, а сам таксист, судя по всему, ничем не заразился, иначе бы эта новость облетела бы Гронск. Впрочем, это было в марте, а к маю городской штаб по борьбе с «эпидемией» зарегистрировал полторы тысячи заболевших. Все — в лёгкой и средней степени тяжести. Говорилось о бессимптомном протекании болезни. И больным можно было признать кого угодно.

Из коридора слышались шаги Афони.

— Виктор Семенович, позвонила одна читательница. Может что-то рассказать о войне. Помнит что-то интересное. Так она говорит.

Когда Максим поделился эпизодом с несуразностью в газете, Афоня тоже не смог ничего вспомнить и тут же поставил диагноз:

— Бурундучиха.

Афанасьеву было пятьдесят с половиной, сутуловатой фигурой он напоминал актёра Дэвида Суше, игравшего роль частного детектива Эркюля Пуаро в известном английском телесериале. Лысый череп с высоким лбом и короткими волосами сзади и по бокам, напоминавшая яйцо голова с острым подбородком. Усов Афоня не носил, но передвигался также неторопливо и несколько чопорно, как и знаменитый

детектив, тросточкой не пользовался. Когда говорил, возле уголков рта у него заметны были желвачки размером с большую фасоль. Брови у него росли густыми дугами и с краёв топорщились вверх, уши казались немного оттопыренными, взгляд коричневых глаз был пронизательным и острым, и Максиму казалось, что у опытного журналиста всегда должен быть именно такой, словно режущий собеседника насквозь, пытливый взгляд.

— Сходи, если хочешь.

Афоне было всё равно, чем он займёт себя, а Максиму не хотелось сидеть сложа руки.

Гронск был довольно большим городом. Он стал развиваться после войны. Ещё в 1950-е здесь возникли крупные заводы, среди них — краностроительный, завод стройматериалов, кирпичный, деревообрабатывающий, ну и ликёроводочный. Понятно, что это повлекло рост населения, отток его из деревень и сёл. К 2020 году здесь насчитывалось около шестидесяти тысяч человек. Троллейбусы в городе не ходили, только автобусы и небольшие маршрутки. Название городу дала местная речушка Гронка, а известный советский журналист и общественный деятель Иван Михайлович Гронский, заведовавший в довоенные годы экономическим отделом в «Известиях», а потом просидевший шестнадцать лет в воркутинских лагерях, не имел к городу никакого отношения. С конца 1950-х годов остались в Гронске унылые двухэтажные дома, похожие на бараки, целые кварталы, от брежневской эпохи — однообразные пятиэтажки-близнецы. На берегу речушки среди зарослей плакучей ивы в перестроечные годы появился памятник воинам-афганцам в виде огромной стальной пули.

Максиму нужно было идти минут сорок. После моста через Гронку улица поднималась круто вверх, это замедляло ходьбу. Он отыскивал нужный дом. Он был необычным. Все дома в этом квартале были четырёхэтажными, а этот с одного конца тоже имел четыре этажа, а с другого, спускаясь торцом в неглубокую ложбину, пять. Домофон не работал. Максим достал смартфон и позвонил.

Подъезд был обыкновенным: бетонный козырек с похожим на белую пуговицу плафоном фонаря под ним, над железной дверью. Справа и слева на газонах лежали автомобильные крыши, покрашенные всеми цветами радуги, а из них, из насыпанной внутрь земли, выбросила свои мечи декоративная осока и канареечник. Разноцветные круги с растениями в Гронске были всюду. Народ нашёл прекрасный способ повторного использования резины.

Женщина, открывшая ему, отнюдь на восемьдесят не тянула. Максиму подумалось, что она намного моложе, но тут же он одёрнул себя — не обязательно в восемьдесят люди должны быть малоподвижными, вялыми и дряхлыми, а старухи ходить в платках, подвязанных узлом под подбородком. Евдокия Алексеевна оказалась бойкой и проворной. Спустившись, как она сказала, со второго этажа, она не пожаловалась, что приходится бегать, и по ступенькам пошла без одышки, только спросила:

— А у вас дезинфицируют подъезды?

— Лишь обещают, — ответил Максим.

— Вот и нам обещают. Звоню им, ругаюсь... Сколько можно ждать-то? Да и зачем это нужно. Чёрт бы их побрал с этим карантинном!

У неё были рыжие волосы, которые барашком завивались у плеч, и Максим подумал, что это делается искусственно, с помощью щипцов. Если так, бабушка молодится и прилагает все усилия, чтобы выглядеть моложе своих лет. Она была в халате с георгинами, подпоясанная узеньким пояском, в тапочках. В прихожей не нашлось другой пары и Максим сказал, что дома у себя тапочек не носит, ему и так хорошо.

Евдокия Алексеевна предложила пройти на кухню. Там у холодильника стоял маленький стол, на нём две чашечки, сахарница. Ничего лишнего и ничего необычного. Максим поймал себя на мысли о том, что не может выделить ничего такого, что говорило бы о человеке, и в то же время обстановка в доме не была безнадёжно безликой. За квартирой следят и убирают, а значит, хозяин её аккуратен и внимателен к себе.

Предлагать гостю чай Евдокия Алексеевна, наверное, сочла излишним, но Максим и не стал бы — лишняя суета.

— Вы хотели рассказать интересную историю, — напомнил он, чтобы сразу перейти к делу.

— Сейчас, сейчас. — Евдокия Алексеевна села по другой край стола, положив перед собой, как разделительную полосу, руку. Она заговорила бойко и живо, и по голосу её казалось, что рассказ уже давно сложился в её голове.

— Давайте я только диктофон включу.

— Когда началась война эта, мне было четыре года. — Хорошо помню дорогу перед домом. Песчаная она была. И вот по ней — танки, пушки, машины. Немцы наступали на Сивцевы Хутора. Дело под вечер. Одна машина остановилась. Дом-то наш был крайний, на околице стоял. Они решили у нас заночевать.

— Немцы? — зачем-то переспросил Максим, хотя и так было понятно.

— Ну кто же? Не русские же. А мы остались втроем: я, старший брат и мама. Брату — девятый годик пошёл. Маленький.

— Извините, а как выглядела машина? Немцы ехали в кузове, он был накрыт брезентом...

— Да что я, помню, что ли?!

— А сколько было немцев?

— Много! Я что, считала?

Максим понял, что вопросов пока лучше не задавать. Смутил резкий тон. Он лишь хотел уточнить детали и не давал повода повышать голос. С улицы не доносилось никаких звуков, может, поэтому ответ показался ему грубым. Не кричали дети во дворе, не сигналили машины. Город за стеной дома был мёртв.

— Так вот, продолжила Евдокия Алексеевна. — Наносили они в избу сена. Стог у дома стоял. У нас был телёнок. Один. Больше никакой скотины. Кормить его ведь надо. Мать косила за домом сено. Там лужок начинался у нас. Нашли в сарае вилы, кто ими ворох подхватит, кто в охапку загребёт. И на пол бросают.

— Зачем? — поинтересовался Максим.

— Как зачем? Чтобы спать. Куда они все поместятся? Их видимо-невидимо. Осень уже поздняя, на улице не ляжешь.

Максим согласно кивнул и покосился на красную бусинку включённого диктофона.

— Нам в сарае спать пришлось. Дрожали всю ночь. Брат меня телогрейкой накрыл, я заснула. А мама в курятник пошла... А утром, слушайте, утром было самое интересное.

Максим снова кивнул, уже в знак того, что готов удивляться.

— Немцы заметили телёнка. У нас за сараем хлев был... Один теленок остался.

— Вы говорили.

— Ага. Так вот. Заметили, вывели, а мама увидела, да как заорёт: «Оставьте. У меня муж на войне!» И мы тут рядом стоим, я и брат. Немцы, видать поняли — про мужа-то. Чего-то меж собой гыркают...

— Обсуждают.

— Ага. Мама догадалась, что...

Евдокия Алексеевна замешкалась, подбираясь слово.

— Сказала лишнее, — помог Максим.

— Сказала лишнее, — повторила Евдокия Алексеевна, глядя куда-то вверх, и вид у неё был такой, что там, в неведомой выси, сейчас летит моль, и надо бы её прихлопнуть, да нельзя. Тем не менее, она не сбавила тона, не замешкалась, не пре-

рвалась: — И пока они что-то там обсуждали, мама тихонько шмыг за избу, а дальше за плетень и мимо наших сараев — к соседской усадьбе, а оттуда к лесу. Там сторожка была, отдалённо от деревни стояла. Лесник в ней жил. Ну, до войны жил, а тогда она пустовала. Там спряталась, в погреб залезла. Немцы — искать. Вынесли вилы из дома, истыкали ими, что от стога осталось. Хлев обыскали, курятник перерыли...

— А кур не тронули?

— Не было у нас кур тогда. Он пустой стоял. Только палка от одной стены к другой — насест. Там какой-то хлам вроде хранился у нас... Хомут вроде висел на стене. А может, и не было ничего. Не перебивайте. Мне четыре года было.

— Больше не буду.

— Наше счастье, не было у них времени долго искать. Увели они телёнка. Мы с братом одни остались. Дом пустой. Сено на полу разбросано. Ошмётки грязи с сапог. Когда начало темнеть, вернулась мама...

Максим отметил, что она бросила детей на целый день одних. Так выходило со слов собеседницы. Но не стал говорить, что это кажется ему странным. Всё, с другой стороны, объяснимо испугом. Но тут он отметил другое несоответствие.

— Извините, перебыю. Они привязали телёнка к машине?

— Да к какой машине, — темпераментно взмахнула рукой Евдокия Алексеевна. — Кроме грузовика ещё телега там была с лошастью. Одни ехали на телеге, другие на машине.

Максим поджал губы и кивнул. Указать собеседнице на то, что она не упомянула про телегу с самого начала, было бы, как ему показалось, не деликатно. Пожилой человек, вот и сбивается.

— Телёнка привязали к телеге. Вот. Уехали они. Мама сидит на табуретке. Соседи зачем-то пришли... Обсуждают этого телёнка. Вдруг под окном — «Му-у-у-у!» Вы представляете?! — Евдокия Алексеевна затрясла сжатой в кулак рукой, словно бы держала верёвку или вожжи: — Телёнок у них отвязался и пришёл назад!

— Удивительно, — сказал Максим, почувствовав, что нужно выразить своё отношение. Но тут же его пронзила мысль, что он произнёс это робко и неестественно, во всяком случае, так ему тогда показалось, и, наверно, этим выдал себя: всё, что он услышал, было совершенно неинтересно в качестве истории для газеты. Евдокия Алексеевна ничего, однако, не заметила.

— А потом в деревню пришли наши. Красная армия. И стали нас эвакуировать. Может, сражение тут готовилось, наступление ведь... Посадили нас на подводы и мы, в чём

были, уехали за Копоню. Деревня, километров двадцать от нас. Там прожили зиму...

Она прервалась и вздохнула. Максим почувствовал, что ей предстоит сказать что-то тяжёлое для себя.

— Весна наступила. Проталины, ручьи. Опять подводы... Вернулись мы домой. А дома нет. Во всей нашей деревне только один наш дом сгорел.

— Почему так?

— Кто же его знает? Небось ночевали кто и спалили. Печку растапливали. Зимой ведь всё произошло. Вот и остались без дома. Прожили до конца войны у соседей. Потом, когда уже папа пришёл с войны, колхоз нам новый дом построил. Разобрали старый сарай по брёвнам да домик лесника. Там венцы подгнили, он осел, покосился. Ну вот — для нас жильё. Живите, не тужите. У всех дома как дома, у нас — сарай бывший.

Максим понял, что на этом обещанная история завершается.

— Расскажите об отце. Наверное, он что-то рассказывал о фронте...

— Ничего он не рассказывал, — отрезала Евдокия Алексеевна.

— А в каких частях он воевал.

— Не знаю. Я была маленькая, а умер он очень рано. На войну ушёл, ему было тридцать лет. А в сорок четыре его уже не стало. Один раз рассказывал: высотка, то наши её занимают, то немцы. Переходила она из рук в руки. Вот захватили её немцы. А он притворился мёртвым, в небольшом окопе лежит. Наши к лесу отступили. Лесок рядом был. Надо уползти к ним, а как? Вдруг среди бела дня ни с того ни с сего — туман. Вот что это? Чудо какое-то, — сама себе ответила Евдокия Алексеевна: — И он уполз...

Максим понял, что из этой короткой истории он тоже ничего не сделает. Оставалось выяснить только один вопрос, прежде чем соврать, что рассказ действительно интересный, поблагодарить и уйти.

— Будет нужна ваша фотография, чтобы сопроводить заметку.

— Это у меня есть.

Евдокия Алексеевна принесла из соседней комнаты альбом, тоже обыкновенный, с котятками на обложке. Фотки размером десять на двенадцать вставлялись в прозрачные гнезда. Максим выбрал снимок, где его собеседница стояла с какой-то своей подружкой примерно тех же лет. Здесь было крупное лицо, открытый и воодушевлённый взгляд. Снимок подходил как нельзя лучше.

— Если можно, я бы взял эту фотографию. Обязательно с возвратом.

Евдокия Алексеевна не возражала.

Он коротко поблагодарил собеседницу. Дома, изрядно промучившись, написал короткую заметку на четыре абзаца. Благо, в интернете нашлось описание боёв за Сивцевы Хутора, и именно этот сюжет, а не телёнок, составил главную канву рассказа.

Восьмого мая заметка вышла в газете. Это была пятница, но в редакцию Максим заезжать не стал, зная наперед, что там никто не работает. Однако ему неожиданно позвонил Афоня.

— Есть у нас такой кадр в городе, зовут Тимофей Дмитриевич Поливанов... Он из «Единой России», деятель там какой-то партийный. Свяжись с ним. Телефон я пришлю тебе по почте. Завтра в двенадцать пройдёт чествование старейшего ветерана города. Вернее, труженика тыла... Ему 93 года. Поливанов курирует эту акцию. Он звонил главному, просил, чтобы поприуслововал кто-нибудь от нас...

Дело было понятное: никто, в том числе сам Афоня, работать в праздничный день не хотел, поэтому стажёр — палочка-выручалочка. Максим не стал уточнять, кто такой этот Поливанов и что за ветеран-труженик. Всё равно нельзя отказать.

— Хорошо.

Телефонный звонок застал Максима на улице и, придя домой, он тут же посмотрел почту. Письмо от Афони порадовало. Идти предстояло недалеко.

На следующий день Максим решил сделать крюк и заехать в центр города. Он был нарядным. Мемориал на площади Победы с танком Т-34 был украшен георгиевскими лентами, такие же широкие полотнища спускались вниз с торцов окружающих его пятиэтажек. У подножия танка стояли свеженькие венки на металлических подставках, а рядом на белых мраморных плитах лежали гвоздики, чем-то похожие на брызги раздавленных ягод красной рябины. Бывший кинотеатр напротив, облицованный теперь керамогранитом, блестел, как вымытый, и на нём развевался красно-бело-синий флаг. Теперь здесь располагался супермаркет. Людей было немного. Откуда-то звучала музыка — «Этот день мы приближали, как могли...» Максим припомнил, как городской голова накануне 9 мая предложил провести акцию «Бессмертный полк», не выходя на улицу: пусть, мол, каждый житель выставит в окно портрет родственника-фронтовика. Что делать, эпидемия. Следом прозвучала другая идея: вый-

ти в одно и то же время на балконы и спеть «День Победы». Прочитав об этом на сайте городской администрации, Афоня рассмеялся и окрестил градоначальника бурундучком.

— Вот батяня Лукашенко, — добавил он к своей тираде, — действительно руководитель. И парад у него будет, и никакого коронавируса. — Афоня дважды махнул ладонью, это было нечто среднее между дирижёрским знаком и рубкой крест-накрест: — Не то, что наши...

Дальше следовало выражение куда покрепче, чем сравнения с бурундучком.

Максим свернул с площади, прошёл по одной из центральных улиц, где на столбах висели те же баннеры с теми же чёрно-оранжевыми ленточками, с красными стрелками, означавшими на картах направление наступлений, и цифрами «75». На остановках с широкого плаката улыбалась проходящая весёлая девушка-регулировщица с архивной фотографией в гимнастёрке с флажками в руках.

Ровно в одиннадцать, как и было условлено, Максим пошёл к подъезду и нажал кнопку домофона. Ему открыли. Он поднялся на третий, предпоследний, этаж. Там уже была приоткрыта дверь.

Как только он переступил порог, затыкала маленькая рыжая собачка породы чихуахуа, но тут же шмыгнула в другую комнату, стоило хозяину, который вышел навстречу, цыкнуть. Перед студентом стоял невысокий мужчина, очень худой, при этом отнюдь не шуплый, с пышной шевелюрой, как у французского актёра Пьера Ришара. Волосы у него напоминали отцветший одуванчик. Они были каштаново-русыми, и Максим не отметил никакой седины, а возраст он определял по ней. Если есть, значит, за сорок. Это и был Поливанов.

— Располагайтесь.

Максим прошёл в комнату, где увидел сутулого старика в кресле-каталке. На нём был берет, а колени были накрыты пледом. Он сел неподалёку в кресло. Раскладной диван, телевизор, квадратный стол с тёмно-коричневой полировкой, ковёр на полу, неброские обои без рисунка. Всё было старым, хотелось даже сказать — советским, но скромным. Хозяйева довольствовались малым и не тянулись к роскоши.

— Виктор Семёнович сообщил мне, что церемония поздравления пройдёт во дворе дома, — сказал Максим только для того, чтобы определиться, что делать дальше.

— Совершенно верно, — подтвердил Пьер Ришар. — Пока есть ещё минут двадцать, можете побеседовать. Дедушка у нас герой. Мы решили его поздравить всем двором.

— А вы... от партии?..

— Нет, я просто внук. Думал нашего лидера тоже привлечь, но у него другое мероприятие в графике... Раньше нами правили графы, теперь график. Мы спустимся, подойдут ещё люди...

Старик с любопытством смотрел на Максима. В письме Афоня сообщал фамилию, имя и отчество ветерана, и, прежде чем начать разговор, студент уточнил:

— Поликарп Васильевич Артюхов...

— Да-да, — кивнул Пьер Ришар, и тогда Максим обратился к старику, зачем-то почесав лоб:

— Расскажите... какой помните войну...

— Мы жили на окраине городской, — тихо заговорил Артюхов, помолчав. — Я на заводе работал. Ну, что помню?.. Собирали гнилую картошку. Делали кашу из клевера и хлеб пекли. Щавель ели. Крапиву. Лебеду. Ещё эту, как её, забыл... На даче у нас росла за сараем.

— Сныть, — напомнил Поливанов.

— Точно-точно, сныть...

— Слово «снеть» — как раз от слова «сныть», — вставил уточнение Пьер Ришар.

— Помню, какая-то женщина дала мне кусок хлеба, — продолжал, не обращая внимания на внука, Артюхов. — Он был чёрный, будто чугун. Но сладкий, как мёд! Его испекли из желудей. Ну что, на работу идёшь, шатаешься. Сил нет... Двенадцать часов. Ребёнок ты или взрослый, никто не смотрел.

— У меня супруга увлекается аюрведой, — снова встрял Пьер Ришар. — Вы знаете, в этом учении, что касается трав, имеется своё рациональное зерно. Растения обладают особыми целебными и питательными свойствами, о которых мы порой даже не догадываемся. Вот почему то поколение было стойким и сильным.

Максим посмотрел на Поливанова. Он не знал, что ему делать, подтвердительно хмыкнуть или кивнуть, или поспорить. Интуиция подсказывала, что самое верное — не делать ничего. А разум — что сам Пьер Ришар вряд ли стал бы питаться замороженной картошкой, щавелем и снытью.

— Сколько лет вам тогда было? — спросил он Артюхова.

— Я с двадцать седьмого года. Вот считайте... В январе сорок пятого, в конце февраля, мне исполнилось восемнадцать. Получил я повестку...

— Так вы и повоевать успели? — Максим изобразил восхищение.

— После военкомата нас какое-то время учили, как стрелять, целиться, кидать эти, как их... гранаты. Много чему.

Забыл, как называется город... А потом посадили в вагоны, повезли в Германию. Но уже начался май. Пока мы ехали, война закончилась...

Теперь интуиция и разум подсказывали Максиму в один голос, что расспрашивать старика не стоит. Он будет путаться, будет мучительно вспоминать слова, города, имена, события. Никаких деталей, которые бы характеризовали то героическое и тяжёлое время, никаких характеров, никаких примеров человеческого героизма или ничтожности, ничего из него не вытянешь. У Максима не было времени искать ответ на вопрос, как бы поступил в этой ситуации опытный журналист, и он решился на ещё один вопрос:

— Вы выдели рейхстаг?

Артюхов погладил старческое пятно на лбу.

— Видел. Дом без окон. Обгорелый. С этими, как их... прямые такие...

— Колонны, — снова подкинул слово Пьер Ришар.

— Да-да, колонны круглые. Нас мимо провезли на машине. С другом... Забыл как звали-то его, эх... Мы не подходили, не остановились... Командир сказал — рейхстаг.

Максим остановил диктофон. Спрашивать, какие чувства Поликарп Васильевич при этом испытал, а тем более — какие надписи успел прочесть на колоннах, не имело смысла. Большого материала не получится. Обычная информационная заметка. Ему захотелось уйти, и он сказал Поливанову, что подождёт на улице, тем более что времени до начала совсем немного. Не хочет мешать.

Во дворе была детская площадка с турником и качелями, росли два клёна, вдоль самого дома тянулись кусты шиповника. Городские службы успели покрасить бордюры. День был пасмурный, холодный, погода не изменилась, и бортовые плиты тянулись вызывающе белой полосой вдоль асфальта. Максим прошёл вдоль дома взад и вперёд. Во двор въехала машина, и Максим понял, что приехали журналисты местной телекомпании. Он вернулся назад и стал ждать, когда Артюхова выведут на улицу, предоставив инициативу коллегам.

Пьер Ришар вывез старика на кресле-каталке через полчаса. Тот был в зимней шапке и пальто, всё также укрыт пледом, с белой повязкой на лице. Сам Поливанов неузнаваемо преобразился. Он одел белоснежный пиджак с длинным низом, который, несмотря на пасмурную погоду, переливался, на правой стороне под узеньким карманом висели две медали: одна была круглой, из неё во все четыре стороны топорщились выступы мальтийского креста, а другая болталась

на креплении-колодке с цветами российского триколора. Что они означали, мог знать только хозяин. «У деда-то наверно и вовсе нет наград», — мелькнула мысль, и тут же Максим поправил себя: эти медали нельзя считать наградами. «Он, наверно, певец, это сценический костюм», подумал он следом. В самом деле, о Поливанове Афоня ничего не сообщил, а сам Максим и не счёл необходимым интересоваться. Пьер Ришар держал в левой руке прямоугольную коробку, правой поправил бабочку под подбородком.

Телевизионщики настроили аппаратуру, выбрали место для съёмок, и коляску вскоре перекатили туда, к кусту шиповника. Артюхов сидел спиной к дому. Максим осмотрел окна. Казалось, мероприятие не интересовало никого. На балкон никто не вышел, никто не выглянул во двор. «Поздравлять будут всем домом», вспомнилось письмо Афанасьева.

Журналист с микрофоном, похожим на синюю кочерыжку, нацепил на лицо маску и попросил Артюхова что-нибудь рассказать о себе. Это было нужно, чтобы настроить запись. Тем временем к подъезду подошли две женщины того же примерно возраста, что и Пьер Ришар. Они остановились у коляски. Максим решил, что одной из них должна быть жена Поливанова. Но кто вторая, не мог догадаться. Это не имело значения. Как бы то ни было, число поздравляющих увеличилось. И это были все свои. «А ведь у него где-то есть ещё одна квартира», — вдруг подумал Максим о Поливанове. С дедом они не живут.

— Все, кто будет в кадре, оденьте маски, — скомандовал журналист с кочерыжкой. Оператор кое-как выудил из кармана прямоугольный лоскут, пытаясь натянуть его одной рукой. Поливанов с женой тоже одели маски. Максим продолжал стоять в стороне. Он снова пробежал глазами по окнам. Никого, ни единой души.

— Начали! — скомандовал Кочерыжка. Камера уставилась на Поливанова. Пьер Ришар шагнул вперёд, к коляске деда, и торжественным тоном протолкнул сквозь маску:

— Дорогой, уважаемый дедушка! Поздравляем тебя с праздником. От всех жильцов нашего дома. И дарим тебе вот этот подарок.

Оператор с камерой тут же подскочил ближе, нацелив объектив на продолговатый предмет, который Пьер Ришар держал в руках. Понимая, что он не в кадре, Максим тоже приблизился. Он увидел набор коллекционных монет в капсульном альбоме, напоминающем коробку от DVD-дисков, только раза в полтора больше. Альбом был оформлен под коммандирский планшет с металлической застёжкой, на кото-

рую надо слегка надавить, чтобы открыть. По краям шли нарисованные пунктиры суровых ниток, по центру тянулась чёрно-оранжевая ленточка с орденом Красного Знамени в центре. Альбом раскрывался, как книга. Внутри в круглых гнездышках были упакованы монеты, штук двенадцать, но рассмотреть их толком было невозможно, да и не имело смысла. Было ясно, что более бесполезного подарка для старика не существует. Пьер Ришар купил его для себя.

Журналист с кочерыжкой развернулся влоборта, оператор направил камеру на старика.

— Уважаемый Поликарп Васильевич, расскажите, какой вам запомнилась минувшая война?

Артюхов стал пропихивать слова сквозь маску, приглушавшую и без того слабый голос, и Максим слышал только отдельные глухие звуки. Он несколько не удивился, что телевизионщик задал такой же вопрос, что и он. Всё двигалось по шаблону. И Артюхов, скорее всего, говорил то же, что отвечал и ему. Но телевизионщикам было легче. Для сюжета им достаточно двух-трёх фраз, всё равно о чём. Максим кроме короткой информационной заметки ничего написать не мог.

Журналист с микрофоном-кочерыжкой повернулся к оператору и жестом попросил остановить камеру. Потом посмотрел на Пьера Ришара.

— Надо бы снять вас общим планом, всех вместе. И с вами потом тоже поговорить. — Просьба относилась к одному Поливанову.

Тот стал возле деда слева, женщины справа. Повязка у старика съехала с носа, он не поправлял её. Максим достал смартфон и сделал несколько кадров. Авось пригодятся. Раньше бы снимок с масками в газете забраковали, подумалось ему. Окна дома по-прежнему были пустыми, как и балконы. Гуляеву захотелось немедленно уйти, не прощаясь. Задание Афони он выполнил.

Дорога шла через заброшенный сквер, где ещё с советских времён стоял на восьмигранном постаменте, похожем на обломанный карандаш, бюст Ленина. Здесь было безлюдно и тихо. У постамента лежали гвоздики. Максим видел у себя в «Фейсбуке», как местные коммунисты возлагали их. Положив цветы к подножию, они выстроились в ряд, человек пять или шесть, все в масках. Событие не существует, если оно не отмечено в «социальных сетях». Появиться на публике без масок послушные коммунисты не решились.

Максим обогнул бюст, и его привлёк необычный кустарник. Всё вокруг было однообразно серым, а он обильно — словно вопреки всему — цвёл. На ветках, колыхаясь вместе

с ними, лежали метёлки мелких кремово-белоснежных цветочков, формой похожие на клочки ваты. Лепестки были такими мелкими, что их едва можно было различить. Максим достал смартфон и сфотографировал одну из веток. После чёрно-оранжевых помпезных лент на пятиэтажках, после броских баннеров, ненужной суеты вокруг старика Артюхова, о котором дом не вспомнил и наверняка не знал, что его будут поздравлять, эта накипь, похожая на просяную кашу, сильная и обильная, наглая в своей щедрости, показалась ему зримым торжеством подлинной, неистребимой жизни.

Дома Максим показал снимок матери. Она пояснила, что это бузина.

Понедельник, одиннадцатое мая, был нерабочим днём, потому что праздник выпал на субботу, на выходной. Двенадцатого Максим пришёл в редакцию. Афоня уже сидел перед компьютером. Краем глаза Максим успел заметить, что он смотрит свою ленту в «Фейсбуке».

— Заметку я подготовил про поздравление, Виктор Семенович.

— Давай.

— Только там собрались одни родственники.

— Неважно. Добавь, что это хорошая инициатива и ты надеешься, что она будет поддержана. Разве не так? Помяни «Единую Россию». Подлей оптимизма. — И он перевёл разговор на другую тему: — Да, полтора месяца трындят про коронавирус, а что доллар вырос с шестидесяти двух рублей до семидесяти пяти, никто не говорит и не пишет.

Последняя фраза относилась к какому-то посту у Афони в «Фейсбуке».

Максим положил перед собой черновик заметки, который распечатал дома, и стал перечитывать. Потом посмотрел фотографии с места поздравления, которые слил со смартфона на флешку. И старик Артюхов, и Пьер Ришар не показались ему смешными. Всё-таки в праздничный день они не заперлись в квартире у телевизора, а вышли во двор. Кто виноват, что никто не присоединился? Как ты всех оповестишь? Квартиры обойти или объявление повесить? И что? Всё, что можно было сделать, пригласить СМИ и привлечь внимание. И это действительно хорошо. Никакой символики «Единой России» не было. Тут Максим вспомнил монеты и подумал, что человек, увлечённый аюрведой, мог бы подобрать иной подарок — что-то для здоровья. Чай или набор трав, или мёд в фарфоровом бочонке, расписанном под Палех.

— Про то, что «батька» провёл в Минске парад, как-то стараются не говорить, — молвил Афоня, читая что-то с монитора.

Заметка выходила сухой. Максим добавил «оптимистические» обороты, рекомендованные Афоней, но это не спасало. Зато с заголовком не возникло проблем. Туда надо было вынести самое главное: жильцы такого-то дома поздравили ветерана.

— «Носить маску на улице бесполезно, она просто забьется пылью, вот и весь эффект, — Афоня начал читать вслух другую заметку с экрана, полагая, видимо, что Максиму это тоже интересно: — Потому что вирусы не летают в воздухе, а могут находиться на разных поверхностях. Маску необходимо надевать, когда есть тесный контакт с людьми, которые могут быть заражены: в метро, магазине и больницах. При этом она не может на 100 процентов защитить, так как вирус меньше, чем поры в самой маске». А у нас полицаи по городу в масках ходят, — добавил он от себя: — И половина города. Заставь рога носить и хвосты прицепить — прицепят и будут ходить. Тупорылый народ.

— Девятого на поздравлении Артюхова все в масках были. Я сфоткал на всякий случай.

— Маски только уныние навевают.

— Из ветерана мало что выжмешь. Забывает слова.

— Какие слова?

— Да все подряд. Названия городов... Существительные...

— Один из признаков Альцгеймера — когда забываешь существительные.

Максим послал заметку на принтер и в этот момент вспомнил, что должен вернуть фотографию, взятую у Евдокии Алексеевны. Она не пригодилась. Для заметки про телёнка Афоня нашёл в интернете архивное фото с подбитым у Сивцевых Хуторов немецким «тигром». Максим открыл ящик стола, достал снимок. Блокнот, куда он записал телефон, уже лежал на столе.

— Маска предохраняет от штрафа, — продолжать читать Афоня. — Больше ни от чего.

Максим подошёл к телефону и набрал номер. Трубку сняли после третьего гудка, и он услышал знакомый голос.

— Здравствуйте, это Максим, я брал у вас фотографию...

— Помню, помню, конечно...

Ответного приветствия не последовало, но Максим не обратил внимания.

— Рассказ ваш, который мы с вами записали, вышел...

— Да, видела. Хорошо. Один вопрос у меня к вам.

— Пожалуйста.

— Мне что-то за это будет?

Максим оторопел. «Алло», — слышалось в трубке как сигнал о том, что он слишком долго думает. Наконец, его озарило.

— Вы имеете в виду гонорар?

— Ну конечно.

— Видите ли... у нас давно отменены гонорарные выплаты.

— Это как так? Раньше были!

— Их не существует уже много лет...

Максим подумал, что надо бы объяснить, почему. Потому что лет шесть назад их отменили для внештатных авторов, сохранив лишь для самих журналистов, чтобы те могли, во-первых, хоть что-то зарабатывать дополнительно и чтобы имелся, во-вторых, дополнительный стимул писать больше. Кроме того, как говорил вузовский «препод» по авторскому праву, автором интервью, а эту беседу с рассказом о телёнке можно было считать интервью, является журналист, но вовсе не тот, кто отвечает на вопросы. Однако объяснять это сейчас по телефону было бы излишним.

— Не существует? Гм, раньше были!

Максим опешил. Всё было слишком неожиданно, а кроме того во время их встречи Евдокия Алексеевна ни полсловом, ни полунамёком не поинтересовалась о деньгах.

— Слушайте, вот что! Статья у вас дурацкая!

Начинающему журналисту показалось, что он залился краской. Краем глаза Максим видел, что Афоня, свидетель разговора, не обращает на него внимания, увлечённый своим «Фейсбуком». Отвечать, что это не статья, а лишь краткая заметка, было бы глупостью, и Максим совсем растерялся...

— Ну, во-первых, немцы отступали от Сивцевых Хуторов, а не наступали. Это знает весь мой дом. На меня теперь все пальцем тыкают! И что это за выражение такое: «она заорала...» Ну написали бы — «закричала»! Это же я только для вас сказала так!

Речь шла об эпизоде, когда немцы отбирали телёнка. Тут Максим был готов поспорить. «Кричать» — слишком нейтрально...

— Простите, я могу вам вернуть сегодня фотографию, вы будете дома?

— Весь день дома. Куда ж я денусь?

— Тогда я подъеду через час.

— Хорошо.

Трубку на том конце водрузили на место с грохотом. Максим сел за стол и вставил диктофон в разъём компьютера. Одел наушники. Нашёл нужное место. Запись была чёткой.

«Немцы наступали на Сивцевы Хутора», — монотонно рассказывала Евдокия Алексеевна, и расслышать её слова иначе было невозможно. Максим ощутил необходимость поделиться разговором с Афоней.

— Бурундучков на свете много, что ты хочешь? — равнодушным тоном отозвался тот. «Для вас сказала...» Гм... У меня тоже был случай. Пришёл на интервью к одной скульпторше. В мастерскую. Это я тогда в Питере ещё работал. Давно было... Она говорит, что дружила с Рубцовым. С поэтом. Пойдёмте, говорит, я вам его бюст покажу. Это была голова... Не знаю из чего, из пластилина или глины, вся чёрная. Рот раскрыт, как варежка, а на голове — болты со шляпками топорщатся. И прямые, и гнутые, во все стороны. Как коронавирус. Видел, как его рисуют... А Рубцов-то вообще лысый почти был. Дело не в этом. Бюст просто отвратительный. Орущий и страдающий поэт...

Афоня перевёл дыхание и переложил с места на место лист бумаги.

— Ладно, думаю про себя, об этом я писать не буду. Попросил её что-нибудь рассказать о Рубцове, каким она его помнит. Ну, помнит... никаким. Пьяным. «Может быть, он стихи какие-нибудь читал?» — «О, точно! Читал... “К табуну с уздечкою выбегу из мрака я, самого горячего выберу коня...”» Прекрасно! Дня через три снова к ней прихожу, чтобы она вычитала текст. Она, дойдя до места со стихами, просит это вычеркнуть. Спрашиваю, почему? «Так он же пьяный был», — отвечает. А я ведь даже не заикнулся нигде, что он пьяный. Зачем? И повторяет мне эти самые слова: «Я же это только для вас сказала». Ты потом их не раз услышишь. Надо было вычитать бабке текст, вот в чём твоя ошибка.

— Я даже не подумал. Это короткая заметка, а во-вторых, у меня чёткая запись на диктофоне.

— Бурундучков у нас — как собак нерезаных.

Максиму пришли на память первые слова, первый разговор с Евдокией Алексеевной, её упрёк: «Одна бабушка у вас говорит, что...» Она, мол, городит у вас всякий бред, и вы пишете, а я вам поведаю такое, что все ахнут! Вспомнилось брюзжание по поводу дезинфекции подъездов, одёргивающий тон, наконец, то, что претензии к тексту были высказаны после того, как Максим сообщил, что за рассказ, обработанный им, не полагается выплат.

— Сначала спросила, заплатят ли ей, а потом облила меня помоями. Вот ведь человек, а, Виктор Семенович...

— Привыкай.

— Придётся, что ж...

— Войну они видели... Какими людьми вы стали, вот вопрос в чѐм! Это характер, это изнутри у человека...

— Виктор Степанович, почему у городского руководителя должность называется так странно: городской голова.

— Якобы так было до революции. В девяностых годах решили вернуться к старому названию. Типа, преемственность. До этого был секретарь городского комитета КПСС.

— Но во время оккупации при немцах тоже был городской голова. Зачем же восстанавливать...

— Тогда никто не думал. Лишь бы коммунистов смести. Я помню пресс-конференцию нашего первого городского головы. Ему тогда про оккупацию никто не напоминал, и на этот же вопрос он отвечал, что предлагалась должность мэра. Но ему, мол, не понравилась игра слов: бывают, говорит, такие «мэрзкие» указы... Сейчас этот голова в Страсбурге живѐт.

— Как-то странно всё. День Победы, на домах вокруг площади, где танк, трёхцветные флаги, а воевали ведь с другим флагом...

— Сейчас, если бы те солдаты встали из братских могил, они бы не поняли ничего, что тут происходит.

— А полиция с каких времѐн?

— С 2011 года, когда была реформа МВД. Ты должен это помнить.

— Я тогда в школу ходил.

— Тоже интересное название. Полиция у меня бабушку в Германию угоняла. Полицаи. Теперь они вон ловят старых бабок на улицах да в машину, мол, нарушение самоизоляции. Где-то у меня было на «Фейсбуке», кто-то на телефон записал и выложил. Бабка орѐт, два полицая её в «воронок» тащат.

Максим вспомнил лекцию, на которой преподаватель задал вопрос: что делать, если ты пришѐл на интервью и забыл диктофон? Он стремился научить студентов находчивости. Кто-то брякнул, что можно записывать на смартфон. Но лектор ответил: «Лучший диктофон — это во!», и поднял над головой обычную ручку. Это была теория. За несколько дней перед Максимом развернулась в газете реальная человеческая жизнь, прошли разные типы людей: семейство Героя Советского Союза, которое даже близкому другу, пожелавшему написать воспоминания, не доверило фотографий; Евдокия Алексеевна — малолетний свидетель войны с её сокрушениями о том, что колхоз выстроил вместо сгоревшего дома другой, куда хуже, что ей не заплатят за рассказ; наконец, вроде искренняя, но в то же время нелепая церемония поздравления, где старик Артюхов, он один, действительно был под-

линным — в том смысле, что ничего не разыгрывал, ни особенной радости, ни волнения, не напускал важности, не требовал внимания к себе: поздравляют — хорошо, не поздравят — тоже хорошо. В его глазах светилось то счастье человека, который осознаёт, что прожил жизнь достойно. «Бурундучки», «стервы», «клоуны» — можно было бы повесить на этих людей самые разные бирки, но всех их, прежде всего, объединяла озабоченность собой. Сами они, случись война, на неё не пойдут..

Происходившее на улицах города было странным смешением понятий. Страна отмечала День Победы с трехцветным российским флагом... За окнами редакции, по выражению Афоня, суетились «бурундучки» и продолжался коронавирусный маскарад...

Максим встал, раскрыл ежедневник и вложил в него фотографию, чтобы она не помялась в дороге. Афоня всё пялился в «Фейсбук». Впервые Максим ощутил, что его раздражает всегдашнее резонёрство старшего коллеги. Кто он сам-то? Всегда прав, всему и всем даёт свои определения. Тоже в своём роде бурундучок.

Когда Максим одевал ветровку, Афоня отвлёкся, чтобы сообщить очередную новость:

— Гляди-ка, сын Солженицына возглавит Сибирскую угольную энергетическую компанию. «Закончил Массачусетский технологический институт и Гарвард, в российском офисе McKinsey занимался вопросами электроэнергетики и тепла». Он в шахте-то хоть раз был?

Максим пожал плечами.

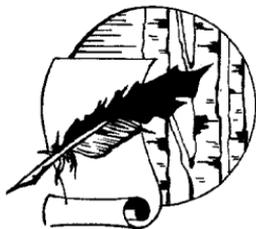
— Не зря папа воевал за демократию.

— Виктор Семенович, я отвезу фотку и вернусь.

— Давай.

Уходя, Максим успел услышать, как Афоня выругался, но это снова было куда крепче, чем «бурундучок». Наверно, он продолжал читать заметку о Солженицыне.

г. Калуга



Сагидаш ЗУЛКАРНАЕВА

СОЛОМКА СВЕТА

* * *

Полна луна, как барыня,
В моей душе — светлынь!
Пью чай, тепло заваренный,
Со вкусом лунных дынь.
В небесной бочке осени
Заквашены дожди.
Кругом — в ночи и просини
Листва, листы, лишь ты...

* * *

Напьюсь я всласть осенней сини,
Уйду в заречье через мост,
Где серебрит луна полыни
Под многоточьем ясных звёзд.
И по песку, как по наитью,
Придёт покой и благодать,
Чтоб я могла ковыльной нитью
На сердце рану залатать.

* * *

Не знаем, что будет — огонь или лёд,
Где выпадет крылья сложить.
А если бы знали мы всё наперёд,
Была б интересною жизнь?

Не ясно: какая заглохнет из троп,
Все выются и манят — пойдём!
Где дерево — лодка, где дерево — гроб,
Не видно в лесу молодом.

* * *

В квадрате ночи зреет пустота,
Свеча глотает горький чай печали.
Я для тебя, увы, совсем проста.
Нет ничего, лишь крылья за плечами.
Один мне путь — всей немотой стены
Молчать... пока не вызреет остуда.
...Когда срастутся ветви тишины,
Никто, ничем не сможет их распутать!

* * *

Канул февраль без остатка
В непроходимостях троп.
Ветер ложится с устатку
На ноздреватый сугроб.
Тихо, не скрипнет телега,
Ночь опустилась на дно.
Белые бабочки снега
Бьются и бьются в окно...

* * *

На местах начальники правят вкривь и вкось,
На дорогах «чайники» едут на авось.
Депутаты праздные вешают лапшу,
Молодёжь отвязная курит анашу.
Где борец за истины, за права людей,
Где идальго истовый, бравый лицедей,
Чью отвагу песнями славили певцы?
Дон Кихот на пенсии солит огурцы.

* * *

Смотрите-ка, небо пробито —
Упало на крыши и лес.
И черпают люди в корыто
Несметные звёзды небес.

Лукавые бесы лакают
Луны просочившийся свет,
Один лишь прореху латает —
Непризнанный небом поэт.

* * *

Кровь степная в жилах — степи от порога!
Сердцем принимаю соль и боль села.
Не сойти с дороги, если ты — дорога,
Не попасть под стрелы, если ты — стрела.
Мне не надо моря и не надо лета,
Здесь живу открыто, душу не тая.
И на кромке Света есть соломка света,
На которой можно твёрдо устоять!

* * *

В соломе света день сияет ныне,
Теплее молока вода в реке.
Пастух, хмельной от зноя и полыни,
Как тучу, гонит стадо вдалеке.
Под вечер жар вдоль берега спадает,
Духмяно пахнут травы на лугах.
Как зев печи, закат огнём пылает,
Несут коровы небо на рогах.

* * *

На все четыре стороны — простор!
Окину взглядом: всё полынь седая.
Порою здесь в безверье пропадаю,
Но я терплю, ветрам наперекор.
Вокруг меня задиры-петухи
Вновь дёргают мои цветные перья.
Одно перо не трогайте, тетери,
Которым я пишу свои стихи!

* * *

В моём краю нет края синеве,
Она собой деревья облекает,
И с неба в реку днём перетекает,
А ночью тихо ходит по траве.

И стоит только резкость навести
На синеву, как в ней увидишь Бога,
Ушедших всех и вечную дорогу,
Которую и нам не обойти.

* * *

Просто жить и не думать о смерти,
Просто верить всему вопреки,
Что дождей беспросветные плети
Унесутся с теченьем реки.
Просто помнить, что нам изначально
Бог даёт лишь на время весло —
Оттого так на сердце печально,
Оттого так на сердце светло...

* * *

Снова крылья чувствую подкожно,
За окно зовёт пернатый снег..
Улететь за ним на небо можно,
Но живым вернёшься лишь во сне.
Всё на свете бrenно и непрочно,
Есть концы у руны и струны.
Спит лишь вечно в черносливе ночи
Золотая косточка луны.

* * *

У бабы Мани всё, как встарь:
На кухне — книжкой календарь,
Портрет с прищуром Ильича
И борщ краснее кумача.
А во дворе кричит петух,
Слетает с неба белый пух.
Старушка хлеб в печи печёт,
И время мимо нас течёт.

* * *

Как в чёрной речке нету дна,
Так и в тебе мне нет опоры.
Ты от меня уедешь скоро,
И я останусь вновь одна.

Не оглянувшись, ты назад
Уйдёшь, а я поставлю точку.
И поцелую тихо дочку
В твои прекрасные глаза.

* * *

Бреду в бреду по выбритому лесу,
Листву в подножье остеклил ледок.
Когда-нибудь и я, как лист, исчезну...
Не торопи, Всевышний, мой итог.
Бездонно небо... Боже, мы... песчинки!..
Бела округа в светлой новизне.
Сидят на ветках стайками снежинки
И что-то там «снежечут» обо мне.

* * *

Неделю моросило беспрестанно,
Как будто дождь привязан был к земле.
Но наконец снежок пошёл на раны,
Забинтовал округу на заре.
Ни строчки на моей странице белой,
Который день сама с собой боюсь.
Качаю грусть в душевной колыбели
И выплеснуть на зимний лист боюсь.

* * *

— Неба мне отрежьте,
Вот вам медный грошик.
— Вам в полоску прежде,
В клетку иль горошек?
— Все полоски — рельсы,
А горошки — точки,
Лучше мне отрезать
В синенький цветочек.

* * *

Аукай — не аукай — нет аула.
И нет меня, лишь ветер на коне!
Я в диких снах степного саксаула
На небо вышла по земной струне.

Не окликай, плыву в вечерней лодке...
Мой лик ордынский выпила луна.
Стихи мои узнаешь по походке,
И это значит, я была нужна.

* * *

Летит снежок вселенским светом
На серый дом и мой порог.
Зовёт, зовёт транзитный ветер
Сойти с накатанных дорог.
Как дождь, переходящий в ливень,
Сорвусь! но стихну во дворе...
Который год нет чётких линий
В моей бальзаковской поре.

* * *

Всё не то и всё не так,
Мир стал сер и пуст.
Не лови меня, Рыбак —
Горькая на вкус.
Уплыву — махни рукой,
Отпусти навек.
Я — отравленный рекой,
Рыбочеловек.

* * *

Перед рассветом — час затишья,
До звона замолкает степь...
Как будто бес в потёмках рыщет,
Иль время разрывает цепь.
Чифирна ночь в степном бокале,
Луна молчит над головой.
Лишь небо с тучными боками,
Устало дышит над травой.

* * *

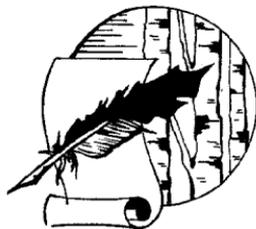
Я оденусь в шёлк июля,
Не зови меня — ушла.
Пусть молва летит, как пуля,
Зависть жалит, как пчела.

Над ручьём и над канавой,
Где скопился сельский сор,
Напрямик шагну я с правой,
Всем врагам наперекор,
Улыбнусь песочным сотам
Муравьиного вождя
И зонта дырявым сводом
Не закроюсь от дождя.
Прощевай, моя избушка,
Прощевай, моя земля!
Я свободна, как лягушка,
В чёрном клюве журавля.

* * *

Вот и настало небес полноводие,
Скрипом уключин наполнилась ночь.
Бряцает ветер пустыми поводьями.
К зорьке ускачет куда-нибудь прочь.
Время сменяет дожди на метелицу,
Вот и побелен годами висок.
И не заметишь, как жизнь переменится
С моря — на речку, а речка — в песок.
Домик закрою, пойду за околицу,
Далее, далее — ветер, встречай!
Всё, что ненужное, может, отколется,
И перемелются боль и печаль.
Душу остудит дорога звенящая,
Выйду на новый небесный виток.
Крылья расправлю и стану летящею,
Как под подошвой у Бога листок.

г. Новокуйбышевск Самарской обл.



Светлана ЛЕОНТЬЕВА

ЗРЯЧИЙ ГОЛОС

* * *

...И вот тогда мои прозрели пальцы!
Я так хотела выбраться из снов.
Как я смогла так крепко вмуроваться
в века иные, в камни городов?

В их всхлипы? Пеплы? Карфагены, Трои?
В дохристианстве песнь пою Эллад!
Ищу себя везде: где травяное,
древесное моё, моё речное?
Земля земель? Начало. Фразы Ноя
я перечитываю: как они звучат.

Как не шадят, как попадают в прорезь
высоких гор, впадая в Арарат.
Всё, что моё: предметы, вещи, пояс.
Прозрели руки! Зрячим стал мой голос.
Земля моя прозрела, дом, мой сад.

Раздвину камни. Из груди — все плачи
я вырву с корнем. С горлом — все слова.
А это значит: руки, сердце — зрячи.
Что я жива!

* * *

Постепенно, по капле входил бы мне в сердце рассвет,
города бы втекали твои, купола и мосты.
Да, я та, что ждала тебя множество, тысячи лет.
До себя. До рожденья. В ребре оставалась, где ты.

Мне казалось, я — то, что тебе было нужно сейчас.
И всегда. Помнишь, там,
на Волхонке Московской, есть храм?
Там такой золочёный, дубовый огромный Спас!
Мне казалось, и что ещё надобно, радостным, нам?

Мне казалось, казалось... Наивная, как ни крути.
Говорила — не слышал. Звонила — вне доступа. Вне
абонента и зон, и углов. Лишь полсвета в горсти,
но уже обосененно. Листья кружат в тишине.

Слишком много придумала. Слишком высок постамент,
на который сама же тебя вознесла без хлопот,
целовала стопы. Но один не учла я момент.
Я не та, я не та. Ну, а ты, мой единственный — тот!

* * *

...Вышиваю, вот нить, вот рисунок, вот пальцы.
Но вселенная крошится, бьётся, звеня.
Не довыносить мне тебя в снах радиаций,
как по Брайлю лишь воздуха трогать мне пальцем!
Ты был лучше бы всех, был бы лучше меня!

Только помню, там сквер был напротив больницы,
марлю, вату, пелёнки да Божьи десницы.
Я люблю тебя, сын, хоть ты не был рождён!
Этим злым, беспощадным был выжжен дождём
и врачебною глупостью. Но я кричала,
что всем Матьер младенцам с Христова начала.
Так себя ощущала я царственно, яро:
возрождала бы чревом младенцев чужих.
Их — убитых, сожжённых на поле ячменном,
на одесских голгофах, в плену фосфогенном.
А теперь лишь по Брайлю в ветрах костяных
я читаю послания — пишет мне космос,
апельсины, игрушки, дельфин, абрикосы.
У истории нет оправдания и
сослагательного наклонения. Рви,
хоть сама уревись в днях белёсых.

А сейчас мои пальцы слепые, как холод,
Я читаю наощупь... по Брайлю. День смолот.
И ничто не вернуть. Не скрепить оси спицей.
... Был бы лучшим из всех ты — биолог, филолог,
был романтиком иль игроком волейбола.
Мой любимый, родной... если бы смог родиться!

* * *

Да, ты мог бы принять меня снова такую, как есть:
с неудачным замужеством, выжатой словно лимон,
с маникюром не сделанным, а на колготках — вот здесь
снова стрелка. Ещё от мытарств вечный стресс,
и распухшей от слёз (прячу щёки я под капюшон)!
И обид — триллион.
Я же в прошлом году от тебя уходила зимой.
И бросала вослед слово-камень. И слово-металл.
Слово-ствол. Слово-нож. Но ты снова, ты снова со мной.
Ты меня
очень ждал.
И опять принимаешь с железною болью в груди
и со всеми надеждами, всеми оценками правд.
Свою руку кладёшь мне в ладонь. Обнимаешь: «Входи!»
Говоришь. Иль молчишь, говоря: «Был не прав...»

* * *

Не себя я пестую. За других, мне дышащих
строчками расстрельными в сердце, в солнце, грудь...
Надо же, случилось так, что поэты лишние,
мускулами, мышцами их четверостишия,
крепкими обросшие, потеряли суть.
Кто же?
Где же?
Как же вас, кто читает? Бабушки?
Два библиотекаря да ещё друзья
близкие, преблизкие! О, сиротство страждущих!
Мы, как вымирающий вид, что жил зазря.
Нет. Нужны мы, в общем-то, графоманам. Или же,
чтоб на дни рождения пару-тройку строк.
Это точно надобно. Это точно выживет.
Я — охранной грамоткой в янтареи исток
выживаю с мёртвыми, выпитыми, с пеплами
от мостов, крушений ли в аномальных снах.
Мной ружьё заряжено в первом акте, слеплено
слепотою Баховской, ею зрю впотьмах!
Крах! Осколки рифмами мне в ладони, гвозди ли?
Швах! И без поэзии кончится восход.
Коль ружьё заряжено, пулями ли, розами
в третьем акте выстрелит. Всё равно убьёт.

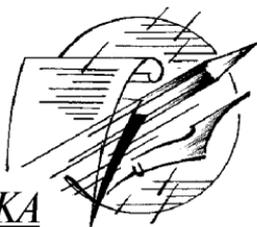
г. Нижний Новгород

Николай СОМИН,
кандидат физико-математических наук,
бакалавр теологии

КОММУНИЗМ, СОЦИАЛИЗМ И ЦЕРКОВЬ

Многим хорошо известна реплика о социализме, которую можно найти у Владимира Сергеевича Соловьева: «По этому поводу кто-то произнес известную остроту, что между христианством и социализмом в этом отношении только та маленькая разница, что христианство требует отдавать свое, а социализм требует брать чужое» («Чтения о богочеловечестве»). Трудно сказать, кто первоначальный автор этой мысли, но остротам она чрезвычайно понравилась, и до сих пор она часто повторяется. «Ах, как метко! Вот подлинная правда! Христианство и социализм — вещи совершенно противоположные!» Но если мы внимательно и беспристрастно на эту фразу посмотрим, то увидим, что в ней гораздо больше лжи, чем правды.

Начнем с конца: «социализм требует брать чужое». Прежде всего социализм не является единовременным актом присвоения. И уж тем более не по шариковскому принципу «отнять и поделить». Социалистическое производство — это процесс, в котором происходит как раз обратное: созидание прибавочного про-



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

дукта, который затем при посредстве государства возвращается населению через общественные фонды потребления. Что же касается осуществленной большевиками национализации, то она явилась следствием хорошо известного и множество раз доказанного факта: частная собственность на средства производства предоставляет огромные возможности для нетрудового присвоения. Не для всякого конкретного случая это так, но для крупного бизнеса действия большевиков были справедливыми. Тем более они были бы справедливы для нынешних олигархов, которые как раз реализовали лозунг «отнять и поделить» — отняли созданные огромными усилиями народа ценности и фактически присвоили их, поделив между собой.

Заметим, что полностью частную (точнее — личную) собственность социализм не отрицает — она необходима, чтобы создать вокруг человека определенный слой «своего», в котором человек чувствовал бы себя комфортно. Не иметь вообще ничего — подвиг, на который неспособно подавляющее большинство людей. Но ясно, что этот «слой комфорта» имеет вполне разумные, достаточно ограниченные пределы. Желание же выйти за эти пределы — неестественная страсть, делающая человека, по слову Златоуста, «свирепее зверя». Именно таково богатство, наживаемое удачливыми бизнесменами, умеющими виртуозно эксплуатировать наёмных рабочих. Недаром Прудон громогласно провозглашал «собственность есть кража». Ясно, что способ жизни, который основан на страстях, неизбежно приведет к катастрофе. Это со всей очевидностью и показал 30-летний постсоветский период, что при Ельцине, что при Путине. Этот период показал, что капитализм для России губителен, и что его скорейшая ликвидация — вопрос жизни и смерти.

Но и первая часть фразы — «христианство требует отдавать своё» — тоже подспудно содержит ложь. Конечно, отдать своё — высокая христианская заповедь. Так должен поступать настоящий христианин. Тут нет вопросов. Но это личная заповедь. А что касается заповеди социальной, то тут, как это ни парадоксально, Церковь определённо склоняется к капитализму, который, как уже было указано, действует наоборот — отбирает у тех, кто должен по праву владеть, и делит отобранное между элитой. Надеюсь, что всем христианам ясна противоположность христианства и капитализма. Капитализм — это гипертрофированное сребролюбие, причём настолько, что оно стало непреложным законом, захватило не только души, но и социальную жизнь на земле. В результате общество опутывает культ денег, эгоизм, корруп-

ция, воровство, несправедливость, предательство элит, обезьяноподобное бескультурье, страшный разврат, множество постыдных извращений. Недаром ап. Павел утверждает: «Сребролюбие — корень всех грехов». К сожалению, Церковь относится к капитализму вполне лояльно. Правда, в «Основах социальной концепции РПЦ», вышедших в 2000 г., была записана норма о том, что Церковь не имеет предпочтения ни к одному социальному строю. Но тяготение наших батюшек к частной собственности и капитализму было очень сильно. И поэтому документ мало им понравился, они его называли «тяжёлым». И неудивительно, что все последующие церковные документы (решения «Всемирных Русских народных соборов») фактически носили характер оправдания капитализма.

Так что за остроумной формой соловьёвского высказывания скрывается изрядная доля неправды. Но есть в нём и верное, такое, что раскрывает огромную разницу между коммунизмом и социализмом.

Конечно, подавать милостыню — подлинная христианская добродетель. Иоанн Златоуст восхищается милостыней и считает её самым легким способом прощения грехов. Но вместе с тем он отнюдь не считает её каким-то христианским идеалом. Нет, для него милостыня — не вечная добродетель (святитель говорит, что в Царстве Небесном её не будет), а земное средство хоть как-то облегчить жизнь ближних. Поэтому милостыня по Златоусту — не высшая добродетель, а скорее обязанность христианина. Это как бы нижняя граница христианской нравственности: кто не творит милостыню, тот не может называться христианином, ибо не любит ближнего.

Однако есть другая добродетель, которая гораздо выше милостыни — это христианское общежитие. Это как бы абсолютная милостыня, которая совершается всеми, всем и всегда, и потому добродетель вечная, которая перейдёт и в Царство Небесное. В Евангелии об этом говорится словами Христа: *«Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною»* (Мф. 19: 21). Часто «приходи и следуй за Мною» трактуют как абстрактную необходимость следовать Христу, но слово «приходи» ясно указывает, что Христос делает богатому юноше вполне конкретное предложение: войти в общину, сопровождающих Христа. Вот, оказывается, что такое христианское совершенство, вот какой идеал христианской социальности!

Но есть ещё более сильное свидетельство — Иерусалимская община, которую организовали апостолы сразу после

Вознесения. Нет сомнений, что они делали это по заветам Христа. Но вот что характерно — молитва и евхаристия в этой общине сочетаются со строгим коммунизмом. А если кто приходил в общину, но коммунизм соблюдать не собирался (Анания и Сапфира), того Господь наказывал очень строго — так высоко ставилось это «общение имуществ». Очевидно, что в общине следовавших со Христом принцип коммунизма тоже соблюдался. Ап. Иоанн даже указывал, что всеми деньгами общины заведовал Иуда Искариот.

Таким образом, высшим христианским социальным устроением Новый Завет считает общину исповедующую принцип обобществления имущества. Это и есть коммунизм. Причем предполагается, что реализация такого социального строя возможна только в условиях строгой добровольности, что, конечно же, требовало высочайшего нравственного уровня общинников. Именно это, а не материальное изобилие определяет коммунизм. Ибо из высокого духовного устройства обязательно следует определённый уровень аскетизма. Но ясно, что в большом масштабе на земле, где властвует князь мира сего, коммунистический идеал **реализован быть не может** — в большом коллективе всегда найдутся мелкие эгоистичные души жаждущие единолично чем-либо обладать и этим уже разрушающие принцип добровольности настоящего коммунизма.

И поэтому реализация коммунизма на земле возможна только в ограниченных сообществах. В Иерусалимской общине было около 5 тыс. душ, и, видимо, это предел коммунизма на этой падшей земле. В Крестовоздвиженской трудовой общине Н.Н. Неплюева было чуть более 500 чел., попытка же Неплюева создать подобные общины по всей России не осуществилась. Но если так, то что это означает? Почему, тем не менее, Господь призывает своих учеников исполнить завет общинной жизни? Потому что Он указывает на социальный идеал, к которому должны стремиться христиане. Это маяк, который указывает верное направление христианам в осуществлении общественного бытия. Этот идеал указан раз и навсегда Самим Иисусом Христом, и потому жалки постоянно предпринимаемые попытки его снизить, уничтожить, отвергнуть.

По сути дела, полноценный коммунизм в больших масштабах возможен только в Царстве Небесном, куда учреждён строгий отбор. Но на земле возможен иной социальный строй, хотя и менее высокий, но всё же сохраняющий направление на социальный идеал. Это социализм. Его суть в том, что общество, оставляя неприкосновенной личную (не принося-

шую дохода) собственность, сознательно запрещает частнособственнический принцип экономической деятельности общества. Обычно его формулируют как установление общественной собственности на средства производства — государственной или кооперативной; частная собственность (на средства производства) запрещена законодательно. И это хорошо. Мы уже говорили о том, к каким чудовищным следствиям приводит принцип свободы частной собственности. И оградить от них может только прямой запрет на причину этой вакханалии грехов — господство частной собственности. А обязательность запрета означает, что социализм может быть реализован и в больших сообществах.

Итак, если коммунизм основан на полной добровольности, причём общественный порядок обеспечивается высокой нравственностью, то социализм, соотносящийся с реалиями этого падшего мира, вынужден применять жесткий закон. Разница тут видна невооруженным глазом. Но история показала, что осуществление социализма, даже атеистического, позволило России стать могучим государством и воспитать несколько поколений советских людей, нравственно на порядок более высоких, чем выросших в последние тридцать лет в условиях капитализма.

Ложью является утверждение, что из социализма органически вытекает атеизм. Наш замечательный философ и богослов о. Сергей Булгаков убедительно доказал, что при неизменной экономической основе социализма возможны разные идеологии, приводящие к разным обществам, а именно: 1) атеистический (богоборческий) социализм; 2) социализм гуманистический и 3) православный (религиозный) социализм. Опять-таки наша Русская история показала, что и богоборческий социализм (двадцатые-тридцатые годы) и гуманистический социализм (правление Брежнева) так или иначе имели место. Одно это опровергает жёсткую привязку социализма и атеизма. Православный социализм пока не осуществился, но Булгаков утверждает, что он вполне возможен. И правда: христианский социализм был осуществлён в государстве иезуитов в Парагвае и просуществовал полтора столетия. Можно также указать на социализм, реализованный на Кубе, где социалистические принципы органично сочетались с христианством.

Вообще же Булгаков подчеркивал, что в основе социализма — именно религиозность, а не пресловутая «научность». Поэтому, продолжая мысль Булгакова, можно заключить, что нерелигиозные варианты социализма неустойчивы — они не имеют прочного основания. И только религиозный социа-

лизм, как базирующийся на вере в Бога, и потому Богом освящённый, строится «на камне». Отметим, что в богословии Булгаков начудил — его софиология не была принята богословами; но, думается, что в его социологических соображениях заключена немалая доля истины.

Начавшееся после контрреволюции 1991 года уничтожение России через реставрацию капитализма ясно показало, что это тупиковый, гибельный курс, и необходим возврат к социализму. Но теперь уже не к атеистическому социализму, показавшему свою непрочность, а социализму православному, суть которого заключается в двух главных положениях:

— социалистической экономике, и соответственно — поддерживающим такую экономику государстве;

— симфонии государства с Православной Церковью, что придаст устойчивость всему строю.

Важно отметить, что, ставя барьер мамоне, православный социализм не только сохраняет народ от множества грехов, но и открывает путь для развития братских, подлинно христианских отношений между людьми.

Симфония, кстати, требует от Церкви более глубокого осмысления социального поля, т.е. создания христианской социологии.

Однако идея православного социализма встречает холодный приём. Причём, не только среди нынешней элиты — там эта идея вообще не обсуждается, поскольку и Православие, и социализм совершенно противоречат её менталитету. Но резкие возражения имеют место и в церковной среде. Кстати, везде, где я говорю «Церковь», я имею в виду не Церковь, созданную Христом, а совокупность мнений, в нашей церковной среде преобладающих.

Зачастую произносятся грубые выпады: «сатанизм», «опаснейшая утопия», «призыв к социалистической революции», «святое святотатство», «эклектика» и пр. Невольно возникает подозрение, что некоторые считают православный социализм провокационной жидомасонской придумкой, а меня — троцкистом, в тайне добивающимся мирового господства. Разумеется, скатываться на столь плинтусовый уровень дискуссии я не собираюсь. Замечу только, что это мнение совершенно не соответствует действительности.

За отрицанием православного социализма, безусловно, стоит боязнь новых гонений на Церковь. Представить себе социализм, не связанный с богоборчеством и репрессиями, батюшки никак не могут. А уж связанный с Православием — тем более. И тут не помогают никакие аргументы, типа высказанных выше. А просто слышится ругань:

советская власть — это абсолютное зло; соответственно и злом является социализм.

Еще один излюбленный прием опорочить православный социализм — объявить, что он является попыткой построить рай на земле — мол, это «хилиазм». На самом деле, как показано выше, критики путают христианский коммунизм, который в большом масштабе **действительно на земле нереализуем**, и православный социализм — строй, при котором остаются и смерть и болезни и природные катаклизмы, и ограниченность ресурсов, и попытки врагов этот строй уничтожить — т.е. падшесть этого мира ничуть не исчезает. Но наиболее губительная причина социальных нестроений там потеряла силу, в результате чего человечеству легче проявить христианскую любовь и братскую солидарность. Ни на какое описание рая это не похоже.

Довольно часто противники православного социализма говорят о его утопичности — мол, переход к общественно ориентированной экономике наткнется на жёсткое сопротивление собственников, что спровоцирует в обществе массовое кровопролитие, и, следовательно, это «опаснейшая утопия». Дело в том, что глядя на чудовищное падение нравов и хаос в отношениях между народами, многие православные ждут скорого пришествия антихриста, а за ним и Второго пришествия. Безусловно, сие когда-нибудь совершится. Однако пророчествующие забывают, что о времени наступления этих событий никто не знает. И Господь специально предупреждает: *«О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один»* (Мф. 24: 36).

Человечество уже много раз в ужасе зарывало голову в песок, думая, что Второе пришествие вот-вот наступит. Но этого не происходило, и надо было жить дальше. И тут обнаруживалось, что зло расплодилось на земле, и что необходимо снова стать воинами Христовыми и снова сражаться на земле с силами зла. Мы не знаем, как повернётся история и сколько раз над злом ещё будет одержана победа, пусть и временная. Тогда, если человечество переживает тёмную полосу, то идея православного социализма и впрямь может показаться утопией, если её хотят непременно и срочно воплотить в жизнь (на самом деле и в такие периоды она может выполнять роль эталона, позволяющего верно оценить текущие социальные события). Но история нам показывает, что всё может в одночасье измениться: скажем, тяжелая война и последующий за нею период катарсиса. И если наступит такая светлая полоса, то идея православного социализма становится руководством к действию и вполне может быть реализована мирным путём.

Но, как думается, нужно докапываться до более глубоких причин неприятия православного социализма. Одной из них является явное желание Церкви быть независимой. Причем, прежде всего — независимой от государства и общества. На этом следует немного остановиться. Конечно, главная задача Церкви — спасение душ в вечности. Но в нашем мире это совершается не иначе как в социальной среде — «в миру», среде, которая сама активно воздействует на души. Поэтому насущная задача Церкви — по возможности эту среду преображать. Разумеется, делать это надо в союзе с государством, которое непосредственно занимается социумом. Но именно это у Церкви вызывает отторжение. В частности, батюшек вполне устраивает существующий закон об отделении Церкви от государства. Ибо она не хочет «ввязываться в политику», считая, что её дело — только службы и индивидуальная работа с верующими.

На самом деле эта тенденция существовала с давних пор. Можно вспомнить, что на рубеже XIX—XX веков у нас в церковной публицистике появилась масса стенаний по поводу «закабаления» Церкви государством. Хотя концепция симфонии Церкви и государства сформулирована еще в V в. св. императором Юстинианом. Суть этой концепции в том, что государство предоставляет охранительную помощь Церкви в ее существовании в этом греховном мире, а Церковь поддерживает государство идеологически и мистически, в результате чего государство начинает носить более устойчивый теократический характер. Иначе говоря, симфония направлена на создание и поддержку христианского общества. Но от этой важнейшей задачи Церковь отнекивается. И в случае православного социализма она просто подозревает коварную попытку поставить Церковь в зависимое положение.

Наконец, еще одна глубинная причина — проблема финансирования Церкви. При капитализме способ был найден: получать деньги от спонсоров — православных бизнесменов и биржевых игроков (иногда окормляя их религиозно). Сейчас большинство наших храмов (особенно в крупных городах) — на спонсорской игле. Причём Церковь считает этот способ удачным, ибо ее независимость не страдает: ведь спонсоры — частные лица. Но, увы, это иллюзия. Церковь стала зависимой от капитализма: и лично от спонсоров, и, самое страшное, — от идеологии капитализма. Поэтому сейчас от церковных деятелей мы практически не слышим критики капитализма. И поэтому неудивительно, что православный социализм, который вскрывает греховную суть капитализма, ею принят быть не может. Надо с сожалением

сказать, что заигрывание Церкви с капитализмом серьезно ухудшает имидж Церкви. Ведь большинство, тихо ненавидя капитализм, переносит это негативное отношение и на Церковь. В результате она постепенно теряет свой обретенный в 90-х годах статус совести общества.

Блокировка идей православного социализма очень негативно отражается на попытках нашей общественности выработать идеологию России, «русскую идею». Ибо, по сути дела, кроме православного социализма, другой идеи, которая смогла бы выявить весь потенциал русской цивилизации, не существует. Во всяком случае, все попытки сформулировать русскую идею не увенчались успехом, хотя наши патриоты-идеологи пыжались уже 30 лет. И стоит отметить, что за идею православного социализма высказывались не только мои соратники — православные социалисты: Андрей Костерин, Вячеслав Макарец, Александр Молотков, Анатолий Кирдяшкин, Диана Пиккиева (Ладога), но и такие известные (и, кстати, такие непохожие друг на друга) публицисты, как А. Казин, В. Семенов, А. Грунтовский, С. Глазьев, А. Хазин, В. Хатюшин, о. Александр Миняйло, пд. Владимир Василик, А. Проханов, В. Аверьянов, А. Курносков, Г. Чудинова, С. Абачиев, А. Степанов, А. Швечиков (прошу простить, если кого не назвал по забывчивости).

Идея православного социализма ухватывает самое главное в русской цивилизации — стремление понять Божию правду и реализовать её на земле в той мере, которую допускает падшая природа этого мира. И поэтому в ней отражены как истинная вера, так и справедливый социальный строй. Россия в своей истории подходила к православному социализму — сначала со стороны Православия, а затем со стороны социального строя. К сожалению, пока объединить эти две стороны Божией правды не удавалось. Но еще не вечер, конец времён еще не наступил и все возможности открыты.

Сейчас мир проходит тёмную полосу — полосу моральной деградации, засилья лжи и безнравственности. И в таких условиях православный социализм здесь и сейчас осуществлён быть не может, и, видимо, до лучших времён ждать ещё долго. Но мы имеем многочисленные пророчества святых о возрождении России. Безусловно, они сбудутся. И тогда наступит время православного социализма — Русь почувствует жизненную необходимость в его реализации.

РАССКАЗЫ

ВСТРЕЧА ПРИ ЗАГАДОЧНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

1

Я не знаю, как здесь оказалась. Просто вдруг обнаружила себя идущей по незнакомой улице большого города. Будто кто-то нажал на компьютере клавишу «Найти» — и я вдруг выплыла откуда-то из небытия. И проявлялась постепенно. Как на старой фотографии, помещённой в тёмной комнате в специальный раствор. И наконец материализовалась окончательно. Я даже не сразу заметила, что одета в белую холщовую рубаху. Хотя все вокруг были одеты по-зимнему. Да-да, была зима. Я искала свой дом. Свой родительский дом. Там жили мои родители и бабушка. А где-то рядом был мой дом. Я точно помнила! Я не знаю, с кем я там жила. Может быть, с мужем и детьми? Наверное. С мужем и детьми. Но где они? Почему я одна и куда иду? И почему мне совершенно незнакомо это место?

— Как называется эта улица? — спросила я у прохожего, но он прошёл мимо, даже не взглянув в мою сторону. — Как называется эта ули-



ПРОЗА

ца? — повторила я свой вопрос сидящим у дороги «людям с юга», которые, кажется, чем-то торговали. Они взглянули на меня с недоумением. Ясно ведь, что они не местные.

Я шла и шла. Мимо каких-то магазинов с дорогими витринами, мимо ресторанов, из которых доносилась музыка... Толпы людей кружились вокруг меня... Заходили, выходили, проходили... И тут кто-то взял меня сзади за локоть. Я обернулась. Это была моя сестра. Моя родная сестра. Я её сразу узнала. Мы давно уже жили в разных городах. Только пере-званивались изредка. Но я почему-то ничуть не удивилась, увидев её здесь.

— Какой это город? — спросила я.

— Москва, конечно.

— Как Москва? Мне нужен мой город. До него от Москвы километров сто на электричке ехать. Там мои родители, муж, дети...

— Нет у тебя никого, — с хорошо скрытым злорадством ответила она. — Муж давно тебя бросил.

— Как это бросил?.. Он мне ничего не говорил.

— Тебе не говорил, зато всем жаловался, как устал с тобой жить. Он сказал, что уходит от тебя — и больше никогда не вернётся. С тобой ведь невозможно. Ты кого хочешь доведёшь. Тебе ведь надо, чтобы всё было по-твоему. Ты его задавила. Он даже деньгами не распоряжался, которые сам всю жизнь и зарабатывал. Всем завладела ты. Ты лишила его права голоса... Он страдал и молчал. Ты думаешь, что ты его любила? Нет, это не любовь, это эгоизм, один сплошной эгоизм. Он ещё долго терпел. Ты вообще никого не любишь. Разве только себя...

Она жужжала и жужжала у моего уха, но я её уже почти не слышала. Я действительно вдруг ясно вспомнила, что мой муж, капитан дальнего плавания, ушёл в незапланированный рейс. Я его не хотела отпускать. Я устала ждать. Но он был непреклонен. Всю жизнь он уходил — а я ждала. А дети росли... Без него. Потому что его никогда не было рядом. И без меня. Потому что меня у них тоже не было. Я ведь ждала. А это было превыше всего. И что теперь? Значит, снова ждать? Впервые ждать его напрасно? И уже никогда не дожидаться?

2

Мы познакомились с ним случайно. Он был курсантом мореходки, а я студенткой универа. У каждого была своя жизнь. И мы бы, конечно, никогда с ним не встретились, если бы не его преподавательница по сопромату. Мама Балка. Так они её называли. Рассчитывали прочность этих са-

мых балок, а мама Балка их жалела и ставила им тройки. А ещё у неё была дочь на выданье, тоже студентка. Мама Балка считала своих курсантов завидными женихами. Ещё бы, они ведь без пяти минут капитаны. Закончат училище — и поведут свои пароходы в далёкие зарубежные страны. Вот она и устроила встречу девчонок с иняза со своими учениками. Она хотела, чтобы Миша выбрал её дочку. Но он выбрал меня. Вскоре я забеременела, а он ушёл в море. А я его ждала. А когда дождалась, уже нянчила нашу с ним дочку. Потом мы уехали на Крайний Север. Там у нас родился сын.

Я любила мужа до самозабвения. Просто трепетала, когда он ко мне приближался. Он поднимался по лестнице, а я уже считала его шаги. И страшно ревновала его ко всем и ко всему. На улице — ко всем прохожим девушкам, на которых он задерживал взгляд. На пароходе — ко всем тёткам, которые там работали. Дома — ко всем его друзьям, которые к нам приходили в гости. От этой проклятой ревности я так уставала и так раздражалась, что устраивала истерики на пустом месте. Порой я его ненавидела до умопомрачения. И однажды он не выдержал моей любви-ненависти и сказал:

— Всё. Мне это надоело. Я от тебя уйду!

— Нет! Нет! Нет! — заверещала я, упав на пол и ухватив его за громадный меховой унт.

Он не ушёл. А ночью мы помирились. Мы всегда с ним мирились ночью. Потому что ночью он был только мой. Это была страсть. Всепоглощающая, почти запретная страсть под покровом полярной тьмы.

Летом мы уехали в отпуск на материк, а он снова ушёл в море. В отпуске ждать его было легче. Мама занималась детьми, а я бездельничала и мечтала о встрече с ним. А он слал мне радиogramмы и клялся в вечной любви. А когда его пароход пришёл наконец в порт, я, оставив детей на попечение родителей, упорхнула к нему в Архангельск, где они не раз становились на ремонт. Он встретил меня с виноватым видом. И рассыпался в любезностях, уверяя, как сильно меня любит. Сердце моё сжалось от плохого предчувствия. Едва войдя в каюту, я сразу почувствовала присутствие женщины. Весь воздух был пропитан ею. На тумбочке лежали таблетки элениума. Он сказал, что абсолютно нечаянно встретил на улице свою бывшую. Она до сих пор его любит и очень страдает. И ему нужно было её успокоить и сказать окончательное «нет».

Ноги у меня подкосились. Я упала на пол и зажала рот руками, чтобы не закричать. Он метнулся за таблетками. Я

швырнула их в угол, а воду выплеснула ему в лицо. Он хотел погладить меня по голове. Руки у него дрожали.

— Не прикасайся ко мне! — сдавленным шёпотом закричала я. Всё-таки мы были не дома, а на пароходе. — Никогда, никогда больше ко мне не прикасайся! — меня душили рыдания. — Ты до сих пор любишь её... Ты хранишь её платок... Сейчас же выбрось его!

Он снова куда-то метнулся и побежал в туалет.

— Я выбросил его! Выбросил! В унитаз выбросил! — я услышала шум смываемый воды. — Только успокойся, пожалуйста!

— Уйди! Я тебя ненавижу!

Он вышел из каюты. Он, вообще-то, был на работе. Я не разговаривала с ним до самой ночи. Я ненавидела его до умопомрачения. Он ушёл на вахту, а я целый день писала ей письма, хотя понятия не имела, где она живёт. Мне смертельно хотелось узнать: было или нет? Я писала и рвала. Рвала и писала.

Ночью мы помирились.

— Любимый! — шептала я ему. — Любимый!..

3

Я машинально шла по улице и думала: за что же он так со мной? За что? Я ведь так любила его.

— Только маме не говори... — попросила я сестру. — Она расстроится, что он ушёл.

— Нет у тебя мамы. Она умерла... — жёстко сказала сестра.

— Как умерла? — потрясённо воскликнула я.

— Все умерли. И папа... И бабушка тоже... Никого у тебя больше нет...

— Но почему же я ничего этого не помню?

— Может быть, потому, что ты всегда была занята только собой, а до других тебе и дела не было?

— Неправда! Как ты можешь так говорить? Я всех любила...

— А ты подумай, — насмешливо сказала сестра и куда-то исчезла.

Я не могла думать. Мне стало так тошно, что я хотела уже прыгнуть под проходящий автобус. Но почему-то не прыгнула. А просто легла лицом вниз на ледяной тротуар и хотела умереть. Тут я как раз и заметила, что одета в какую-то белую холщовую рубаху, похожую на ту, которую приготовила себе «на смерть». Она лежит у меня в шкафу, и я иногда на неё натыкаюсь. Её привезла мне из Иерусалима подруга. Сказала, что окунула её в Иордан. И что в этой рубахе мне будет сподручнее идти к Богу. Что, мол, тогда Бог «меня узнает».

Но это, конечно, не та, это другая рубаха, раз я ещё жива. А я жива? Или уже нет?

Я изо всех сил вжалась в тротуар. Я смертельно хотела умереть. Мимо меня проходили люди. Много людей. Я видела только их ноги в тёплых сапогах и ботинках. Они мелькали у меня перед глазами туда-сюда, туда-сюда. И мне стало так обидно, что они проходят мимо меня, как будто меня вовсе здесь нет. «Что я, бомж какой-то, что ли, что они не хотят мне помочь?» — подумала я и встала. Но они обтекали меня со всех сторон, не замечая.

— Почему они мне не помогли? — с обидой набросилась я на вернувшуюся откуда-то сестру, кивая на прохожих.

— А разве ты сама никогда так же не проходила мимо тех, кому нужна была твоя помощь?

— Никогда! — горячо воскликнула я. — Я не такая жестокая, как они. Я очень милосердный человек. Я всегда помогала людям...

Сестра пристально посмотрела мне прямо в глаза и ничего не ответила. А я схватилась за голову. Потому что мой мозг будто взорвался от какого-то душераздирающего крика. Я сдвинула виски руками, не в силах вынести боль.

— Люди! Помогите! — кричала в нашем подъезде какая-то чужая девчонка. Я приникла к дверному «глазку». Никто не выбежал на помощь. Ни одна дверь не колыхнулась. Все, наверное, так же, как и я, стояли по ту сторону и смотрели в «глазок». Внизу хлопнула подъездная дверь. Я облегчённо вздохнула в надежде, что девчонке удалось убежать. «В наше время открывать двери небезопасно, — подумала я. — Откроешь — а тебе ножом в бок. Нет уж. Своя рубашка ближе к телу...»

Но это, конечно, экстремальный случай был, мысленно спохватилась я. А вообще-то я человек жалостливый. Мне всех жалко. Ночью, когда засыпаешь, так вдруг всех жалко станет, что слёзы просто ручьём льются. Нет-нет, я всегда всем помогаю, если попросят. Нищим всегда мелочь даю. Я не жадная. Или вещи какие старые — мне не жалко. Это уж нет, зря сестрица на меня наговаривает.

— Куда ты меня ведёшь? — сердито спросила я у неё.

— В приют, — сказала она. — Но сначала тебя покормлю.

— Зачем в приют? Не хочу я ни в какой приют, — заупрямилась я. — Что я, бомж, что ли?

Мы вошли в какую-то столовку с длинным столом. Я села с краю. Напротив меня сидел старый бомж. Он улыбнулся мне беззубым ртом, готовый к разговору. Я опустила голову. Мне не хотелось никого видеть. Сестра принесла мне тарел-

ку с невыносимо противной баландой. Меня чуть не стошнило. Есть совсем не хотелось. Я решительно отодвинула еду.

— Ну как хочешь, — сказала сестра. — Неизвестно, когда ты в следующий раз поешь... Сама-то ты не любишь, когда тебе не подчиняются...

— Расскажи мне про маму, — попросила я. — Она меня любила?

— А ты подумай, — ещё раз насмешливо ответила сестра.

4

С детства я никогда в себе не сомневалась. Я всё знала лучше всех и всё делала лучше всех. И вообще всегда была права. Родители души во мне не чаяли. И я принимала эту любовь как данность. А потом, когда сама стала взрослой, приезжала к ним королевой. Просто осчастливливала их своим приездом. И детей своих им привозила для их полного счастья. Да они просто от радости плакать должны были!

Они и плакали. Но не от радости.

Когда мама заболела, я пришла в больницу её проведать. И мы сидели с ней на скамейке в больничном дворе и о чём-то спорили. Я теперь уже не помню, в чём я была с ней не согласна и отчего так раздражалась. Помню только, как она положила мне голову на плечо и спросила:

— Ты меня любишь, доченька?

— При чём тут любишь или не любишь? — рассердилась я. — Вечно ты настроение испортишь. Конечно, люблю. Все дети любят своих родителей, а родители — своих детей. Мама опустила голову и ничего не ответила.

Может, я и не точно так тогда ей сказала, но что-то вроде этого. Но я точно на неё обиделась. Зло так подумала: «А сама-то ты любишь меня?» И так, помню, мне себя жалко стало, что хоть плачь. Что я в этой жизни видела? Учёба, дети, пелёнки, вечные разлуки с мужем... Кто меня-то пожалеет? Нет, подумала я, совсем не умеет мама любить. Только к себе любви требует.

Совсем другое дело — бабушка, мамина мама. Вот кто для людей живёт. Я тоже так хочю. Сначала нас вырастила, потом наших детей. И всё — нам. Всё — нам. И никакой любви вовсе не требует. Только на родителей всю жизнь за что-то обижаются. Даже комиссию один раз домой вызвала, чтобы рассказать, как ей плохо живётся. Что зять, мол, её отравить хочет. Ну, это она напрасно, конечно. Придумала тоже — отравить. Да он мухи не тронет. Но я всё равно с родителями поссорилась, что они бабушку обижают. Плохо это — оби-

жать её. А бабушка комиссию эту уговорила, чтобы её в дом престарелых оформили. А папа её туда везти отказался. И пришлось мне. Позориться. А бабушка недельку только в этом приюте пожила — и назад домой запросилась. И папа поехал — и её привёз.

Папа у нас — стена каменная. И живём мы за этой стеной припеваючи. Он всё для нас делает. Мы даже в магазин ходить обленились. Папа бежит в гараж за машиной — и возит нас, куда захотим. Даже когда страшной болезнью заболел и уже почти не ходил, всё нас возил. Ерунду какую-то сестра говорит, что я никого не любила. Как его было не любить-то? Я так плакала, когда он умер! Так плакала! Казалось, жить без него не смогу.

А бабушка-то без папы совсем ослабела. Придёт, бывало, ко мне, еле поднимется на четвёртый этаж — и сидит. Я ей супу, конечно, тарелку налью. Не жалко супу-то. Она посидит — и назад плетётся. Я двери ей открываю, спрашиваю: дойдёшь, мол, сама-то? А она только рукой махнёт: дойду, мол, не переживай. А потом снова в перила вцепится — и спускается потихоньку. Ну, я постою ещё у двери, конечно, посмотрю, как она идёт. А потом ещё домой позвоню: дошла, мол, старая? Нет, неправда это, что я эгоистка. Я очень милосердная. Мне всех жалко. Правда-правда.

— Почему в приют? У меня дети есть. И ещё внук, кажется... — вспомнила я, когда мы с сестрой подходили к какому-то двухэтажному бараку. Даже странно было, что есть ещё такие дома.

«Да, у меня точно внук есть, продолжала я размышлять. Взрослый уже. Я же его и вырастила, когда его отец с матерью разошлись. К себе его взяла. Чтобы хорошо воспитать. Мать его — она разве сможет так воспитать, как я? Что она вообще может? Ой, как он мать-то свою невлюбил... Да и отца тоже не жаловал. Предали они, говорил, меня. Но я не разрешала ему это произносить. Мать есть мать. Он обязан её любить. А отца уважать надо. А как же? Интересно, как же внук сейчас живёт?»

— Хорошо живёт. Зажиточно. И семья у него хорошая, — ответила на мои мысли сестра.

— А почему же он меня к себе не взял? Почему я бомжом стала при живых-то детях и внуках?

— Это уж тебе лучше знать, — ответила сестра, открывая двери в барак. — Посиди пока здесь, — кивнула она на скамейку во дворе. — Повспоминай свою жизнь... Может, на пользу тебе пойдёт...

Я сидела и вспоминала. Дочку вспомнила. Маленькую. Хорошенькая такая девочка. Играла во дворе, а я с работы шла, замотанная, сумками нагруженная. А дочка как кинется ко мне, обняла меня, радуется. А подружки её вокруг нас стоят, смотрят. Я её от себя отцепила и строго так спрашиваю:

— Ты уроки сделала?

А она отвечает весело:

— Нет, я тебя жду, мамочка...

А я как крикну на весь двор, подружки её даже вздрогнули:

— Немедленно домой! И за уроки садись!

Она голову опустила — и домой поплелась. А потом уже, когда выросла, рассказала мне, как они тогда с подружками поспорили, у кого мама самая добрая. А она лучше всех рассказывала, какая у неё необыкновенная мама, самая лучшая, самая добрейшая на свете... И они ей поверили... Тут я и появилась...

Нет. Я хорошо своих детей воспитывала. Этого уж у меня не отнимешь. А потом их жён, мужей, внуков... Всё ведь на мне. Я всю жизнь не для себя живу — для них. И воспитываю, воспитываю. Потому что они мне безразличны. А как же? Что я — соседей пойду воспитывать? Сын один раз не выдержал и выпалил:

— Мама, ты когда-нибудь замолчишь?

— Никогда! — гордо ответила я. — И не надейтесь! Воспитывала и буду воспитывать. Кто же вам ещё скажет, если не мать?

Чем больше я говорю, тем больше молчит сын. Я ему звоню:

— Сынок! Ты как?

— Нормально, — отвечает.

— А здоровье как?

— Нормально.

— А на работе?

— Нормально.

Иногда мне так хочется у него спросить:

— Ты меня любишь, сынок?

Но я не спрашиваю. Боюсь, что он промолчит.

Чем больше я говорю, тем больше говорит дочь.

— Ты кого-нибудь, кроме себя, любишь? — спрашивает она.

— А как же? Я всех люблю, — обижаюсь я. — Все родители любят своих детей, а дети — родителей. Как ты вообще можешь так говорить? Я же всё, всё для вас. Всё вам отдала. Из того, что было, конечно.

— Мама, а почему у Аньки есть такое красивое пальто, а у меня нет? — спросила она как-то меня, когда ещё подростком была. В эти самые 90-е, когда в магазинах ничего не было.

— Потому что её родители на рынке стоят... — с обидой ответила я. — Ты же не хочешь, чтобы я тоже там стояла?

И пришлось мне тогда пальто с себя снять — и доченьке отдать. А как же? Ради них ведь живу.

— Мама, опомнись, — говорила она мне позже. — Что ты творишь? Ты же всех под себя подмяла. Никого не пожалела. Посмотри, как мы теперь все несчастны... Даже папа не выдержал, бросил тебя всё-таки, хотя он и самый терпеливый из нас.

— Как ты можешь так говорить, доченька? Что я такого сделала? Я ради вас живу... Ты меня... любишь? — хочу я сказать дальше, но замолкаю. Вдруг она ответит:

— Ну вот, всё настроение испортила. При чём тут — любишь не любишь. Все дети любят своих родителей... А потом зло подумает: «Не умеет она любить, моя мама. Лучше бы меня пожалела. Что я видела в этой жизни хорошего? Молодость проходит...»

Сестра прерывает мои воспоминания. Она подходит ко мне и говорит:

— Пойдём. Нас уже ждут.

— Не пойду, — упираюсь я. — Не хочу я в приют. Почему ты меня не возьмёшь к себе?

Она усмехается и смотрит на меня долгим взглядом.

6

Несколько лет назад у сестры случилось горе. У неё умер муж. Я, конечно, тут же помчалась на вокзал. Я знала, что она не сможет жить одна. Я хотела забрать её к себе. Как вещь. Чтобы она ничего не чувствовала и молчала. Но она страдала. И не молчала. Оказалось, у неё на всё есть своё мнение, отличное от моего.

— В чужой монастырь со своим уставом не ходят, — увещевала я её. — Смирись под мою сестринскую руку. Я лучше тебя знаю, что тебе нужно. Будешь жить спокойно по моим правилам. Тебе будет у меня хорошо, если будешь слушаться.

Но она не хотела жить по моим меркам. Она привыкла жить, как ей хочется. И однажды она ушла в никуда, даже не попрощавшись.

— Неблагодарная! — вопила я. — Вот так и помогай людям — а они потом тебе в душу плюнут.

Мы не встречались с ней несколько лет. И вот теперь она вдруг появилась на улице и привела меня в этот приют.

— Пойдём, — повторила она. — Нас ждут.

— Не пойду, — продолжала я упрямыться. Но она крепко взяла меня под локоть и повела по лестнице на второй этаж.

— Куда мы идём? — спросила я.

— К психологу?

— К какому ещё психологу? Сроду не была ни у каких психологов.

— Здесь такой порядок. Ты же лучше меня знаешь, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, — усмехнулась она. — Ну, не трясись уже. Никто тебя тут не съест. Ты ведь столько лет в церковь на исповедь ходила. Считай, что это тоже исповедь.

— Да, двадцать лет уж в церковь хожу, — горделиво согласилась я. — Исповедуюсь. Я человек набожный.

— Исповедуешься, — сказала сестра, — а толку нет. Нисколько не меняешься.

— А что мне меняться? Чем я нехороша? Бога люблю. Людей тоже. Жертвую собой.

— Неужели? — ухмыльнулась сестра. — Только почему-то никто не замечает, как ты всех любишь.

— Ладно. Надоело уже. Всё недостатки во мне ищешь. На себя лучше посмотри, — огрызнулась я.

Мы вошли в кабинет. Он был похож на врачебный. Я в своей холщовой, почти «смертной» рубашке выглядела здесь вполне адекватно. За столом сидел пожилой человек. Он действительно был чем-то похож на батюшку. Наверное, седой окладистой бородой. Глаза под круглыми очками были внимательные. Даже очень. Он пронзительно посмотрел на меня и тихо сказал:

— Тебе надо будет ответить на вопрос анкеты. Только подумай. Главное — ответить честно.

— Я очень честный человек, — уверенно ответила я. — Я никогда не вру людям. Всегда говорю им правду в глаза.

— Тебе не надо будет ничего говорить людям, — сказал «психолог», — Тебе надо будет ответить на вопрос самой себе. Только — себе. Первый раз — самой себе. А главное — честно, — ещё раз повторил он, делая упор на слово «честно».

— Хорошо, — ответила я. — Давайте свою анкету.

Он протянул мне листок бумаги. На нём был написан только один вопрос. Очень лёгкий вопрос: «Что ты думаешь о самой себе?» Я могла бы ответить на него с ходу:

— Я добрая, милосердная и жертвенная. Мне всех жалко. Я всегда помогаю людям, которым нужна помощь. Я всех люблю.

Да, именно так я и ответила бы. Но здесь нужно было не говорить, а написать. И я задумалась. Всего на одну секунду задумалась под пристальным взглядом старика и взглядом сестры мне в затылок.

Мне почему-то вспомнилась подруга. Она умерла десять лет назад от рака. Совсем ещё молодой была. Она умирала, а я уезжала в отпуск. В кои-то веки мне путёвку дали. Не могла же я, в конце концов, от неё отказаться? Я ведь тоже больной человек. Я уехала, а на следующий день она умерла. И мне об этом сообщили по телефону.

«С чего это она вдруг мне вспомнилась?» — подумала я, подняв глаза от анкеты. И тут только заметила, что сижу будто напротив зеркала. И мне показалось, что там, в зеркале, мелькнула какая-то тень. Я вгляделась в изображение — и отшатнулась. Кажется, это была я. Но какая страшная! Я себя никогда такой не видела. Взгляд у меня был жёсткий, недобрый, губы крепко сжаты, а уголки сильно опущены вниз. И ни тени улыбки. Я совсем не знала себя такой! А ведь именно такой меня видят люди.

Я сидела в оцепенении, а передо мной мелькали в зеркале «кинокадры» моей жизни: мама... папа... бабушка... дети... внуки... сестра... подруга... муж... Муж... Мой капитан... На самом деле никогда он меня не бросал. И всё мне прощал. Потому что любит. Он уходил в море — а я его ждала. А год назад он сошёл на берег. И теперь мы с ним всегда вместе. Он мой — безраздельно.

Все прошли перед моим взором. Все любили меня. И молчали, боясь обидеть. И прощали. А я? Я оказалась совсем другой, чем в своём воображении. Мне неприятна была эта встреча с собой. Я себе — не понравилась. Я взяла ручку и написала:

«Я эгоистичная, недобрая, самолюбивая, надменная, немилосердная и гордая. И это — правда!»

Взгляд старика потеплел. Он взял мою анкету и положил её в стопку на столе.

— А заключение? — спросила я. — Какое будет заключение? Вы же доктор?

Он подал мне несколько листов бумаги. Но буквы расплывались у меня перед глазами — и я так и не смогла ничего прочитать. Но я почувствовала, что отзыв был положительный. Из-за этой единственной за всю жизнь правды о себе самой себе — положительный.

Мы с сестрой вышли из кабинета.

— Прощай! — сказала она. И исчезла так же неожиданно, как появилась.

Я растерянно стояла одна посреди больничного вида коридора, по бокам которого были закрытые двери. Мне показалось, что за одной из них я слышу голос мамы. Будто она зовёт меня. Или просто спрашивает:

— Ты меня любишь, доченька?

— Да! Да! Да! Я люблю тебя, мамочка! Очень-очень люблю! — закричала я.

И от этого крика — проснулась... И долго неподвижно лежала, глядя в потолок. Громко тикали на стене часы, безжалостно отсчитывая секунды продолжающейся жизни... Неужели всё ещё можно исправить? Неужели ещё есть время научиться любить?..

Я схватила с тумбочки мобильник и нажала кнопку:

— Доченька...

КРЕСТИК

Маша любит предотъездную суету, поэтому на вокзал всегда приезжает пораньше. Садится в кафе — и глазеет на спешащих людей, придумывая истории, куда они так спешат. Маша работает на телевидении в Питере, но мечтает стать писательницей.

Вот и в этот раз, купив кофе, она села за столик у стеклянной стены. Так, чтобы был лучший обзор. По ту сторону стекла стоял вокзальный бродяга. Плюгавенький мужичонка лет сорока пяти в поношенной, но, как ни странно, чистой одежде улыбался ей щербатой улыбкой. И непонятно было, то ли он действительно улыбается, то ли вот-вот заплачет. Маша хотела уже отвернуться, но бомж мигом метнулся к двери, проскочил мимо охранника и сел рядом с ней.

Теперь к нему метнулся охранник, чтобы взять его за шиворот и выкинуть отсюда. Из этого дорогого кафе, где собрались приличные люди. Бомж втянул голову в плечи, привычно ожидая затрещину, но продолжал сидеть, всем своим видом показывая этой молодой красавице, что он тоже человек и тоже имеет право сидеть здесь и пить кофе.

Не решившись сразу схватить его за шкирку, охранник спросил девушку:

— Вы знаете этого человека?

— Знаю... — кивнула она.

Бродяга удивлённо посмотрел на неё и победно взглянул на охранника.

— Жрать хочешь? — спросила Маша.

— Ну что вы, мадам... — покраснел он.

— Как тебя зовут? — улыбнулась Маша.

— Вася...

— А меня Маруся, — засмеялась она.

Маша купила ему пиво и какой-то салат, но пиво он только пригубил, а есть при ней вообще стеснялся.

— Давно с зоны? Маша безошибочно определяла, кто сидел. Будь он хоть как Ален Делон одет. А уж тут каждому было понятно, что человек из тюрьмы не выходит.

— Год уже здесь...

— На вокзале?

— Не-а... На вокзал я только ночевать прихожу... На ступеньках...

— А чё домой не поехал?

— Некуда ехать... Мамка от водки померла... А кому я нужен... — сказал он.

— Воруешь?

— Конечно, я же вор... — почти с гордостью ответил он. — Так и живу...

Маша хорошо знала, как он живёт. Несколько лет она уже работала в криминальных новостях и не раз делала передачи о бомжах. Всё пыталась донести до благополучного общества, что они такие же, как и все, люди, только у них в жизни что-то случилось, что может случиться с тобой завтра. Один раз, снимая передачу, она провела вечер в бомжатском подвале. Она пила с бродягами чай с каким-то мёдом с помойки, а когда уходила, они нагроузили её всякими помоечными подарками. И откуда-то она знала, что никакая зараза к ней не пристанет.

— Ты что, совсем сдурела? — встретил её на пороге квартиры муж. И отправил её обратно на помойку.

А однажды, после съёмок в питерской ночлежке, в которой, кажется, были собраны все на свете калеки, у неё появился друг, которого она навещала до самой его смерти. Умиравший от рака горла старик ждал её — как ждут только самых любимых. А когда она уходила, он бежал за ней и с трудом сипел в свою трубку, которая была у него вместо горла: «Я... тебя... люблю... Я... тебя... люблю...» А в трубке что-то клокотало, булькало и свистело. «Я... тебя ... люблю...» — сказал он ей в последнюю встречу и протянул бумажную иконку. Всё, что у него осталось в этой жизни...

Как-то она хотела усыновить одного из своих героев — 15-летнего подростка. Он не верил никому, но ей поверил. У него была красивая кличка — Ричард Львиное Сердце. Он был главарём подростковой банды, созданной по подобию нашумевшей киношной «Бригады». Ричард смотрел Маше прямо в глаза — и рассказывал, рассказывал ей про свою непутёвую жизнь.

На работе все плачут, когда её сюжеты смотрят. Спрашивают: «Как ты так можешь? Почему люди тебе всё про себя рассказывают?» А она только плечами пожимает. А как по-дру-

гому? Журналист — он всем ровня. С проститутками она — проститутка, с бомжами — бомж, со шпаной — шпана. Кстати говоря, гораздо труднее с «нормальными» людьми разговаривать, особенно из «приличного» общества. «Олигархи» вообще не понимают, чего это ты с ними на равных держишься. Кто ты вообще такая? У тебя что, есть «заводы и пароходы»? Этим Маше жальче всех, они думают, что за деньги могут всё...

...Муж тогда не разрешил Маше усыновить Ричарда. Сказал:

— Только через мой труп. Он уже не ребёнок, его не исправит. Его вот-вот посадят — и он уже никогда из тюрьмы не выйдет.

Так и случилось. Муж у неё умный. Если бы не он, Маша гораздо больше глупостей натворила бы. Потому что все в мире «обиженные и оскорблённые» видят её издали, надень она на себя хоть тысячу норковых шуб. Входишь в метро — и из другого конца вагона уже видишь эти несчастные глаза, и знаешь, что сейчас придётся кого-то провожать до дома, или дать денег, или просто поговорить.

Однажды Маша сказала, что когда состарится, пойдёт работать гардеробщицей.

— В гардеробщицы тебе нельзя, — серьёзно ответил муж.

— Это ещё почему? — удивилась она.

— Да потому что ты не по номеркам будешь одежду выдавать, а «по справедливости». Хорошим людям — хорошие полта, плохим — плохие.

Маша засмеялась, представив, как дорогое пальто знакомого «олигарха» она отдаёт какому-нибудь Васе, а Васину бомжацкую курточку — «олигарху».

Да если бы в одежде было дело... Душе вообще одежда не нужна. Хотя что на себя напяль. Иному всего на миг в глаза заглянешь — ой-ёй-ёй, убить человека ему что плюнуть. Приходилось ей и с такими сталкиваться. Одну из своих передач она начала словами: «Этого человека убили через 15 минут после нашего интервью». А дальше шёл рассказ про чёрных риелторов. Они находят в городе самых слабых, обманом увозят их в глушь, а там спаивают или уколами закалывают до смерти. А их квартиры продают. И ни слова о том, что они с оператором сами еле ноги оттуда унесли. Когда убийца, размахивая ножом, вбежал в дом, где они снимали, она сразу поняла, что им конец. От таких, как от бешеной собаки, нельзя бежать, нельзя в ответ кричать и руками махать.

— Как тебя зовут? — тихо, но твёрдо спросила она.

— Какое тебе дело, мать-перемать, как меня зовут...

— Меня зовут Маша, — ещё тише и ещё твёрже сказала она, наконец поймав его взгляд и с трудом удерживая его.

И убийца вдруг как-то обмяк, а Маша поняла, что теперь надо рвать когти, и как можно скорее...

У Васи взгляд совсем другой. Душа у него ещё живая.

— Объявляется посадка на поезд Москва—Петербург...

— Мой поезд, — сказала Маша. — Я отойду на минутку... Посторожишь вещи?

Она шла и хохотала. Пойти на вокзале в туалет, оставив вору сторожить вещи — ну, это уж слишком, Маруся... Она представила, как сейчас вернётся, а там ни Васи, ни её норковой шубки, ни чемодана...

Но Вася смиренно сидел на своём месте. «Хоть поел...» — отметила она, мельком взглянув на пустую тарелку. Она купила ему пачку сигарет.

— Я тебя провожу... — засуетился Вася, схватив чемодан.

Они шли по вокзалу, современная длинноногая девица в белой норковой шубке с модными рукавами до локтя, и тщедушный, едва ей до плеча, вокзальный бродяга. Они шли и о чём-то весело болтали, так что все оборачивались им вслед. Что-то неправильное было в этом. Параллельные миры не должны пересекаться.

Вася донёс чемодан до платформы и всё суетился и суетился вокруг Маши, то и дело похлопывая себя по карманам.

— Мне ведь подарить тебе нечего, Маруся... Подарить нечего... — сокрушённо бормотал он. И вдруг радостно улыбнулся, сорвал с шеи крестик — и сунул ей в руку:

— Бери, бери, Маруся, он серебряный... Не бойся... Не ворованный он... Мой крестик... Тебе на память...

Вася стоял на перроне и улыбался ей через стекло своей шерботой улыбкой. И непонятно было, то ли он действительно улыбается, то ли вот-вот заплачет. Поезд тронулся, а он побежал следом, махая ей рукой. А Маша всё стояла у окна, зажав в кулаке Васин крестик...

КУДА УЛЕТАЮТ БАБОЧКИ

Вчера я умерла. Всё боялась повиснуть на ком-нибудь из родных — взяла да и улетела. Надела свою смертную рубашку — и вперёд! Не ту, холшовую, которую несколько лет назад привезла мне из Иерусалима подруга, окунув её в Иордан, а новую, современную. Её подарила мне недавно приехавшая оттуда же другая подруга. Эта рубашка мне нравится даже больше. Она лёгкая и значительно короче. А на груди — картинка из библейского сюжета. Я в ней выгляжу моложе.

Теперь я живу на небе. Кажется, тут у всех свои комнаты. Я никого не вижу, просто знаю, что за стенами тоже кто-то живёт. То есть, конечно, уже не живёт, а просто — есть. Я не знаю, как там у них всё устроено, а у меня почему-то вместо неба — белый потолок. «Где же небо? — думаю я. — Может быть, оно где-то там, за потолком?»

Я по-прежнему сижу в своём розовом кресле — и ничего не делаю. Только думаю. Думаю... думаю... думаю... Время есть. Вечность. Телевизор беспрерывно жужжит и мелькает изда-лека картинками. Но слов не разобрать. И что там мельтешит — тоже непонятно. Зато перед самыми моими глазами светится экран компьютера. С фотографиями моей жизни. Вразброс. Вот здесь мне 60, а здесь — 5, а здесь — 30, а здесь снова 60. А я смотрю и думаю: «Зачем жила?..»

Иногда я встаю со своего кресла — и выплываю на лоджию. Кажется, где-то там, наверху, всё же есть настоящее небо. Но я его не вижу, а наблюдаю только то, что происходит за окном. За стеклом падают с клёнов жёлтые пятипалые листья. Или кружатся в хороводе крупные снежинки. Или колотит по стеклу надоедливый дождь. На небе ведь тоже идут дожди.

Но больше всего я люблю, когда ко мне в окно залетают большие разноцветные бабочки. Они порхают над моим креслом, а потом садятся на потолок и смотрят на меня. А я смотрю на них, разглядываю их расписные крылья. А потом встаю и легко поднимаюсь вверх, и летаю вместе с ними. И теперь смотрю с потолка вниз, на своё кресло. Там, внизу, оно казалось мне таким большим, тёплым, уютным. А отсюда, сверху, оно такое маленькое и невзрачное — это пустое, без меня, кресло. Я столько лет в нём просидела, когда ноги перестали мне подчиняться. А вокруг меня то и дело мельтешили люди. И смотрели на меня невидящими глазами. Может быть, они тоже видели кресло пустым? А может быть, наоборот, это я отталкивала их своим невидящим взглядом, а они, опустив глаза, вежливо проходили мимо, боясь меня потревожить? Так было вчера. Пока я не улетела на небо. А теперь мне хорошо парить тут с бабочками.

Когда они улетают — я долго смотрю им вслед. И кажется, чем они дальше, тем крупнее становятся. И крылья у них вовсе даже не разноцветные — а слепяще белые, так что становится даже больно глазам. Я возвращаюсь в комнату — и снова плавно опускаюсь в своё розовое кресло, чтобы думать. Куда улетают бабочки? Когда они на земле, они стремятся на небо. Но ведь здесь везде небо. Куда же они летят теперь? Выше неба?

На небе хорошо, думаю я. Здесь нет боли. Той самой, которая на земле постоянно саднит в сердце, будто там застряла заноза. Я вспоминаю, как там это сердце вдруг начинает бучать и тяжело ворочаться в груди в ответ на ночной звонок мобильного телефона. А к горлу подкатывает комок, так что становится трудно дышать.

— Да... — с трудом отвечаю я в ночную тьму — и душа моя разрывается от боли и сострадания. — Не плачь... — говорю я. — Оставь прошлое в прошлом. Живи сегодняшним днём. Учись радоваться жизни, тому хорошему, что в ней есть. Всё наладится. Всё будет хорошо! Верь!

Я говорю — а заноза всё глубже вонзается мне в сердце. И я чувствую, как из него начинает капать кровь. Куда она капает? И куда утекают беспрерывно бегущие по щекам слёзы?

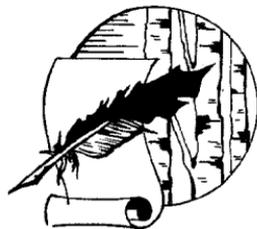
Теперь я знаю: они текут сюда, на небо. И я живу теперь среди этих переплетающихся друг с другом ручейков. Здесь они выглядят даже красиво. Я смотрю на них вниз, с лоджии, и удивляюсь, как много было пролито за жизнь крови и слёз. Для чего столько? Чтобы понять, как дорого стоит любовь? Я вижу, как эти мои ручейки сливаются с другими — и вот уже текут по небу целые реки любви. А где-то там, выше неба, они сливаются, наверное, в бесконечно-вечный океан кристально-чистой совершенной любви.

«Зачем жила?..» — привычно думаю я, глядя на очередную, мелькнувшую на экране компьютера фотографию из своей жизни. На небе так хорошо, снова думаю я, здесь нет боли. Боли за близких и совсем далёких тебе людей. Боли из-за несовершенства мира и несовершенства человеческой души. Здесь не надо страдать. Здесь — спокойно.

Зачем же тогда была нужна моя жизнь? Может быть, затем, чтобы пополнить этот океан, на берегу которого все мы мечтаем жить? Может быть, затем, чтобы уменьшилась боль тех, кто остался там, на земле? Ведь вот она, река людских страданий, течёт и течёт сюда ручейками крови и слёз. И не даёт мне покоя, и будоражит мою бессмертную душу, и не позволяет ей существовать бездумно-спокойно в своё удовольствие.

Я поднимаю голову вверх — и вместо потолка наконец-то вижу небо. Если везде небо, думаю я, то куда же теперь лететь? Я встаю с розового кресла — и устремляюсь туда, куда улетели бабочки. Всё выше и выше... На берег океана...

г. Александров Владимирской обл.



Светлана СУПРУНОВА

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПАРОДИИ

Стихи с запасом

Меня привёл в литературу
(Литературе про запас)
Мой верный конь, мой конь каурый
С не нашим именем — Пегас.
Сказал: «В анналы запишите.
Неровен час, когда умру..»
Надежда Мирошниченко

Всегда всё делаю с запасом —
Пишу стихи, пеку блины,
На всяк случай дружу с Пегасом,
С которым дружит полстраны.

Такое время: кто виновен,
Что прут в поэзию толпой?
Час неровён (или неровен?)
Помру бесславной и пустой.

Там, на горе, ветра слабеют,
Державин, Пушкин... Всех видать.
Я так боюсь, что не успеют
Меня в анналы записать.

Творить с запасом — труд немалый.
Зову коня, даю сигнал,
Но, оказалось, конь усталый
К кому-то там поковылял.

В любой работе много асов,
Но там, где страсти и слова,
Не напасть на всех Пегасов —
Мораль, пожалуй, такова.

Легко ль поэтовой жене

Я не умею рифмовать,
От рифм скрипит моя кровать...
Они спускаются ко мне —
Слова о солнце и о тьме,
О тёмных пятнах на луне
И о моей стране.

Иван Ерылёв

Ложусь в кровать в одних трусах,
Мне ритм почуять бы в стихах,
А не почую — не усну.
Ну как тут не привлечь жену!

Своё читаю до утра.
Как строчка дивная быстра!
Помедлю, и потом опять
Скрипит, скрипит моя кровать.

Заглянет солнышко в окно,
Жену, конечно, жалко, но
Как ни крути, а тут должна —
Не зря поэтова жена.

Опять твержу ей об одном:
«Голуба, выспишься потом,
Когда реально, без вранья,
Большим поэтом стану я».

Я и словарь купил давно,
Там всяких рифм полным-полно,
Всё просто так, как дважды два,
К примеру, «голова — халва».

Хожу-брожу как чумовой,
И всё же озарит порой:
Чтоб стать известным всей стране,
Чего-то не хватает мне.

Приобщение к искусству

Солнце жарит в настроенье глупом.
Показав смазливое лицо,
Выжигает на скамейке лупой
Школьник нехорошее словцо.
Полдень тонет в мареве, в подбое
Раскалённом, так прими в строку
Грешное, знакомое, любое
Это приобщенье к языку.

Андрей Новиков

Этот миг запомнился навеки:
Рыжий школьник, бросив пальтецо,
На скамейке у библиотеки
Выжигал знакомое словцо.

Не держал себя уже сутуло,
Я расправил плечи, осмелел.
Ветерком из юности подуло,
На скамейку эту я присел.

Взгляд мой становился всё победней,
На дымок поплёвывал я, дул,
И на третьей буковке, последней,
Облегчённо всё-таки вздохнул.

Дай-то бог терпенья и задора,
Я и сам, не знающий похвал,
Со скамейки, помню, и забора,
Приобщенье к музе начинал.

Вышел в люди: стать да шевелюра.
Да любимым строчкам несть числа!
Ах, ты, память! Эх ты, баба Нюра,
Знала б ты, кого тогда секла!

В камне

А может, я останусь навсегда
Солёным камнем: слушать песни моря.
И будет мне студёная вода
Подругой верной в радости и в горе.

И в оный день на мой замшелый бок
Присядет девушка с тоскою безголосой.
И будет, улыбаясь, гладить Бог
Прядь непокорную волос её белёсых.
Алексей Полубота

Сердóликом обратно ли прибыть,
Асбестом ли? — но вы меня храните.
Подумалось: не лучше ль в камне быть,
Ну, в мраморе, допустим, иль в граните?

Чтоб с высоты, уставший от трудов,
Я мог взирать на тихую аллею.
Стишок-другой и несколько хлопков —
И чувствую уже, что бронзовею.

Придут ко мне, запыхавшись в ходьбе,
Всё чтения и всё глагол зазорный,
А памятник любимому себе
Наверно, лучше, чем нерукотворный.

Увижу я, под тенью птичьих крыл,
Как на меня насмешливо кивают.
О если б кто макушку мне отмыл,
А то летают птицы и летают!

Дантесы тоже жаждут славы

Перевелись дантесы и мартиновы,
Умевшие смотреть в зрачок ствола.
Теперешние дети, сукинсыновы,
Нас бьют исподтишка из-за угла.
Евгений Банников

Увы, не стало к жизни интереса
И не осталось для меня вершин.
«Стрельни в меня! — я попросил Дантеса. —
На кой-те Пушкин, этот сукин сын?»

Зачем теряем время золотое?
Я так хочу (и это не секрет),
Чтоб секунданты, кровь, и всё такое,
Чтоб разлетелся слух: «Убит поэт...»

Представить результат совсем не сложно:
И всяк в слезах, и скорбь по всей стране...
Взгрустнул Дантес: «Стрельнуть, конечно, можно,
Ну а тогда кто вспомнит обо мне?»

Прозевали меня!..

Лидеры меняют моду в спорте,
Хоть того и не желают сами,
Кто вчера козлом скакал на корте —
Все ложатся навзничь на татами.
Встанут на коньки или на лыжи,
Лишь бы быть им к президенту ближе.
Вот бы Путин вышел к людям с книгой —
Ах, какая бы была интрига!..

Сергей Зубарев

Каратэ, хоккей — всего навалом,
Занимайся, пользуйся моментом.
Люди подражают генералам,
Люди подражают президентам.

Пусть не с караваем, не с ковригой
(Я в мечтах высоких розовею),
Вот бы Путин вышел к людям с книгой,
Да к тому же с книгою моею.

Слава покатила бы далёко,
Вижу, очарованный интригой:
От Анапы до Владивостока
Всяк пацан трясёт мою книгой.

Книжный дух заносится в маршрутку,
«Вы читали?» — спрашивают с краю.
Аннинский извёлся не на шутку:
«Почему такого я не знаю?».

Литсовет который день в печали,
И жюри интригою задето:
«Столько премий зря нараздавали,
Прозевали крупного поэта!»

А и правда! С книгою на встречу
Я ходил под Спасские ворота.
Не везло: у Путина, замечу,
То грибы, то рыба, то охота.

Называя женскими именами

Завесы разошлись от крика,
К стакану тянется рука.
Прощай, Россия-Анжелика,
Мария-Родина — пока!
Крепчает бормота-цикута
На доньшках немых чаш;
Поставь свечу, Сибирь-Анюта,
За образ уходящий наш.

Александр Хабаров

Когда стихи, когда новеллы
Усердно пишешь дотемна,
Как в тему рюмки Изабеллы
И Василиса — ветчина!

Нет, не пустяк закуска наша,
Такая скудная на вид,
С лучком селёdochка Наташа
На блюдецке розовом лежит.

Потом чудачества, затеи...
Увижу где-то вдалеке
Оазис сладкой Галатеи
И Галатею на песке.

Всё чушь, пирушка как пирушка,
Я потянусь на лунный свет.
Прощай, Матрёна-комнатушка,
Варвара-улица, привет!

И вот иду, расправил плечи,
В оазис сказочный хочу;
Калитку распахнув, «До встречи!» —
Канаве Глории кричу.

О пользе страданий

Куда торопишься, паук,
Куда бежишь?
Холодный снежный плен вокруг,
А ты — малыш.
О, как легко прервать твой бег,
Прихлопнуть жизнь,
Но я — незлобный человек.
Паук, держись!

Анна Токарева

Светла душою и легка,
Как мой же стих,
Я разглядела паука
У ног своих.
Переступила я и жду.
Тут воробей.
Кричу, предчувствуя беду:
«Беги скорей!»
Паук спешит. Царит январь.
Не ухожу,
Сочувственно на божью тварь
Пляжу, гляжу.
Так много мыслей, много дум,
Стою пока,
И Лао Цзы едет на ум:
Как жизнь хрупка.
Бывает, что один лишь путь,
А есть пути,
И как-то лень рукой махнуть,
Чтоб жизнь спасти.
Я так и знала, что тоска,
Душа болит —
Из клюва лапка паука
Уже торчит!
В саду стояла до утра,
И вот — апчхи!
Ах, настрадалась, и пора
Писать стихи.

г. Калининград

БИТВА ЗА РОССИЮ

В удручающе трагическом положении оказалась Россия после Первой мировой войны в результате октябрьского переворота 1917 года и чудовищной неразберихи последующих лет. Погруженная в хаос, она была ослаблена сериями подлых предательств со стороны собственных вельмож и недавних союзников. Великая держава, оставшаяся без попечения Царя-самодержца, изорванная изнутри интригами доморощенных якобинцев — прозападными политическими партиями, влачила действительно жалкое существование.

Возглавившее Россию Временное правительство окончательно завело страну в тупик. Как теперь совершенно очевидно, председатель Временного правительства А. Керенский, являясь масоном, в угоду Соединённым Штатам Америки, Франции и Англии умышленно разваливал руководящие звенья государства и Армии. Его усилия и были направлены на то, чтобы разрушенная Россия попала как трофей в руки именно этих стран через посредничество Льва Троцкого, их откровенного агента, гражданина США. Этот умелый и ловкий поли-



ДОСЬЕ "МГ"

тический интриган по планам Америки и Англии и должен был возглавить захваченную Россию после Керенского.

Но агрессоры не вполне учли, что на роль руководителя России Германией и её сателлитами давно уже готовился другой, не менее изощрённый игрок по имени Владимир Ленин.

Данный исторический очерк повествует о том, как на полях политических, боевых и террористических сражений столкнулись в битве за сказочно богатую страну — Россию — две страшные силы: Антанта — Соединённые Штаты Америки вкупе с Англией и Францией, с одной стороны, и Германия с Австрией и Турцией — с другой, как уничтожали друг друга в неправедных боях эти силы, как взаимно ненавидели друг друга.

И был этот бой зубодробительным, скуловыворачивающим, смертельным. Не мудрено, ведь добычей их должен был стать удивительно лакомый кусок — наша матушка-Россия.

Посвящение Владимира Ленина в верные прогерманские агенты произошло летом 1895 года. Тогда он, разуврившись в эффективности нарождающейся российской социал-демократии, шумно-бестолковой, крикливой и инертной, уехал в Германию и Швейцарию учиться уму-разуму у европейских революционеров. Плеханов встретил его тепло, много чего поведал и отправил обратно с чемоданом запрещённой в Российской империи литературы. Сразу после перехода границы молодого, необстрелянного конспиратора, естественно, арестовали и отправили в ссылку в село Шушенское.

Документально известно, что ещё во время контактов с Плехановым на Ленина вышел видный масон Виктор Адлер, человек банкиров Ротшильдов, крупный деятель австрийской и международной социал-демократии, ведающий кадровой работой на фланге российских революционеров. (Родственник Александра Керенского. Девичья фамилия его матери — Адлер.) Он-то и передал начинающего «карбонария» Ленина в руки изощрённого интригана, политика и бизнесмена, тайного осведомителя немецких спецслужб Александра Парвуса, бывшего одессита, которого в родном славном южном городе именовали от рождения Израилем Лазаревичем Гельфандом.

Парвус был дьявольски и разносторонне развитой личностью. Он успешно сочетал качества продвинутого коммерсанта, преуспел на этом поприще и был весьма и весьма богат. Кроме того, этот крупный телом человек был известен как яркий оратор, полемист и публицист. В круг его близких связей входили все руководители европейских социал-демок-

ратических обществ. Именно Парвус создавал и придавал системность русской партийной эмиграции.

Он люто ненавидел Россию. Был он известен ещё и тем, что значительная часть партийных денег, проходящих через его руки, таинственным образом куда-то улетучивалась. И все вокруг понимали: то таинственное место именуется карманами господина Парвуса. Все знали это, но помалкивали, потому как он был незаменим в качестве центральной консолидирующей фигуры европейской социал-демократии.

Влияние Парвуса на создание заграничного антироссийского блока левых партий и германского правительства, насыщение этого блока необходимыми финансовыми и другими материальными средствами на начальном этапе его зарождения было поистине безгранично. Оно и сыграло решающую роль в создании предреволюционной обстановки в России.

Весной 1915 года Гельфанд-Парвус направил в германское правительство свой меморандум с совершенно определёнными установками: *«Русская демократия может реализовать свои цели только посредством полного сокрушения царизма и расчленения России на малые государства. Германия со своей стороны не добьётся успеха, если не сумеет возбудить крупномасштабную революцию в Россию. Русская опасность будет, однако, существовать даже после войны до тех пор, пока русская империя не будет расколота на свои компоненты. Интересы германского правительства совпадают с интересами русских революционеров».*

К меморандуму прилагался план тайных мероприятий, который пришёлся по душе рейхсканцлеру Германии Теобальду фон Бетман-Гольвегу, министру иностранных дел Готлибу фон Ягову и самому кайзеру. МИД Германии в том же году выделил Парвусу 62 миллиона марок на реализацию этого плана.

Предложенные Парвусом мероприятия предполагали консолидацию всех антироссийских сил: большевиков, анархистов, меньшевиков, социалистов-революционеров в единый блок, который должен был управляться правительством Германии.

В швейцарском Циммервальде состоялась конференция с участием представителей всех этих партий. Задачей её являлось объединение антироссийских партий, выработка единой их стратегии.

Высокой эффективности деятельности Гельфанда-Парвуса в зарубежных эмигрантских кругах содействовало его сотрудничество с немецкими спецслужбами и контакты на са-

мом высоком уровне в правительстве Германии. Кроме того, Парвус состоял в масонской ложе «Иллюминаты» — родоначальнице понятий «мировая революция» и «перманентная революция», которые были впоследствии подхвачены и внедрялись как стратегические установки в международное революционное движение Львом Троцким, также участником данного масонского направления. В эту ложу Троцкого привёл именно Парвус. Впоследствии лозунг «перманентной революции» превратился в движущую силу вредоносной деятельности Троцкого в период пребывания на государственных постах в России. Он и приобрёл в истории наименование «троцкизм».

Теперь историография ленинских почитателей стыдливо повествует о якобы незначительной роли плутоватого Парвуса в становлении Ленина как крупнейшего революционера. Однако же надо сказать честно: никто на первоначальном этапе не оказал столь мощного воздействия на формирование его популярности и узнаваемости, кроме Гельфанда-Парвуса; никто, как он, не ввёл его в самые тайные, сокровенные закоулки эмигрантской жизни, не помог в обретении чрезвычайно полезных связей в спецслужбах Германии, в масонских и правительственных кругах, не снабдил финансами, не вывел на прямую дорогу с минимальными препятствиями и ошибками.

Ленин и Крупская на первом этапе жизни в Германии жили на даче Парвуса под Мюнхеном и в общении с ним нарабатывали много чего для себя полезного. По настоятельной просьбе германского правительства и при его поддержке Парвус оказал неоценимое содействие в деле обеспечения закордонной партийной жизни Ленина необходимыми финансами.

В 1915 году он под протекторатом Германии создал в Копенгагене коммерческое предприятие под названием «Торговая и экспортная компания, АО», в которую сопредседателем-акционером, с одновременным исполнением обязанностей управляющего компании, включил ближайшего сотрудника Ленина Якова Фюрстенберга (Якова Ганецкого). Фирма, опирающаяся на немецкий капитал, приносила колоссальные прибыли, так как в военных условиях проводила широкие торговые операции с ведущими европейскими государствами, участвующими в мировой войне: Россией, Германией, Данией, США, Турцией, Францией. Большие суммы, по согласованию с Германией, через Ганецкого (10 процентов) шли напрямик Ленину. Стоит сказать: Германия, принимая самое деятельное участие в этих сделках, заботи-

лась о том, чтобы их агент Ленин действительно зарабатывал при этом большие деньги, которые должны были пойти затем на развал Российской империи. Для этого создавались оптимальные условия.

Например, упоминая фирма Парвуса получила право торговли стратегическими товарами для реализации их на мировом рынке: оружием, никелем, вольфрамыстым железом, хромистым железом, электролитной медью, оловом, свинцом и т.д.

Известно: немецкий промышленник Стиннес по просьбе германского правительства выплатил через подставные банки Ленину два миллиона рублей на финансирование антигосударственной издательской деятельности в России. Часть этих сумм ушла в 1916 году на выпуск Максимом Горьким социал-демократической газеты «Новая жизнь».

О роли немецких денег, потраченных на расширение возможностей большевистской прессы, свидетельствует, например, письмо министра иностранных дел Германии фон Кюльмана немецкому Кайзеру от 3 декабря 1917 года:

«Только после того, как большевики получили от нас постоянный поток средств по различным каналам и под разными этикетками, они оказались в состоянии создать свой главный орган — «Правду», вести энергичную пропаганду и заметно расширить первоначально узкую базу своей партии».

Близкий человек Ленину, шведский финансист Олаф Ашберг к концу 1916 года превратился в непосредственного банкира большевиков, стокгольмский банк которого «Ниа-банкен» долгое время оставался основным проводником германских денег, питавших партийные структуры Ленина. Кроме него, в финансовых операциях в пользу Ленина участвовали и «Германский нефтепромышленный банк», банк «Дисконто-Гезельшафт», «Русско-Азиатский банк», банк «Гаранти-Траст», «Сибирский банк», «МакГрегорГрант», банкир из Гамбурга Макс Варбург и другие финансовые структуры, действовавшие под руководством германских чиновников.

В целом, глубоко законспирированная цепочка передачи немецких денег в Российскую империю для использования их структурами Ленина выглядела следующим образом:

— целевые финансы от германского правительства аккумулировались в акционерном банке «Дисконто-Гезельшафт»;

— оттуда на неких легальных основаниях направлялись в стокгольмский банк «Ниа-Банкен» Олафа Ашберга под видом платежа за поставленные товары;

— затем так же на финансово-казуистических, но резонных основаниях направлялись в «Петроградский Сибирский банк», которым пользовались большевики.

Посредниками в организации данных банковских операций выступали Александр Парвус (Гельфанд), Карл Фюрстенберг (Яков Ганецкий), его родственница Евгения Сумерсон, адвокат Мечислав Козловский — все сугубо доверенные лица Ленина. После октябрьского переворота Ленин назначил Козловского наркомом юстиции.

Ещё одним серьёзным каналом финансирования Ленина было организованное Парвусом и Ганецким под протекторатом Германии участие большевиков в сделках по продаже медикаментов (1914—1917 годы) с позиций Германии, в которых нуждались все воюющие стороны. Покупателем и пользователем этих медикаментов, естественно, оказалась, прежде всего, немецкая армия, т.е. противник России, но эта моральная сторона меньше всего волновала Ленина и большевиков. На этих сделках они заработали миллионы рублей, которые пошли на «раскрутку» ленинской партии и на разрушение Российской империи.

Постоянно участвуя в политической борьбе, начав обладать значительными финансовыми средствами, Ленин постепенно стал избавляться от услуг Парвуса. Его дурные наклонности (вороватость, безапелляционность, излишняя пронырливость и др.) раздражали Ленина, налагали негативный флёр и на него самого. Он хотел бы избавиться от его опеки, ставшей в конце концов уже не нужной. Наконец, такой случай представился.

Парвус, не изменяя своим привычкам, украл большую сумму у Максима Горького. Тот легкомысленно поручил ему забрать в издательстве гонорар за изданную за рубежом книгу «На дне» и передать Ленину. Парвус деньги получил, но прикарманил, за что и Горький, и Ленин крепко рассердились на Парвуса. После этого они с Парвусом старались больше никогда не встречаться, хотя тот очень к этому стремился.

Читателям может показаться странным и нелогичным то, что Парвус, находившийся потом в нерабочих отношениях с Лениным после их размолвки, тем не менее, продолжал какое-то время помогать группе Ленина и добывать для них деньги. Ситуация простая: он верой и правдой служил правительству Германии, которое считало Ленина верным своим агентом. Расставание с Лениным привело бы к расставанию и Парвуса с германским руководством и с германскими спецслужбами, на которые он работал, подорвало бы и коммерческие возможности Парвуса. А на такие жертвы он пойти не мог, так как всем этим чрезвычайно дорожил. С учётом этого Парвус не смог бы прекратить работу по содействию Ленину, даже если бы этого захотел.

Вся дальнейшая работа зарубежных революционных сил Российской империи проводилась уже под руководством самого Владимира Ленина. Все выделяемые и зарабатываемые денежные суммы проходили через него лично. В результате такой реорганизации финансовые дела русских революционеров упорядочились, подрывная работа в России активизировалась. В Копенгагене под руководством немецкого посольства был создан центр, координирующий финансовые операции антироссийских сил и распределяющий средства между ними. Были налажены каналы переправки денег революционным подпольщикам в Россию.

Созданная схема действовала затем следующим образом. Каналы финансирования проходили через нейтральные страны. Основной канал был организован через Швецию. От одного из главных финансистов Ленина Макса Варбурга деньги поступали в шведский «Ниа-банк», руководимый Олафом Ашбергом — другим финансистом Ленина. Оттуда при посредничестве большевиков Красина и Ганецкого переправлялись в российские банки. Всю схему финансовых махинаций курировал Шляпников, как и Красин, сугубо приближенный к Ленину человек, участник самых тайных ленинских операций.

Большевистские кружки в России начали регулярно получать немецкие деньги для выплаты зарплат партийцам, для организации «эксов», рабочих стачек, выпуска и распространения подпольной литературы...

Сам Ленин резко увеличил тираж своей швейцарской газеты «Социал-демократ», возросли тиражи переправляемых через границу листовок, выросла оплата агентам за распространяемые в Российской империи антиправительственные материалы, в разы выросло количество их распространителей...

Наиболее стабильные организованные Лениным денежные потоки пошли в Россию из Германии и Австрии через Румынию, где цензура действовала не столь жестко. Крупные суммы направлялись во Францию, в Париж, где начала издаваться большевистская газета «Наше слово». В ней стали печататься революционеры, составившие впоследствии костяк советского правительства: Ленин, Троцкий, Чичерин, Урицкий, Лозовский, Антонов-Овсеенко, Луначарский.

За оказанные услуги по организации финансирования большевистской партии, за личную преданность Ленин после Октябрьского переворота назначит Якоба Фюрстенберга-Ганецкого заместителем директора Центрального банка России. Но после смерти Ленина Иосиф Сталин, до деталей пред-

ставлявший роль Ганецкого в организации финансирования подрывной деятельности ленинских структур, распорядился расстрелять его, одного из последних свидетелей сделок большевиков с кайзеровской Германией, приведших, в том числе, и к большевистскому перевороту, и к Гражданской войне, и к поражению Российской империи в Первой мировой войне. Но и после переворота Ленин, возглавивший советское правительство, теснейшим образом вплоть до своей смерти сотрудничал с Германией.

Итак, в апреле 1917 года Владимир Ленин во главе группы из тридцати двух российских революционеров в закрытом, с наглухо сдвинутыми шторками вагоне арендованного в Швейцарии поезда пересёк несколько европейских границ и через Германию и Швецию прибыл в Петроград. При посредничестве того же Парвуса вся поездка была организована и профинансирована германским Генеральным штабом.

Целью заброски этой таинственной группы, а также и последующих «пассажиров», отправленных Германией в Российскую империю другими поездами, было, конечно же, только одно: как можно сильнее ослабить противника на последнем этапе войны и на максимальные сроки оттянуть военное поражение. Забрасываемая немцами агентура должна была подрывной работой окончательно разрушить слабеющую русскую армию, вывести Россию из войны и в дальнейшем обеспечить захват российских территорий.

Вся картина произошедших впоследствии событий убедительно показывает: поставленная немецкими военными кругами задача была Лениным успешно выполнена. Германия в дальнейшем весьма эффективно использовала Ленина и его правительство в своих целях. Одного только Брестского договора, заключённого между Россией и Германией 3 марта 1918 года, достаточно, чтобы осознать, насколько эффективны были мероприятия Германии как страны, победившей на тот момент Россию в войне, направленные на то, чтобы всемерно воспользоваться результатами этой победы.

В соответствии с этим договором российская сторона отдавала немцам Бессарабию, Эстонию, Латвию, Литву, огромные территории Беларуси, Украины, Польши, угольные, железорудные и нефтяные месторождения Кавказа... Практически весь запад России.

В последующий затем период германская сторона, испытывающая лимит времени, вследствие наступательных действий со стороны войск Антанты, тем не менее стремилась в полной мере использовать победное преимущество, не оста-

навливаясь перед лицом крупных финансовых затрат ради разграбления России.

Убедительно свидетельствует об этом, например, текст циничной, но вполне объективной служебной записки заместителя министра иностранных дел Германии адмирала фон Хинтца, направленной в военное ведомство, уже публиковавшейся в ряде источников. Вот некоторые выдержки из этой записки:

«Политично использовать большевиков до тех пор, пока они ещё что-то могут дать... Пока что мы не имеем оснований желать скорого конца большевикам, пока не надо стремиться организовать его. Большевики — крайне плохие и несимпатичные люди, но это не помешало нам навязать им Брест-Литовский мир и постепенно отнимать у них землю и людей ещё сверх того. Мы выбили из них что могли, наше стремление к победе требует, чтобы мы это продолжали, пока они ещё находятся у руля... Чего же мы хотим на Востоке? Военного паралича России. Его большевики обеспечивают лучше и основательнее, чем любая другая российская партия...»

«Неужели мы должны отказаться от плодов четырёхлетних боев и триумфов только для того, чтобы избавиться наконец от дурного привкуса, что мы использовали большевиков? Ведь мы делали вот что: мы не работали с ними, а эксплуатировали их. Это политично, и это политика».

Установившиеся отношения сразу же начали активно поддерживать и развивать деловые круги Германии, что также работало на авторитет большевистской власти, на ленинский авторитет. Посол России в Германии Иоффе регулярно сигнализирует в Москву: *«Директор Дойче-банка навещает нас часто...», «...Крупновский директор Брун созывает деятелей германской тяжёлой промышленности на встречу в Дюссельдорфе, чтобы обсудить проникновение английского и американского капиталов в Россию и то, как этому можно противостоять со стороны германского капитала».*

Иоффе сообщает: в начале июня в Германии принимается решение о создании синдиката, который хотел бы взаимодействовать с российскими транспортными предприятиями. Он сообщает также о натиске на российское посольство немецких банков, желающих первыми заключить выгодные контракты с Россией и разместить свои активы в различных её деловых сферах.

Ленин лично контролирует эти интеграционные процессы и всячески им содействует.

В письме от 14 августа 1918 года он сообщает послу в Швейцарии Берзину, через которого осуществляются финансовые манипуляции:

«...Берлинцы пришлют ещё денег. Если негодяи затянут дело, пожалуйста официально мне. Ваш Ленин».

Большие усилия и огромные финансовые издержки пришлось понести Германии, чтобы удержать у власти большевиков и самого Ленина. Эта ситуация хорошо прослеживается, например, из письма стат-секретаря германского правительства фон Кюльмана от 7 апреля 1918 года послу Германии в Москве Карлу Гельферигу:

«Используйте, пожалуйста, крупные суммы, поскольку мы чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы большевики выжили... Мы не заинтересованы в поддержке монархической идеи, которая воссоединит Россию. Наоборот, мы должны пытаться предотвратить консолидацию России, насколько это возможно. И с этой точки зрения мы должны поддерживать крайне левые партии».

Первый немецкий посол в Советской России, заступивший на этот пост в апреле 1918 года граф Вильгельм фон Мирбах-Гарфф уже в первом письме в германское министерство иностранных дел с тревогой сообщает о необходимости срочной передачи денег Ленину *«в связи с возможным креном интереса большевиков к Антанте»*. Мирбах считает: необходимы крупные финансовые вливания в Россию, чтобы удержать у власти правительство Ленина.

«При сильной конкуренции Антанты, — сообщает он, — требуется около 3 000 000 марок в месяц».

В Германии Мирбаха поддержал стат-секретарь Министерства иностранных дел фон Кюльман. В письме руководителю германского Казначейства графу Редерну он с тревогой пишет:

«Пока что удалось удержать большевиков от перехода в фарватер Антанты. Но каждый день может принести новые неожиданности. Эсеры полностью отделись Антанте, и она пытается подорвать власть большевиков с помощью чехословацких батальонов... Возможно, что дело дойдёт до свержения большевиков... Мы должны будем пытаться сделать всё возможное, чтобы уберечь большевиков от иной ориентации. Это стоит денег, возможно, больших денег».

Граф Мирбах сообщил, что ему теперь потребуется для расходов в этом отношении 3 миллиона марок в месяц. Следует, однако, предположить, что в случае переворота при определённых условиях потребуется вдвое больше.

...Поэтому необходимо, чтобы секретарь Казначейства Рейха предоставил в распоряжение новый фонд. Его при вышеизложенных условиях нельзя оценивать цифрой ниже 40 миллионов».

Берлин, 5 июня 1918 года».

Тема противодействия Антанте была слишком актуальна для Германии, поэтому в срочном порядке, уже 11 июня граф Редерн даёт положительный ответ о выделении денег правительству Ленина:

«Его Превосходительству господину статс-секретарю Министрства иностранных дел д-ру фон Кюльману

Лично

Дорогой Кюльман!

На Ваше письмо, которым Вы мне присылаете запись относительно России, я заявляю о своей готовности согласиться с заявкой, представленной без указания оснований, о выделении 40 млн. марок на цели, о которых идёт речь.

Граф Редерн».

26 июня посол Германии в России граф Мирбах получает под № 430 уведомление об исполнении его просьбы:

«Запрошенная месячная сумма предоставляется... Прошу в особенности противодействовать влиянию Антанты всеми способами... Кюльман».

Данные документы убедительно показывают: как до, так и после октябрьского переворота большевистская власть в России во главе с Владимиром Лениным установила прочное финансовое, деловое и политическое сотрудничество с кайзеровской Германией. Из приведённых материалов ясно видно и то, что на всех этапах взаимодействия с Россией немецкая сторона находилась в жёстком противоборстве с финансовым и политическим влиянием Англии и Соединённых Штатов Америки, которые с не меньшим хищническим упорством стремились завладеть национальными богатствами нашей страны и пытались одолеть Германию в битве за Россию, чтобы иметь приоритетное право беспрепятственно её грабить. Ожесточённая, как правило, тайная битва эта, начавшаяся в послереволюционный период, продолжалась то с возрастающим, то слегка затухающим упорством как внутри, так и за пределами нашей страны, вплоть до начала Второй мировой войны. Потом она переросла в открытую фазу и закончилась окончательным поражением Германии.

Итак, очевидно: в рассматриваемый нами период Россия, ослабленная разрушительной внутренней борьбой, не смогла противостоять боевым действиям войск кайзеровской Германии и потерпела военное поражение. Весь этот период Германия безраздельно властвовала как на военном, так и на политическом поле и диктовала России свои условия. В результате наша страна понесла огромные материальные потери.

Было бы странно и нелогично, если бы страны, бывшие в войне союзниками России (Америка, Англия и Франция),

не воспользовались этой выгодной для них ситуацией. На их глазах с геополитической сцены уходили совсем недавно великие империи — Российская, Германская и Австро-Венгерская, из года в год бывшие соперниками для США и Великобритании в экономических и политических войнах. Ведь на полях только что прошедших великих битв всегда можно хорошо пожить. Это давняя, верная привычка всех мародёров.

И Соединённые Штаты вместе с Англией ринулись грабить недавнего союзника — Российскую империю. Но на начальном этапе им сильно мешала на пути этих устремлений Германия, подписавшая с Россией мирный договор. Эту помеху надо было устранить.

С этого момента начинается смертельная схватка этих стран с Германией за пока что не разграбленные национальные богатства России.

Мы помним: у Германии был давно завербованный агент — Владимир Ленин, который служил немцам верой и правдой, даже отстоял навязанный России катастрофический для неё Брестский договор. У Антанты агента такого уровня на первых порах не было. Она искала его, и она его получила.

Так вышло: именно в рассматриваемый нами период в Америке оказался Лев Давидович Троцкий собственной персоной. В начале 1917 года он за революционную, антииспанскую деятельность был выслан из Испании и переехал с семьёй в США.

В этой стране он был приветливо встречен публикой, т.к. там проживали его многие родственники, например, родной дядя — брат матери — Абрам Животовский, один из крупных американских банкиров. Он помог племяннику вписаться в деловые, политические и государственные круги Америки. Троцкий начал работать в популярной американской, в том числе еврейской прессе (газета «Форверст»), стал активно заводить новые связи.

Немудрено: с самого начала пребывания в Америке на него обратили внимание политические круги этой страны, предполагавшие получить выгоды от происходящих в России разрушительных процессов. Проведённая спецслужбами работа по изучению личности Троцкого показала — на него можно положиться как на человека, способного к самым серьёзным политическим и провокационным действиям. Было принято решение о направлении его в этих целях в Россию.

Анализ той ситуации показывает: на Льва Троцкого правительственными кругами Америки были возложены задачи по созданию условий для государственного переворота в Рос-

сийской империи, последующего внедрения в органы управления страной и созданию для США оптимальных условий грабежа национальных российских богатств. Инструктаж Троцкого проводил лично президент Америки Вильсон, который вручил ему американский паспорт. Так Лев Троцкий стал гражданином США.

27 марта 1917 года он на пароходе «Христианиа-Фиорд» вместе с семьёй и группой подготовленных американской стороной эмигрантов из Российской империи отбыл через Норвегию в нашу страну.

Имеются интересные документы, которые свидетельствуют: на Льва Троцкого американская сторона возлагала самые широкие и чрезвычайно важные задачи, вплоть до перехвата власти в стране и работе впоследствии на Соединённые Штаты. Основанием для подобных устремлений являлось то, что возглавлявший Временное правительство России Александр Керенский был внедрён на этот пост американскими масонскими кругами и по завершении полномочий должен был передать нити управления Россией именно Троцкому. Именно поэтому сам президент Америки оказал такие почести Льву Давидовичу, лично вручив ему американский паспорт и снабдив большой суммой денег. Следовавший на том же пароходе в Россию широко информированный посланник США в Германии Уильям Додд утверждал позднее: его близкая связь — председатель финансового комитета Демократической партии США Чарльз Крейн, друг и сторонник президента Америки Вудро Вильсона, *«много сделал, чтобы вызвать революцию Керенского, которая уступила дорогу коммунизму»*. Ясно: под *«коммунизмом»* здесь подразумевается демоническая фигура Льва Давидовича Троцкого.

4 мая 1917 года Троцкий пересёк на поезде российско-финскую границу (напомним, что к этому времени Финляндия, в соответствии с Брестскими договорённостями, уже не являлась частью России) и прибыл на станцию Белоостров. Вместе со встретившей его делегацией от Петроградского Петросовета он прямо со станции отправился на его заседание. И там сразу же стал членом этой организации с совещательным голосом — депутаты помнили: именно Троцкий создавал Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов ещё в 1905 году. Так начался стремительный взлет Троцкого в российских властных кругах

С этого момента началось то затухающее, то вновь ярко возгорающее противостояние Ленина и Троцкого как крупнейших международных агентов, представителей враждующих государств — Германии и Америки, схватившихся в

смертельной схватке на территории России. Как всем известно, ни тот, ни другой не вышли живыми из пламени этой схватки, погибли оба.

Троцкому не повезло с соперником: он вступил в борьбу за власть с абсолютно циничным противником, не церемонящимся в выборе средств при достижении поставленной цели — с Владимиром Лениным. Поэтому именно он, а не Троцкий правдами и не правдами вырвал право возглавить первое советское правительство — Совет Народных Комиссаров и, хотя в некоторых случаях формально, но полномочно возглавлять страну. В этом Ленину, в первую очередь, способствовало то, что на протяжении продолжительного времени он писал статьи, в которых разъяснялась его политика и которые широко распространялись агитаторами в массах. Троцкий столь широкую работу по пропаганде своих идей не проводил. Имя Ленина поэтому было более известно русскому населению, чем имя Льва Давидовича.

Естественно, Лев Троцкий, в стремлении выполнить задачи, поставленные американскими спонсорами, предпринимал усилия для победы над политическим соперником. Однако в прямой, лобовой политической борьбе против Ленина у него для победы было крайне мало шансов: «*вождь пролетариата*» в короткий срок сумел сформировать вокруг себя довольно сильную и сплочённую группу единоверцев-партийцев, с которой сторонникам Троцкого было очень сложно справиться в идейных схватках. Сам он оказался в проигрышной ситуации и был не в силах выполнить задачу своих американских руководителей по нейтрализации Ленина как агента Германии и созданию для Соединённых Штатов оптимальных условий для разграбления России.

Полагаю, что именно тогда, в начале 1918 года, у ленинской оппозиции, руководимой из-за океана, возникли планы по физическому устранению Ленина с политического поля.

Первое покушение на него было совершено 1 января 1918 года. В этот день Ленин выступал в Михайловском манеже перед солдатами, уезжавшими на фронт. В районе Семиониевского моста через Фонтанку в него стреляли подряд 12 человек. Автомобиль был изрешечен пулями, однако Владимир Ильич не пострадал. Понятно: собрать столько террористов одновременно для выполнения боевой задачи могла лишь армейская или правоохранительная структура. Напомним — военным ведомством на тот период руководил Троцкий, а Всероссийской Чрезвычайной Комиссией — его сподвижник и единомышленник — Феликс Дзержинский. Стрелявших задержать не удалось. Да и как их можно было найти,

если организаторами поиска были люди Феликса Эдмундовича, отнюдь не заинтересованного в реальных результатах?

Случались и другие острые моменты, когда по автомобилю, в котором проезжал Ленин, из укрытых мест открывалась револьверная стрельба. Однако имена стрелявших остались неизвестными. Таких случаев было несколько.

Острейшая, изощрённая провокация против Ленина и России была организована 6 июля 1918 года. Она имела целью подорвать потенциал всей страны, привести её к военной и экономической разрухе и, тем самым, устранить Ленина как её руководителя. Одновременно тяжёлый удар наносился и по уцелевшим после Мировой войны остаткам военной, политической и экономической мощи Германии.

В этот день в Москве в возрасте 47 лет был убит германский посол в России граф Вильгельм Мария Теодор Эрнст Ричард фон Мирбах-Гарфф в московском просторечии обыкновенно именуемый — посол Мирбах. Это был представитель одного из самых богатых и знатных дворянских родов Германии, издревле подчинявших Прибалтику и насаждавших в ней прогерманские порядки. Он входил в высшую элиту Германии.

В России посол установил прямой контакт с первыми лицами советского правительства, включая самого Ленина, и успешно выполнял чрезвычайно важные для Германии функции, демонстрируя при этом реально дружеское отношение к России и её руководству:

— контролировал реализацию с советской стороны условий Брестского договора, выполнение взятых Россией перед Германией обязательств. В то же время, осознавая бедственное положение России, влиял на собственное правительство в вопросах оказания ей финансовой помощи. В результате чего имел в американских кругах презрительную кличку «*Денежный посол*»;

— осуществлял мониторинг политических настроений советского руководства, военных кругов и элиты по отношению к Германии с целью своевременного реагирования на возникающие острые моменты;

— отслеживал ситуацию в стране с задачей не допустить очередного возникновения восточного фронта и не втянуть Германию в новую войну.

Посол фон Мирбах работал весьма и весьма эффективно и, тем самым, мешал Антанте и Соединённым Штатам в их антироссийской экспансии, его усилия тяжело отражались на результатах деятельности американской агентуры. Это и предопределило его судьбу.

Террористический акт совершили два верных «солдата» Льва Троцкого и Феликса Дзержинского — сотрудники ВЧК Яков Блюмкин, начальник контрразведывательного отдела и фотограф-чекист Николай Андреев. Под заинтересовавшим Мирбаха предложением (нахождение в русском плену племянника графа и проявление заботы по отношению к нему) они были допущены в здание посольства и убили самого посла. После чего под покровительством Дзержинского оба бежали на Украину. Безусловно, террористы-чекисты были заочно якобы приговорены к смертной казни, однако вскоре Яков Блюмкин был назначен руководителем секретариата и начальником охраны Троцкого и долго работал в этом качестве. В 1929 году за тайные встречи и переговоры с находившимся в опале у Сталина Львом Троцким Блюмкин был расстрелян. Перед смертью он выкрикнул: *«Да здравствует вождь мирового пролетариата Лев Давидович Троцкий!»*

Провокация эта, как теперь вполне очевидно, была до деталей продумана прозападными единомышленниками — Троцким, Свердловым и Дзержинским и имела несколько перспективных вариантов развития, которые, по их стратегическим замыслам, должны были привести к нейтрализации Ленина и созданию благоприятной геополитической ситуации для Америки. На практике всё произошло несколько иначе.

1. Брестский мирный договор между Германией и Россией, подписанный в начале 1918 года, хотя и был во всех отношениях *«похабным»*, не до конца уничтожил люто ненавидимые Америкой страны — Россию и Германию. По замыслу американских прагматиков, начатый процесс ликвидации этих государств, как соперников Соединённых Штатов, должен был быть закончен. Тем не менее, они неожиданно для Антанты и Америки прекратили войну между собой, хотя этому, как только мог, противостоял представитель Америки Лев Троцкий, участвовавший в переговорах.

2. С точки зрения организаторов теракта, коварное убийство столь видного дипломата не могло не привести к возобновлению и эскалации старого конфликта, новой войне, в которой обе страны должны были погибнуть. По логике так и должно было произойти, но и Россия, и Германия выдохлись в тяжелейшей, изнурительной Первой мировой войне, обе стояли на краю экономического коллапса. Общим странам было не до войны. Тем более Германия уже начала получать ощутимые, назначенные Брестским соглашением дивиденды как победитель России.

3. Известная военная мудрость гласит: после кровавой битвы на поле боя приходят мародёры и делят лёгкую добычу. В случае полного взаимного разгрома и окончательной гибели России и Германии они бы стали лёгкой добычей Америки — к этому их готовил заброшенный в Россию диверсант, гражданин Соединённых Штатов — Лев Давидович Троцкий. Задача эта во многом была реализована, и Соединённые Штаты впоследствии с лихвой воспользовались бедственным положением России, вынужденной в тяжелейших условиях восстанавливать свой потенциал. Однако многих стратегических целей Америка не достигла.

4. Представляется очевидным: если бы задуманная схема сработала и произошла бы новая война между Германией и Россией, то для Троцкого и его людей была бы решена задача по устранению Ленина как политического соперника. В любом случае — живой или мёртвый, Владимир Ильич прекратил бы деятельность как руководитель страны. Как можно руководить тем, чего нет? Деньги на восстановление разрушенного хозяйства ему бы никто не дал, так как все деньги у Америки, а она стала бы субсидировать только того, кому доверяла — Льва Давидовича Троцкого, а не Ленина. Да и не стала бы Америка поднимать Россию. Она оплатила бы лишь расходы на выкачивание и транспортировку в Соединённые Штаты национальных российских богатств. Владимир Ленин остался бы у разбитого корыта.

Однако, на тот период нейтрализовать Ленина Льву Троцкому и Соединённым Штатам не удалось, так же как и посадить на российский трон полностью проамериканское правительство.

Тем не менее 1918 год был богат на события, ещё более откровенно свидетельствующие о том высочайшем уровне цинизма и всепобеждающей готовности во что бы то ни стало убить Ленина, убрать его с дороги, которые были продемонстрированы Троцким и его сторонниками в конце августа того же года.

Сейчас, ретроспективно рассматривая те события, стоит лишь удивляться, почему цель убийства Ленина не была достигнута, ведь теракт был достаточно хорошо подготовлен.

В российской, да и в мировой историографии покушение на Ленина традиционно выглядит довольно незамысловато: член партии левых социалистов-революционеров (левых эсеров) Фаина (Фанни) Каплан, исходя из собственных революционных взглядов и чувства мести к *«предателю дела революции»* Владимиру Ленину, сорвавшему созыв Учредительного Собрания, совершила попытку его убить. Для этого она

якобы подстерегла его после выступления перед огромной толпой рабочих московского завода Михельсона и в одиночку несколько раз по нему выстрелила из пистолета. Тяжело ранила его, но Ильич выжил, а террористку Каплан судили и приговорили к смертной казни. Эту версию знал в СССР каждый школьник, в том числе и автор этих строк. Никто и никогда не называл имен заказчиков преступления, так как всё заранее было ясно: по Ленину стреляла одиночная террористка Каплан, идейный враг.

По прошествии многих лет, в тот момент, когда я занимался научной работой по истории отечественных спецслужб, мне довелось познакомиться с некоторыми документами, связанными с теми событиями, и более глубоко вникнуть в обстоятельства этого дела. Открылись занятные вещи! Оказалось, эта красивая молодая (27 лет) женщина Фанни Ефимовна Каплан имела другое, настоящее имя — Фейга Хаимовна Ройтблат и являлась совсем не одинокой террористкой, а была подготовлена для выполнения боевого задания по убийству Ленина целой группой опытных партийцев, часть из которых также присутствовала при осуществлении теракта. До этого эпизода она уже имела некоторую террористическую практику, правда, неудачную.

В 1906 году она, будучи тогда модисткой-белошвейкой и одновременно анархисткой, вместе с любовником Виктором Гарским (Яковом Шмидманом) готовила теракт в отношении генерал-губернатора Киева Владимира Сухомлинова, но по несчастной (для нее) случайности взрыв бомбы произошёл прямо в номере гостиницы «Купеческая» (улица Волошская, дом 29. До революции — гостиница и публичный дом, после — общежитие красных командиров), где любовники проживали. Осколками Каплан была ранена, у неё были повреждены глаза, руки и ноги. Сбежавший любовник не оказал помощи Фанни, и она попала в полицию. За попытку совершения теракта она была приговорена к смертной казни, заменённой пожизненной каторгой. Отбывала наказание в тюрьме Акатуйска (1906—1917 годы), где познакомилась со многими революционерами, в том числе с Марией Спиридоновой, лидером партии левых социалистов-революционеров. Под её воздействием отошла от анархистов и пришла к эсерам.

От пожизненного заключения её освободила Февральская революция. В дальнейшем любовником Каплан был младший брат Владимира Ленина Дмитрий Ульянов. Он организовал для неё отдых в Евпатории, в санатории для бывших политкаторжан. Там Фанни познакомилась с окружением

Якова Свердлова, в том числе с его ближайшим другом детства — Владимиром Загорским (настоящее имя — Вольф Михелевич Лубоцкий), секретарём Московского городского комитета РКП(б). (Его именем впоследствии будет назван город Сергиев Посад). По некоторым данным, Загорский также состоял в интимной связи с Каплан.

В Москве, по рекомендации Дмитрия Ульянова, она проживала у подруги Анны Пигит, племянницы владельца фабрики «Дукат» Давида Пигита на Большой Садовой улице в доме №10, в пятой квартире (сейчас этот дом именуется «Домом Булгакова»). К моменту покушения на Ленина Фанни Каплан была знакома с самим Свердловым, а также и со Львом Троцким.

Уже само по себе наличие таких связей может предполагать её ангажированность в каких-либо политических действиях в пользу данных лиц. Было бы странно, если бы они не пытались использовать её активность и увлечённость революционной борьбой в своих интересах.

Итак, 30 августа 1918 года террористка-эсерка Фанни Ефимовна Каплан на московском заводе Михельсона совершила покушение на жизнь В.И. Ленина. Давайте проследим, как это было, и сделаем свои выводы.

В те горячие дни утверждения советской власти все члены ленинского правительства были обязаны выступать на митингах среди рабочих коллективов. Именно 30 августа выступления были отменены, так как в этот день в Петрограде был убит террористом Леонидом Канегиссером председатель Петроградской ЧК Моисей Урицкий, и все боялись продолжения террористических актов. Тем не менее Свердлов настоял, чтобы Ленин выступил, сославшись на то, что *«Владимир Ильич не должен демонстрировать перед контрреволюцией свою трусость»*. И Ленин поехал.

На территорию завода Фанни Каплан доставили руководитель Боевого отряда эсеровской партии, в котором она состояла, Григорий Семёнов со своей сожительницей, тоже террористкой Лидией Коноплёвой. Они ещё раз проинструктировали Каплан, проверили состояние оружия (пистолет Браунинг образца 1900 года, калибра 7,65 мм) и потом находились среди работников завода.

Ещё одна вопиющая *«странность»* со стороны организаторов мероприятия заключалась в том, что Ленину не была выделена официальная охрана. Этого не могло быть ни в коем случае, потому как охрана выделялась всегда и всем, но вот Ленину её не предоставили. Организацией выделения охраны и контролем за этим занимался надёжный друг детства

Свердлова Вольф Лубоцкий-Загорский, секретарь Московского горкома партии. Здесь он почему-то «оплошал»... Поэтому Каплан действовала свободно, ей никто не мешал.

Огромное количество историков заявляет: Каплан не могла в данном случае быть террористкой и стрелять в Ленина, так как она, якобы, была чуть ли не полностью слепой *«после изнурительных условий каторги»* и как молодая женщина *«не умела пользоваться оружием»*. Позволю себе не согласиться ни с тем, ни с другим утверждением. Да, зрение её сильно ослабло от контузии, когда в 1906 году в её руках взорвалась бомба. Однако по возвращении с каторги по рекомендации другого любовника — Дмитрия Ульянова ей в городе Харькове сделал операцию лучший офтальмолог того времени Леопольд Гиршман. Операция прошла настолько удачно, что после неё Каплан свободно, без очков работала с документами и штатно трудилась на руководящей работе в одном из государственных учебных учреждений (была директором курсов по подготовке земских служащих). Я видел её почерк, относящийся к 1918 году. Он вполне чёткий и ровный. Так что Фанни Каплан была вполне зрячей, когда стреляла в Ленина.

Что касается пистолета, из которого она будто бы не умела стрелять, то горе-исследователи забывают: Фанни Каплан была профессиональной террористкой и умела прекрасно стрелять из пистолетов и револьверов. Надо учитывать то железное обстоятельство, что три пули из четырёх, выпущенных Каплан, попали в цель. Точно такой же пистолет «Браунинг» был у неё изъят после случайного взрыва бомбы в гостинице «Купеческая» в 1906 году. Нельзя же допустить, что революционерка носила его просто так, как игрушку, которой не умела пользоваться.

Известен и такой факт: незадолго до покушения на Ленина состоялись тренировочные стрельбы эсеровских боевиков на выездном полигоне. По свидетельству видного эсера Петра Соколова, из всех участников этих стрельб Фанни, стреляя из своего пистолета, заняла первое место, попав в мишень четырнадцать раз из пятнадцати возможных.

Существует много данных о том, что пули, выпущенные Каплан, были начинены сильно действующим ядом кураре. Однако, воздействия яда на организм Ленина впоследствии не было обнаружено. Это может говорить о том, что информация о самом наличии яда могла оказаться ложной, или же, как утверждают специалисты, при выстреле яд, находящийся в пуле, просто сгорает.

Теперь — об участниках преступления. Участники давно установлены.

Это — В.М. Загорский (Вольф Михелевич Лубоцкий) — самый доверенный и близкий человек Якова Свердлова. На момент покушения — секретарь Московского городского комитета большевистской партии. Он как представитель городской партийной власти отвечал за саму процедуру проведения встречи, за ее организацию, включая детали. Ленин был его руководителем по партийной линии, и Загорский обязан был быть при нём. В его функции входило открытие и завершение встречи, обеспечение наличия руководства завода, публики и т.д. Основное, что он обязан был сделать — выставить для Ленина охрану и создать условия надёжной безопасности первого лица страны. Но именно эту главную задачу Загорский не выполнил.

Боевик из числа левых эсеров — рабочий Александр Протопопов. Вероятнее всего, он был «на подстраховке» при проведении мероприятия. На другой день 31 августа он был расстрелян ведомством Дзержинского без суда и следствия. Скорее всего, он ассистировал Каплан и также стрелял в Ленина, произведя один выстрел — потом была найдена ещё одна, четвёртая гильза. Его убрали как участника покушения и опасного свидетеля, который слишком много знал.

Рабочий Новиков — также эсеровский боевик и, по всей вероятности, завербованный агент ВЧК. Сыграл роль провокатора. Когда началась стрельба, ушёл с территории завода и угнал карету, ожидавшую Каплан. Поэтому она не смогла быстро покинуть место покушения и была схвачена. Скорее всего, это было сделано с целью не допустить бегства Каплан с завода и поймать её с поличным, на месте преступления. Чекисты контролировали нахождение её на заводской территории и не допустили попытку скрыться. Это было сделано для будущей компрометации партии эсеров, в которой Фанни Каплан состояла, как партии террористов, посягнувших на жизнь вождя, и расправы над этой партией. Впоследствии свои замыслы чекисты реализовали.

Сотрудники службы наружного наблюдения ВЧК (так называемая «наружка»). Именно они отследили маршрут движения Фанни Каплан до улицы Большой Серпуховской и с помощью агента — помощника военного комиссара 5-й Московской пехотной дивизии Степана Батулина, который якобы случайно обнаружил террористку, задержали её. Каплан, убегая, была вынуждена остановиться на улице в ожидании трамвая, так как ее карета была угнана.

Григорий Семёнов, руководитель боевого отряда партии левых эсеров, в котором состояла и Каплан. Примерно весной 1918 года вместе с сожительницей Лидией Коноплёвой,

также участницей группы, он был завербован ВЧК и состоял в её агентурной сети. Регулярно поставлял информацию о деятельности эсеров, об их планах и политических акциях. В 1921 году их приняли в большевистскую партию. В 1922 году они были приняты на службу в Наркомат обороны страны, которым в тот период руководил сам Лев Давидович Троцкий. И сразу же попали в элитное подразделение — внешнюю военную разведку. Оба сразу получили командирские звания. У Коноплёвой служба там не очень удалась, она впоследствии вполне удачно трудилась на преподавательской и государственной службе, а вот её сожитель — Григорий Семёнов преуспел на работе и заслужил в тридцатые годы генеральские ромбы. То есть бывший террорист и провокатор, имея покровительство Троцкого, дослужился до генерала ВЧК — НКВД. Но расплата настигла и их. Оба расстреляны в 1937-м.

Вышеизложенные факты убедительно говорят о том, что за историей покушения на Ленина в августе 1918 года стояли Яков Свердлов и Лев Троцкий, а, следовательно, и Соединённые Штаты, агентом которых Лев Давидович являлся.

Сначала Фанни Каплан привезли на Лубянку. Допрашивали её любимые палачи Троцкого Яков Петерс и Виктор Кингиссеп. Она во всём призналась. Дзержинский, по указанию Троцкого, контролировал каждое её слово, попадающее в протокол. Поэтому там не оказалось никакой конкретики, которая бы указывала на опасные для Свердлова и Дзержинского обстоятельства, в протоколе фигурировали только общие фразы, подтверждающие вину террористки. В протоколах нет данных о сообщниках, о подпольной работе, о партии эсеров. Говоря объективно, Фанни вела себя на допросах в ВЧК достойно и никого не сдала. Она была идейной террористкой.

Потом Свердлов забрал её к себе и спрятал в кремлёвских застенках: она два дня провела в подвалах под Большим кремлевским дворцом. Её больше никто не допрашивал, так как в этом уже не было необходимости. Чекисты её «вели» перед тем, как вывести на преступление, и всё о ней знали.

Покушение на Ленина со стороны эсеров было выгодно для единомышленников — Дзержинского, Троцкого и Свердлова по двум причинам. Во-первых, ликвидировался основной соперник Троцкого — Ленин и, следовательно, Соединённых Штатов, во-вторых, всю вину за этот теракт можно было списать на эсеров, которые сильно мешали большевикам на политическом поле, и расправиться с ними. Что и было сделано, причём, с большим успехом.

Покушение Фанни Каплан развязало руки ненавистникам России и послужило стимулом для еще одной их кровавой провокации. Уже 2 сентября Свердловым был объявлен «Красный террор». Расстрелам и репрессиям подверглись сотни тысяч ни в чём не повинных людей. Всё это совершалось для устрашения и запугивания населения, которое в основной своей массе после Октябрьского переворота не приняло большевистскую власть.

О том, что ленинские сторонники прекрасно осознавали реальную, провокационную роль Соединённых Штатов и понимали, откуда дует ветер, свидетельствует высказывание Н.И. Бухарина. Вот что он писал о Фанни Каплан: «Узколобая фанатичная мешаночка, которая, может быть, искренне считает, что Ленин погубил Россию, которая, может быть, действительно не понимает, что ею водила рука тех, кто разъезжает по пятой авеню Нью-Йорка после деловых разговоров по улице банкиров Уолл-стрит». Думаю, что и другие единомышленники из ленинской команды во всем разобрались не хуже его. Уже в марте 1919 года при очень загадочных обстоятельствах уходит из жизни Яков Свердлов...

Форму казни Фани Каплан предложил Яков Юровский, цареубийца, руководивший расстрелом царской семьи и приехавший в Москву из Екатеринбурга. Как известно, своих жертв он сжёг и теперь посоветовал Свердлову совершить с террористкой то же самое.

День третьего сентября был в Москве пасмурным и прохладным. Шел мелкий холодный дождь. Фанни не знала, куда её ведут, но понимала, зачем...

С какими мыслями эта запугавшаяся женщина, Фейга Хаимовна Ройтблат — таково настоящее её имя — уходила из жизни, — никто не знает. Все её революционные устремления оказались пустышками, всё, за что она бралась ради кажущейся ей общественной пользы, — пошло прахом, не принесло пользы никому. Вот и покушения не получилось. Ей сказали: Ленин, этот «предатель» дела, за которое она болалась, остался жив.

Комендант Кремля, бывший кронштадтский матрос Павел Мальков, бесцеремонно развернул её спиной к себе, и она потерянно тихо спросила: «Зачем это?»

Он выстрелил ей в затылок.

Около гаражных ворот стояла железная бочка, в которой раньше варили смолу. Бочку подкатили к телу Каплан, поставили «на попа», и двое солдат-латышей бросили в её жер-

ло труп. Головой вниз. Вылили сверху ведро бензина на безжизненное тело и подожгли.

От удушливого запаха жареного человеческого мяса, который вперемижку с бензиновой гарью, стелился над гаражами кремлёвского автомобильного отряда, пролетарский поэт Демьян Бедный, стоявший рядом и глазевший на всю эту процедуру, потерял сознание...

В развернувшейся в послереволюционной России тайной борьбе двух непримиримых флангов — прогерманского и проамериканского — явного перевеса не было ни у кого, хотя когда была побеждена Германия, Америка сильно покуражилась над Россией и вывезла за бесценок из нашей страны сотни тонн золота, драгоценностей, церковных и музейных шедевров, других национальных богатств.

Это продолжалось до тех пор, пока и тех и других не победил самый гениальный государственный XX века Иосиф Сталин.

P.S. В заключение несколько интересных исторических деталей. Покушение на Ленина, по свидетельству очевидцев, состоялось около 23 часов вечера, а воззвание ВЦИК, подписанное Свердловым, в котором сообщалось об этой *«гнутой провокации контрреволюции»*, появилось в 22 часа 40 минут. То есть Свердлов подписал это воззвание до состоявшегося покушения, будучи уверенным в его исходе.

Как только по телефону Свердлову сообщили, что на заводе Михельсона раздались пистолетные выстрелы, он немедленно занял кабинет Ленина, уселся в его кресло и начал руководить страной. Это говорит о том, что у заговорщиков во главе с Троцким был готовый план на случай смерти Ленина, и роль его «сменщика» должен был выполнять именно Я. М. Свердлов.

Примерно через неделю после этого события бывший любовник Каплан — Виктор Гарский (Яков Шмидман) вдруг прибыл в Кремль и уверенной походкой пришёл к Свердлову, как к старому другу. Он пробыл у него долго и вышел из кабинета, чрезвычайно довольный встречей. Радоваться было чему: этот картёжный шулер, вор и террорист вдруг получил крупную руководящую должность в системе государственного снабжения России.

РОМАН АБРАМОВИЧ И ТРЕТИЙ ХРАМ

Российский миллиардер и владелец футбольного клуба «Челси» Роман Абрамович пожертвовал более 100 млн. дол. ультраправой израильской организации, которую обвиняют в выселении палестинских семей из Иерусалима и причастной к деятельности по воссозданию третьего иерусалимского храма в Израиле.

Израильские археологи, ведущие раскопки на Храмовой горе, единственные в мире, которые используют для раскопок грейдеры. Похоже, эти «археологи» даже не скрывают истинную цель своих «раскопок».

События вокруг Храмовой горы для Иерусалима явление не новое. Но сейчас стали известны любопытные подробности этого дела. Выяснилось, что строительство третьего храма осуществляется на... российские деньги...

Арабская редакция телеканала ВВС сообщает, что международный консорциум журналистов, ведущих расследования, получил доступ к досье Fin CEN — специального подразделения министерства финансов США по борьбе с финансовыми преступлениями. Часть досье посвящена деятельности предпринимателя Романа Абрамовича.



ДОСЬЕ "МГ"

Канал утверждает, что Абрамович, у которого есть гражданство Израиля, финансирует израильскую поселенческую деятельность в «Восточном Иерусалиме». Он спонсирует крайне правую организацию «Эльад», которая с момента своего создания в 1986 году расселила в арабском районе Сильван (Силуан, Шилоах) около ста еврейских семей. «Эльад» несет ответственность за десятки случаев выселения палестинцев и ведёт несколько дорогостоящих многолетних судебных баталий, чтобы отвоевать палестинскую территорию.

Например, после 24-летней судебной тяжбы в июле 2020 года израильская полиция выселила мать-одиночку и ее четверых детей из их дома в Сильване, чтобы передать его «Эльаду». Суд постановил, что поскольку мать этой женщины жила за границей, она покинула дом, несмотря на то, что там жили ее дочь и внуки, и поэтому арабы утратили право собственности.

По данным израильской неправительственной организации «Мир сейчас», в январе, по меньшей мере 100 других семей в Сильване, столкнулись с судебными разбирательствами по делам о выселении.

Четыре компании, которые Абрамович использовал для финансирования «Эльад», расположены на Британских Виргинских островах и зарегистрированы в один и тот же день в 2003 году, именно они финансировали более половины работ «Эльада» в период с 2005 по 2018 год.

Ещё одним направлением деятельности «Эльада» стал расположенный у стен Старого города парк «Город Давида» в Сильване, где ведутся раскопки Иерусалима периода Первого храма. Библейское повествование рассматривает Сильван как первоначальное место города Давида. Первые раскопки в поисках древнего города были проведены здесь британцами ещё в XIX веке. И вот это уже очень интересно...

Сумев завоевать Запад Иерусалима в 1948 году, Израиль оккупировал остальную часть города менее чем через два десятилетия в войне 1967 года. С тех пор он создаёт «реалии на местах» путём аннексии и строительства поселений, чтобы закрепить свои притязания на весь город. Вскоре после окончания ближневосточной войны, в том же 1967 году, и начались масштабные раскопки под эгидой Министерства религии Израиля.

А в 1977 году правительство передало контроль над археологическими раскопками «Города Давида», которые открыты для общественности, этой самой организации «Эльад». С тех пор «Эльад» использует археологические раскопки для конфискации палестинских земель. Бурная деятельность в

Сильване включала в себя в том числе раскопки под землей и создание туннелей, некоторые из которых простираются вплоть до мечети Аль-Акса.

«Сегодня раскопками вокруг Аль-Акса управляет организация самого махрового иудео-нацистского толка — «Эльд», — говорит Яра Хавари, научный сотрудник палестинской политической сети «Аль-ШАБАК», они пытаются захватить и уничтожить весь Сильван. У них огромные фонды. На их мероприятиях присутствовали русско-еврейские олигархи Лев Левиев и Роман Абрамович».

Яра Хавари считает, что «археология — это лишь один из многих механизмов, с помощью которых Израиль сохраняет свое господство над палестинским народом. Библейское повествование используется сионистами как дымовая завеса для колониально-поселенческого проекта и строительства подземного третьего храма для Машиаха».

«The Middle East Eye» сообщает, что первый туннель, который был вырыт, названный «Хасмонеевым туннелем», имеет длину 500 метров и расположен на западной стороне мечети Аль-Акса, где когда-то стоял Марокканский квартал Старого города Иерусалима. Этот район, расположенный вдоль Западной стены, был полностью разрушен израильскими властями через три дня после того, как Израиль захватил Восточный Иерусалим.

Абдель-Раззак Матани, иерусалимский археолог-исследователь, утверждает, что точное количество туннелей, вырытых под комплексом мечети Аль-Акса и Старым городом, остаётся неизвестным. Израильские власти делают только объявления о некоторых туннелях, сказал он, в то же время запрещая любым внешним археологам или геодезистам изучать этот район. Внутри туннелей можно увидеть фундамент мечети Аль-Акса, вскрытый в результате раскопок.

Как утверждают специалисты, туннели начали представлять серьезную угрозу для фундамента комплекса Аль-Акса. Археолог Наджех Бкайрат говорит, что сеть туннелей разветвляется и простирается до района Аль-Карми, к западу от мечети Аль-Акса в Старом городе, на восток и север около Дамасских ворот, а также южные ветви достигают Сильвана. Бкайрат сообщает, что последствия деятельности «Эльд» очень серьезные. В результате раскопок пострадали многие здания в Сильване, оказались затронуты фундаменты 16 исламских памятников вдоль маршрута. Сотни жилых домов палестинцев безвозвратно утрачены. Бкайрат вспоминает, что израильские раскопки были приостановлены лишь на несколько месяцев в 1974 году, после того как ЮНЕСКО

приостановила всю помощь Израилю. Позже в том же году рухнула историческая школа Джавахирии к западу от комплекса мечети Аль-Акса.

...Спускаясь в один из многочисленных туннелей под Старым городом, посетители оказываются окружены знаками, представляющими то, что когда-то находилось на святом месте. Но в то время, как Иерусалим имеет долгую, культурно и религиозно разнообразную историю, информация, передаваемая в туннелях, фокусируется исключительно на еврейской истории города.

Освещённые экраны показывают трехмерные модели строения третьего храма (пока не существующего), а также красочное изображение рабочих, строящих храм и перетаскивающих его камни. В стеклянных витринах экспонируются бумажные свитки со стихами из Торы о пришествии мессии (для православных — антихриста).

Сегодня туннели оснащены значительной инфраструктурой, они превратились в подземный город с цементными стенами, железными опорными конструкциями и кондиционерами. Они также включают в себя молитвенные и омовительные сооружения, а также помещения для религиозных церемоний и конференций.

Пути Господни неисповедимы. Сегодня мужественные жители Сильвана сражаются не только за свои законные права, не только за мусульманские святыни, но и за судьбы всего мира. Эта борьба продолжается как на земле, так и под землёй.

Но, согласитесь, дьявольски ловко осуществлять сей роковой план по строительству третьего храма не за чей-то счет, а именно **за наш счёт**, за полученные на обворовывании русского народа деньги...

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ: ВЕЛИЧИЕ И СВЯТОСТЬ

Контрасты

Александр Пушкин называл Павла Петровича «романтическим императором», «врагом коварства и невежд» и собирався написать историю его царствования.

Желал написать эту историю и Лев Толстой, считавший, что «характер, особенно политический, Павла I был благородный, рыцарский характер».

Журнал «Русская старина» писал в 1897 году: «...личность Павла Петровича возбуждает у нас не только большой интерес, но и какое-то странное сочувствие к себе, не охлаждаемое самыми мрачными картинами его времени, набрасываемыми современниками...»

Генерал Алексей Ермолов утверждал: «У покойного императора были великие черты, и исторический его характер еще не определен у нас».

Характер Павла Петровича весь состоял из контрастов, в нем пробивались чисто гамлетовские черты, а такие характеры везде и всегда возбуждали и возбуждают к себе невольное сочувствие. Люди любят натуры порывистые, страстные и легко прощают им их заблуждения.



Отзывы современников об Императоре Павле сотканы из противоречий. Отмечают его высокие душевные качества и называют его тираном. Говорят, «о громадности переворота, совершившегося со вступлением Павла I на престол — переворота столь резко, что его не поймут потомки» и пишут, что император «повреждён». Ходят «чёрные легенды» — ссылали в Сибирь целыми полками, а солдаты любили его. Список таких противоречий можно продолжать бесконечно. Но стоит отметить главное из них: для высшего сословия Царь — деспот, народ же с одобрением говорит о нем: «*Наш Пугач!*» И у народа были основания так считать.

Впервые доступ к Государю был открыт всем: «*Все-все подданные и мне равны, и всем равно я Государь*». Прощения принимаются ежедневно Павлом лично на вахтпарадах. В одном из окон Зимнего дворца установлен желтый ящик и каждый может бросить в него письмо или прошение на имя государя. Ключ от комнаты хранился у самого Императора, который каждое утро сам читал просьбы подданных и ответы печатал в газетах.

Павел I — враг сословных привилегий и социальной несправедливости. «*Закон один для всех, и все равны перед ним*», — говорил он, гонитель всякого злоупотребления власти, особенно лихоимства и взяточничества. И потому едут в Сибирь в тесном единстве и в одной кибитке генерал и унтер-офицер, купец и сенатор. Отмечено, что «*чувство порядка, дисциплины и равенства было руководящим побуждением его деятельности, борьба с сословными привилегиями — его главной задачей*».

Писатель и драматург Август Коцебу, неоднократно беседовавший и общавшийся с Государем, писал в своих «Записках» о нем:

«Император Павел имел искреннее и твердое желание делать добро. Всё, что было несправедливо или казалось ему таковым, возмущало его душу, а сознание власти часто побуждало его пренебрегать всякими замедляющими расследованиями; но цель его была постоянно чистая; намеренно он творил одно только добро... Пред ним, как пред добрейшим государем, бедняк и богач, вельможа и крестьянин, все были равны. Горе сильному, который с высокомерием притеснял убогого!

Дорога к Императору была открыта каждому, звание его любимца никого перед ним не защищало...

Народ был счастлив. Его никто не притеснял. Вельможи не смели обращаться с ним с обычною надменностью; они знали, что всякому возможно было писать прямо Государю, и что Государь читал каждое письмо. Им было бы плохо, если бы до него дошло о какой-нибудь несправедливости; поэтому страх внушал им человеколюбие.

Из 36 миллионов людей, по крайней мере, 33 миллиона имели повод благословлять Императора, хотя и не все сознавали это.

Утверждали, что, когда Государь был в дурном расположении духа, не следовало ему попадаться на глаза под опасением за честь и свободу.

Это была низкая клевета, как я в том убедился из неоднократного собственного опыта. Наблюдения мои внушили мне доверие к характеру Государя, и я полагаю, что некоторая скромная смелость и прямой взгляд спокойной совести никогда не были ему неприятны».

А вот что говорит о Павле Петровиче такая умная женщина, как княгиня Дарья Ливен:

«...Он обладал прекрасными манерами и был очень любезен с женщинами; он обладал литературной начитанностью и умом бойким и открытым, склонен был к шутке и веселию, любил искусство; французский язык и литературу знал в совершенстве; его шутки никогда не носили дурного вкуса, и трудно себе представить что-либо более изящное, чем краткие милостивые слова, с которыми он обращался к окружающим в минуты благодушия».

История свидетельствует, что «масса простого народа, в несколько месяцев получившая большее облегчение в тягостной своей доле, чем за всё царствование Екатерины, и солдаты, освободившиеся от гнета произвольной командирской власти и почувствовавшие себя *на Государевой службе*, с надеждой смотрели на будущее; их мало трогали господские и командирские тревоги.

Император Павел — реформатор Русской армии

Никогда еще, даже при Петре I, законодательство не шло таким ускоренным темпом: перемены, новые уставы, положения, на всё новые точные правила, «всюду строгая отчетность».

Программа реформ была им подготовлена заранее. В ее основе лежали централизация власти, строгая государственная экономия и стремление облегчить тяготы простого народа.

Характерно, что большинство законов, разработанных Павлом и им введенных, просуществовало вплоть до 1917 года. Обычно ругают армейские нововведения Императора Павла — «гатчинские порядки», испортившие армию Великой Екатерины. Приведем для справки оценку екатерининской армии английским офицером, наблюдавшим ее изнутри:

«Армия императрицы Екатерины II более беспорядочная толпа, нежели правильно устроенное войско. Процветает масса злоупотреблений, вкравшихся во все отрасли управления войсками. Большинство высших генералов постоянно живут в столице, оставивши войска на свои штабы.

Многие офицеры постоянно живут в своих имениях, отдавая за это свое жалованье своим командирам. Солдаты, знающие ремесла, постоянно живут и работают в имениях своих начальников.

Я насчитал до 50 тысяч таких отсутствующих солдат. (Это из общего состава в 400 тысяч! — Б.Г.)

В Лейб-гвардии Преображенском полку состоит 8 полковников, 26 подполковников и 6 тысяч унтер-офицеров дворян на 3 с половиной тысячи рядовых.

Но каждый день в полку я вижу только одного майора, несколько писарей».

Дворянские недоросли, записанные при рождении в гвардейские полки, не служа ни единого дня в строю, к 16—17 годам получали звания гвардейских поручиков. Такая армия категорически нуждалась в реформе. И став Императором, Павел к таковой немедленно приступил. Отметим, что еще Цесаревичем он получил прекрасный опыт по практическому вниканию во многие проблемы армии в Гатчине, где под его началом находилась миниатюрная армия в 2500 человек, включающая в себя все виды войск.

Да и саму войну Император знал не понаслышке: он участник русско-шведской войны 1788—1790 годов. Туда он отправился добровольно, в качестве командира подшефного ему кирасирского полка.

Перед уходом на фронт Павел написал духовное завещание, первое в своей жизни. Как реформатор Павел I последовал примеру Петра Великого: он решил взять за основу модель современной европейской армии, в частности, прусской, — однозначно лучшей в Европе (как сто лет спустя и, по крайней мере, до конца 1942 года лучшей в Европе была армия германская).

В целом военная реформа не была остановлена и после смерти Павла.

Парад в Гатчине

Итак, какие же реформы провел в Русской Армии Император Павел I? Если не углубляться в подробности, то он успел сделать следующее:

— Ввел реальную дисциплинарную и уголовную ответственность офицеров за сохранение жизни и здоровья сол-

дат. Регламентировал (то есть точно указал, за что, как и сколько) телесные наказания нижних чинов, особо отметив что «...*они допускают в крайних случаях, памятуя, что служат для исправления нерадивых солдат, а отнюдь не для их калечения*».

Екатерина переписывалась с Вольтером на тему того, что править надо гуманно, а тем временем в ее армии ширился и процветал настоящий беспредел, когда солдат били и калечили за что придется, по прихоти начальства.

— Ввел понятие «беспорочная служба» для нижних чинов. За беспорочную выслугу 20 лет нижние чины навсегда освобождались от телесных наказаний.

— Ввел впервые в Европе награждение нижних чинов знаками отличия орденов «св. Анны» и «донатом ордена св. Иоанна Иерусалимского». До «деспота и самодура» Павла никто не додумался до того, что и солдат тоже неплохо бы награждать.

— Приказал все вновь открывающиеся офицерские вакансии занимать только выпускникам военно-учебных заведений или опытным унтер-офицерам из дворян, сдавшим экзамены по знанию устава и ведению военных действий.

— Запретил офицерам и генералам отпуска более одного месяца в году.

— Ввел отпуска нижним чинам по 28 дней в году.

— Ввел для нижних чинов как предмет формы суконную шинель с рукавами для зимнего и холодного времени (до этого времени солдаты имели на все сезоны только мундир, под который они поддевали кто что мог).

— Ввел для зимнего времени для часовых караульные овчинные шубы и валенки, причем в караульном помещении валенок должно быть столько, сколько требуется для того, чтобы каждая смена часовых надевала сухие валенки. Это правило караульной службы существует и сегодня.

— Учредил лазареты при каждом полку. Приказал, чтобы лекарями в полк допускались только лица, сдавшие лекарский экзамен в Медицинской коллегии. До этого многие лекари, бывшие по совместительству брадобреями и палачами, признавали один способ лечения — «пустить кровь»; некоторые могли выковырять пулю спицей.

— Под страхом каторги запретил делать удержания из солдатской зарплаты и под страхом смерти невыдачу солдатского жалования.

— Ввел для отставленных от службы из-за увечий или прослуживших более 25 лет солдат пенсии с содержанием таких солдат в подвижных или гарнизонных инвалидных ротах. До

этого указа солдат, отрубивших «от звонка до звонка» (25 лет) или увечных инвалидов, выкидывали из армии и предоставляли выживать, кто как умеет. Как правило, солдаты занимались нищенством, а если здоровье позволяло, то промышляли грабежом на больших дорогах, сбиваясь во вполне боеспособные «незаконные вооруженные формирования». Поэтому имелись указы при поимке отставных солдат-разбойников сразу казнить, потому что заведомо было известно, что кроме как владеть оружием и выживать в любых условиях они больше ничего не умеют, а на любую каторгу такой ветеран после 25 лет службы чихать хотел.

— Запретил производство в унтер-офицерские чины неграмотных.

— Запретил использовать солдат в качестве рабочей силы в офицерских или генеральских имениях.

— Присвоил знаменам и штандартам статус полковой святыни, с той поры они должны находиться в полках до полного износа.

— Присвоил Спасо-Преображенскому собору в Санкт-Петербурге наименование «всей Гвардии собор», сделав его главным храмом Русской Императорской Армии.

— Ввел в армии «Вечернюю зарю» (композитор Д.С. Бортнянский). С 1813 по 1914 год музыка русской «Вечерней зари» исполнялась также в Прусской Королевской, а затем в Германской Императорской армии.

— Способствовал зарождению традиции создания полковых маршей.

— Основал Л.-Гв. Гусарский полк, Л.-Гв. Егерский полк, Л.-Гв. Казачий полк, Л.-Гв. 1-ю Артиллерийскую бригаду, Гвардейскую Конно-Артиллерийскую бригаду.

— Установил практику назначения мужчин дома Романовых шефами полков.

— Ввел в армии институт военных инспекторов.

В результате за несколько лет в армии был наведен образцовый порядок, существенно повысилась боеспособность, кардинально улучшился быт и условия службы нижних чинов.

Павел ломал сословные преграды и вместо новобранцев типа пушкинского Петруши Гринева младшие офицерские и унтер-офицерские должности (костяк и основа любой армии) стали заполняться грамотными, привыкшими к службе, опытными в военном деле людьми недворянского происхождения.

Ростопчин в одном из писем графу Воронцову свидетельствовал: «*Нельзя себе представить, не видевши, чем сделалась*

наша пехота... Я видел ту, которая стояла столько трудов покойному прусскому королю (Фридриху Великому), и я уверяю Вас, что она уступила бы нашей...»

Император Павел I и Русский Императорский Флот

Теперь несколько слов о том, **что** Император Павел I сделал для Русского Флота. Прежде всего, он способствовал возрождению флота и активизации его действий, строительству новых кораблей и новых портов.

Император Павел I в 8 лет от роду был назначен Генерал-Адмиралом и был с детских лет привязан к флоту. В 1796 году он вступил на престол, и уже в 1797 году Балтийский флот, впервые после Петра Великого, вышел в море под непосредственным командованием Императора, поднявшего штандарт на фрегате «Эммануил».

Была впервые установлена тактическая единица эскадры — 4 линейных корабля линии баталии и 1 корабль в резерве, — установленная на основе опыта и введенная в целях удобства управляемости боевого строя. Был установлен новый состав флотов: для Балтийского моря — 45 линейных кораблей, 19 фрегатов, 23 судна 3 ранга, 4 бомбардирских корабля, 63 ластовых судна, 12 гребных фрегатов, 30 гребных плавучих батарей, 12 бомбардирских катеров, 200 канонерских лодок, 100 иолов, 4 брига и 9 галиотов.

Для Черного моря — 15 линейных кораблей, 10 фрегатов, 12 судов 3 ранга, 2 бомбардирских корабля, 10 плавучих батарей, 100 канонерских лодок и около 60 ластовых судов.

За последние четыре года 90-х годов XVIII века кроме мелких судов в Балтийском и Черноморских флотах было спущено на воду 25 линейных судов — 17 линейных кораблей и 8 фрегатов и начато, но не окончено постройкой еще 9 судов линии — 5 линейных кораблей и 4 фрегата.

Про успех Средиземноморской экспедиции Черноморского флота под руководством нашего святого адмирала Федора Ушакова помнят даже сейчас.

Гроссмейстер Мальтийского Ордена

Значительные успехи при Павле I сделало кораблестроение России. В 1797 году было восстановлено существовавшее при Петре I звание обер-сарваера (главного инспектора), которое получил замечательный корабельный мастер генерал-лейтенант А.С. Катасонов, и, кроме того, для улучшения судостроения приглашены были в русскую службу из

Константинополя два отличных кораблестроителя — французы, братья Ле Брюи де Сент-Катерин.

Увы, дни Императора были сочтены, и в ночь на 12 марта 1801 года Русский флот лишился своего Генерал-Адмирала, четвертого по счету и первого из императорской фамилии. И прошло почти полвека после смерти Императора Павла I до назначения нового Генерал-Адмирала, Великого Князя Константина Николаевича.

Почему так случилось? Прежде всего потому, что после смерти Павла I императором стал его сын Александр I Павлович. Период его царствования (1801—1825) характерен непониманием значения военно-морских сил для России и полной заброшенностью флота. Флоту назначалась второстепенная роль, ограниченная одной обороной государства и не допускающая дальних самостоятельных экспедиций как дорогостоящих и не приносящих пользы. Одно время даже всерьез рассматривался вопрос о продаже Русского флота Англии.

Именно из-за такой политики Александра I мы и потеряли в начале 1825 года основную часть Русской Америки, де факто занимавшую всю западную часть нынешних Канады и США, — к западу от Скалистых гор, оставив за собой только холодную Аляску. Ясно, что в этот исторический период не было нужды в высоком чине Генерал-Адмирала.

Второе воскресение морского могущества Российской Империи началось со вступления на престол Императора Николая I.

Император Павел I и Православная церковь

А Государь в Бозе почивший... Император Павел Петрович как любил Церковь святую, как чтит святые уставы Ея и сколько сделал для блага Ея. Не многие из Царей Русских подобно Ему служили Церкви Божией...

Преподобный Серафим Саровский

Теперь о делах духовных.

Император Павел:

1. Увеличил штатное жалование духовенству.
2. Начал награждать духовенство орденами, скуфьями, наперстными крестами и митрами.
3. Увеличил вдвое ассигнования на духовные школы.
4. Принял меры для обеспечения содержания вдов и сирот духовенства. Учредил Санкт-Петербургскую и Казанскую духовные академии (всего за столетие Санкт-Петербург стал

третьим после Москвы и Киева православным центром огромной державы).

5. Способствовал перенесению в Россию рыцарями Мальтийского Ордена иконы Филермской Божией Матери, десницы Иоанна Предтечи и части Животворящего Креста Господня.

6. Даровал в 1797 г. Александр-Невскому монастырю, основанному в 1710 г. Петром Великим, статус Лавры. Увеличил число монастырей с 385 до 452 — это за 4 года!

7. И главное: Император Павел постарался преодолеть трагедию раскола Русской Церкви, русского этноса и русского ментального поля, возникшего в результате реформ Никона и царя Алексея Михайловича.

Павел Петрович прекратил преследование старообрядцев. Разрешил старообрядцам строить церкви во всех епархиях. Ввел в 1800 году «единоверие» — компромисс между старообрядчеством и православием, присоединение части старообрядцев к Православной Церкви при сохранении их богослужебных обычаев. Сам молился с единоверцами.

В день венчания Императора Павла на царство в Успенском соборе Кремля царя посетила делегация старообрядцев (факт сам по себе уникальный!) и поднесла ему в подарок икону святого Архангела Михаила. Именно Михаил Архангел был покровителем дома Царя Давида (древнего Израиля в его царско-воинском аспекте, а также и старой, дораскольной Руси) — «Ангелом Грозным Воеводой». Тем самым подтверждение своей легитимности Павел получил не только от официальной России, с которой сочетался бракоподобным венчанием, но и от Руси потаенной, укрытой в лесных скитах и молельнях.

Есть веское мнение, что тот русский Правитель, который поставит перед Церковью вопрос о трагедии XVII века, а затем сам, усадив все стороны в соборный круг, как это сделал на Стоглавом Соборе Иоанн Грозный, доведет дело до воссоединения — на основе благочестия Стоглава, но с признанием всей святости и всех святых послераскольного времени, прежде всего, преп. Серафима Саровского и Царской Семьи — и откроется как истинный Государь всея Руси.

Одно из главных неочтенных деяний Императора Павла — его верный геополитический взгляд, едва не вернувший России ее всемирно-историческое значение, в значительной степени утраченное в результате того же Раскола.

Раскол и геополитика

Дело в том, что в 1653 году у России был прямой шанс встать на Амуре, занять Маньчжурию, застенный Китай и

Корею, стать владыкой Тихого океана. Но вместо этого сменился вектор русской геополитики с просторов Тихого океана на узкость Босфора-Дарданелл. О которые мы потом два с лишком века разбивали лбы.

Произошел раскол русского суперэтноса, в результате которого самая пассионарная часть вместо расширения границ Православного царства — расширения территории православия на земле — извела себя в «гарях», восстаниях, скрылась в скитах и, по сути, была отделена от остального тела русского народа. В результате по Нерчинскому договору 1689 года граница России была перенесена с Амура на север Охотского моря, и мы лишились выхода к теплым морям.

В 1694 году был создан Банк Англии, и, по Божиему попущению (в результате «самоустранения Третьего Рима»), всемирной земной империей стала «Анти-Римская» Британская, говоря шире, — «англосаксонская», занимающая первенствующие позиции на земле по сей день.

Мировой Остров против Сердца Земли

Чтобы оценить заслугу Императора Павла, очертим кратко мировую геополитику и геостратегию, — понимаемые как контроль над планетарным пространством, — за последние три века.

В глобальной геополитике два основных геополитических противника: Суша и Море-Океан. Причем под «Сушей» понимается ее евразийский «центр тяжести», «Сердце земли» — «Heartland» по-английски, — удивительным образом, совпадающий с границами Российской Империи и Советского Союза до его «распада».

Это «Сердце земли», Хартленд, окружает так называемый внутренний полумесяц — Римленд, совпадающий с прибрежными пространствами Евразии, за преобладающее влияние над которыми идет борьба между «Сушей» и «Океаном».

И наконец, есть центр тяжести «Океана» — «Мировой Остров» или Внешний Полумесяц, назовем его для краткости Айленд, состоящий из материков и островов за пределами Евразии.

Силовая структура Айленда, заметим, целиком находится во власти «англосаксов», понимая под таковыми англичан и североамериканцев.

И всю эту силовую структуру Айленда, следует употребить, по мнению англосаксонских классиков геополитики, для уничтожения стратегического противника в лице Хартленда либо прямой агрессией, что до недавнего времени было

чревато, либо, что сподручнее, путем удушения его стратегией колец «анаконды» — экономической или военной блокады. Что происходит, в частности, и сейчас. Геополитическая конфигурация «Суши» и «Океана» неизменна и останется таковой до полного уничтожения одного из противников.

Английский географ и разведчик Хэлфорд Джон Маккиндер (1861—1947) в своем докладе «Географическая ось истории» (1904) предложил структурировать планетарное пространство системой концентрических кругов. В центре системы как раз и находимся мы, т.е. находится «географическая ось истории» или «осевой ареал», тождественные понятию «Россия» или «Сердце земли». На охватывающей «осевой ареал» периферии — англосаксонский «Мировой остров».

Главной опасностью для «Острова» Маккиндер считал возможный союз России и Германии: «...Скоро перед нашим взором явится мировая империя. Это может случиться, если Германия захочет присоединиться к России в качестве союзника». Заметим, кстати, что присоединяется обычно слабейший к сильному.

А почти за десять лет до Маккиндера, американский адмирал Альфред Тайер Мэхэн (1840—1914) объяснил, как следует оптимальным образом сдвинуть «Сердце земли» в смертельных объятиях анаконды. Роль этих колец должен играть Римленд — постепенно расширяясь как некая континентальная часть мирового «Острова» и всё более приближаясь к границам Хартленда, а желательно и сминая их.

Как и Маккиндер американский адмирал совершенно справедливо считал, что интеграция с геополитическими потенциальными союзниками усиливает мощь государства. Поэтому ни в коем случае нельзя допускать создания аналогичных интеграционных образований у противника. Напротив, его следует разъединить, а лучше стравить между собой его части и поодиночке удушать в кольцах «анаконды», перекрывая выходы к морским пространствам.

Теории Маккиндера и Мэхэна по удушению Хартленда развил американский геополитик Николас Спайкмен (1893—1943). Он, собственно, и ввел вместо «внутреннего или берегового полумесяца» понятие Римленда — гигантской дуги, включающей приморские евразийские государства и подлежащей «интегрированному контролю» со стороны Айленда. Только контроль над Римлендом, окаймляющим территорию Евразии, поможет Айленду нейтрализовать влияние «Хартленда».

Спайкмен следующим образом перефразировал известный тезис Маккиндера: «Кто контролирует Римленд, тот контро-

лирует Евразию, а кто контролирует Евразию, тот контролирует судьбы всего мира».

Самое любопытное, что Айленд в лице Британской Империи применял стратегию удушения Континента задолго до получения теоретического ее обоснования. Генерал Алексей Вандам, наш великий и неочтенный геополитик, еще в работах 1912—1913 годов показал, как расширяющийся Римленд постепенно стискивал в своих жестких объятиях Хартленд (не употребляя этих и иных нынешних геополитических терминов). Вандам говорит о постепенном отступлении вглубь Евразии «центра сопротивления» континентальной Европы.

Скажем, в середине XVII века таким центром можно было считать Мадрид — столицу крупнейшей на тот день колониальной Испанской империи. Затем этот центр отступает на восток — в Париж, а после Французской революции и наполеоновских войн еще далее на восток, условно говоря — в Берлин.

Вандам предупреждал, что в смертельной для России конфигурации вступления в Мировую войну в рядах Антанты — в противоестественном «союзе» с нашим вечным врагом Англией — даже победа в войне станет для России геостратегическим поражением. И центр обороны континента сместится к Москве.

Это было сказано в 1913 году и не подразумевало даже революции. Сейчас граница Римленда проходит у Смоленска, и удавка на шее Хартленда затянулась до предела.

Теория, которая предсказывает факты — теория верная. Так принято говорить в теоретической физике. Но тоже справедливо и в геостратегии.

«Баланс сил в Европе» или «разводка лохов»

Генерал Вандам указал также механизм, с помощью которого мировой Остров в лице Англии осуществлял уже два столетия свои планы. Механизм этот по-английски именуется «The Ballance of power in Europe», что переводится на русский как «Баланс сил в Европе».

Как сказал сто с лишком лет назад один английский публицист, подполковник Поллок: *«Пока Европейские державы разделены на группы и мы в состоянии будем противопоставлять их одну другой, Британская Империя может не опасаться никаких врагов, кроме Палаты Общин».*

Надо признать, долгие столетия политика «Баланса сил в Европе» исправно служила Англии, по крайней мере, с напо-

леоновских войн, помогая ей держать под контролем континентальную Европу без особых жертв со своей стороны. Это в определенной степени удалось Англии даже в Первую и Вторую мировые войны. Хотя здесь следовало бы точности ради говорить уже об успехе стратегии не столько английской, сколько «англосаксонской».

Не зря один современный автор, назвал такую политику «разводкой лохов», уточнив при этом что лох — боевое подразделение в армии Александра Македонского, типа роты, составляющее четверть моря из тысячи бойцов. Стоит уточнить, что «мора» — это из греческой терминологии, но при этом по латыни *mora* означает умирание, замедление. И именно такая мора нужна была Англии для того, чтобы континентальная часть Европы начала умирание или замедление в своем развитии, что так блестяще выявили обе мировые войны.

Император Павел: интересы России выше всего!

Но вернемся во времена Павла Петровича. Именно Император Павел сделал всё от него зависящее, чтобы Россия перестала быть *английским лохом*. Внешняя политика Павла I целиком была подчинена национальным интересам России. Это — политика мира, политического равновесия и защиты слабых.

Вступив на престол, он сказал канцлеру Безбородко: «Теперь нет ни малейшей нужды России помышлять о распространении своих границ, посему она и без того довольно уже и предовольно обширна... а удержать свои границы постараемся и обидеть себя никому не дадим; ...Всё содержать будем на военной ноге, но при всём том жить в мире и спокойствии».

Но кто же даст России жить в мире и спокойствии?!

Для Павла цель истинной политики — защита этических ценностей. В его глазах святость принципов и справедливость имели преимущество перед корыстными и просто прагматическими целями: защита слабых. В начале царствования такими «слабыми» оказались Императору королевские режимы Европы, «обижаемые» революционной Францией. И фельдмаршал Александр Суворов, и непобедимый адмирал Федор Ушаков были посланы им «спасать царей». Последовал знаменитый поход Суворова по Верхней Италии и Швейцарии и штурм кораблями Ушакова береговых крепостей Архипелага.

России эти походы принесли весьма «нематериальную» славу, а ее Императору, узревшему, как его войска в критический момент были брошены австрийскими союзниками на произвол судьбы, — сильное огорчение. При этом Россия одновре-

менно принимала еще участие в походе Англии против Голландии и находившихся там французских войск. Поход оказался неудачным, но англичане, достигнув главной своей цели — уничтожение голландского флота, не слишком беспокоились из-за поражения на суше. Они в любом случае были в выигрыше.

О русских союзниках англичане не думали вовсе, они даже не позаботились об обмене русских пленных. Напротив, остатки русского экспедиционного корпуса они намеревались применить против ирландских повстанцев, не поставив этого вопроса перед императором Павлом. Император-рыцарь был оскорблен в лучших чувствах.

Внешняя политика России меняет курс

Но, как говорится, нет худа без добра. Измена союзников по коалиции против Франции, использовавших беспремерный успех Суворова в Италии в своих корыстных целях, а также восстановление сильной власти во Франции в лице первого консула Бонапарта послужили причиной резкого изменения курса внешней политики. И хотя цели ее остаются прежними — прочный мир и политическое равновесие, — их осуществление Павел I видит теперь в союзе с революционной Францией.

В беседе с датским послом Розенкранцем Павел Петрович так изложил свою позицию: *«Долгое время я был того мнения, что справедливость находится на стороне противников Франции, правительство которой угрожало всем державам; теперь же в этой стране в скором времени водворится король если не по имени, то по существу, что изменяет дело»*.

В этих словах Павел I проявил и прозорливость, и широту взгляда! Нужно было обладать незаурядным государственным умом и мужеством, чтобы вопреки установившимся традициям и мнению ближайших советников так круто повернуть внешнеполитический курс страны.

Интересы России были поставлены новым Императором выше отвлеченных принципов легитимизма — революционная Франция становится союзником России. Две наиболее разобщенные географией страны — революция и крайний абсолютизм — встали во главе и на страже европейского порядка. Сближение между великими державами пошло быстрыми темпами.

«Франция может иметь союзником только Россию»

Это слова Наполеона Бонапарта. На ветер Первый консул слов не бросал. Уже строятся совместные грандиозные пла-

ны: высадки войск в Ирландии, военных действий в Средиземном море, похода в Индию. Англия оказывается в одиночестве: Франция, Россия, Пруссия, Дания, Испания, Португалия, Швеция, Голландия, Италия — все против нее.

В Лондоне царит паника, нет хлеба, закрыты европейские порты. Дания занимает Гамбург, Пруссия — Ганновер, казачьи полки устремляются к предгорьям Индии. Правительство всемогущего Питта Младшего пало. Со дня на день ожидали объявления войны.

На этом фоне почти незаметным прошло присоединение Грузии к России по ее долголетним смиренным просьбам. Причем можно утверждать, что без личного участия Павла Петровича грузинам еще долго пришлось бы околачивать петербургские пороги. А ведь Грузии грозило буквально физическое уничтожение. Это сейчас они такие «самостоятельные». Дённо и ночью Бога должны они всенародно молить о Императоре Павле — за то, что вообще существуют.

Но вернемся к русско-французскому союзу. Укоренилось мнение, что поход в Индию — плод фантазии полубезумного царя. Оказалось, что это далеко не так. По плану, составленному самим Наполеоном, русский корпус в составе 35 тысяч человек должен был в июне сосредоточиться в Астрахани. Из Франции по Дунаю, Черному морю к Царицыну и далее в Астрахань на соединение с ним двигался 35-тысячный корпус во главе с талантливым и бесстрашным генералом Массеной, который по настоянию Павла I должен был возглавить франко-русские войска. Затем объединенные русско-французские войска должны были пересечь Каспийское море и высадиться в Астрабаде. Путь от Франции до Астрабада рассчитывали пройти за 80 дней, еще 50 дней требовалось на то, чтобы через Герат и Кандагар войти в главные области Индии.

Поход собирались начать в мае 1801 года и, следовательно, в сентябре достичь Индии. О серьезности этих планов говорит маршрут, по которому когда-то прошли фаланги Александра Македонского, и союз, заключенный с Персией.

Бонапарт, которому нельзя отказать ни в уме, ни в воинском таланте, запрашивает Павла: «Хватит ли судов?», «Пропустит ли султан?» И Царь гарантирует суда и свое воздействие на Порту. Одновременно он замечает: «Французская и Русская армии жаждут славы: они храбры, терпеливы, неутомимы, их мужество, постоянство и благоразумие военачальников победят любые препятствия».

«Нельзя не признать, что по выбору операционного направления план этот был разработан как нельзя лучше, — пишет

один из крупнейших специалистов по военной истории России XVIII—XIX вв. д.и.н. С.Б. Окунь. — *Этот путь являлся кратчайшим и наиболее удобным*». Именно по этому пути в древности прошли фаланги Александра Македонского, а в 40-х годах XVIII века пронеслась конница Надиршаха.

Учитывая небольшое количество английских войск в Индии (плюс наличие в Индии французских колоний), союз с Персией, к заключению которого были приняты меры, и, наконец, помощь и сочувствие индусов, на которые рассчитывали, следует также признать, что и численность экспедиционного корпуса была вполне достаточной.

Павел I был уверен в успешном осуществлении франко-русского плана покорения Индии. Напомню, что 2 февраля 1801 года в Англии пало правительство всемогущего Питта. Европа замерла в ожидании великих событий. Никогда раньше Россия не имела такого могущества и авторитета в международных делах. «Этому царствованию принадлежит самый блестящий выход России на европейской сцене», — признает Ключевский. И вдруг с далеких берегов Невы приходит потрясающая весть — император Павел I мертв.

Англия — спасена!

Узнав о случившемся, Бонапарт пришел в ярость. *«Они промахнулись по мне в Париже, но попали в меня в Петербурге!»*, — воскликнул он. «Они» — это англичане. В Париже были уверены в причастности Англии к трагедии, случившейся в Михайловском замке. И позже, на острове Святой Елены, вспоминая об убийстве Павла I, с которым он установил дружеские связи, Наполеон Бонапарт всегда начинал с имени посла Уитворта. И не без оснований.

Англия была спасена, и история Европы пошла по другому пути. Не будь этой трагедии — не было бы полутора десятилетий всеевропейских войн, не было бы Аустерлица, Ваграма, Фридланда, Бородино и битвы народов под Лейпцигом. Не было бы пожара Москвы, сотен тысяч, если не миллионов жертв с русской, французской и иных сторон. В союзе две великие державы сумели бы обеспечить Европе долгий и прочный мир.

Август Коцебу: *«Последствия доказали, что он — Павел — был дальновиднее своих современников в проводимом им курсе внешней политики... Россия неминуемо почувствовала бы благодетельные ее последствия, если бы жестокая судьба не удалила Павла I от политической сцены. Будь он еще жив, Европа не находилась бы теперь в рабском состоянии. В этом можно*

быть уверенным, не будучи пророком. Слово и оружие Павла много значили на весах европейской политики».

Русское безумие и английское золото

Павел I пал жертвой худшей части гвардии и придворных, недовольных проводимыми им реформами. Немалую роль здесь сыграл посол сэра Чарльз Уитворт и «английское золото». Отметим, что именно Уитворт является автором «безумия» Императора Павла.

Уже в марте 1800 года, когда Павел отвернулся от Англии, Уитворт в секретной депеше писал своему правительству: *«...мы должны быть приготовлены ко всему, что бы ни случилось. Но факт, хотя я с сожалением сообщаю, — что император буквально не в своем уме. Уже несколько лет это известно ближайшим к нему лицам, и я сам имел несколько случаев за этим наблюдать. С тех пор, как он вступил на престол, его умопомешательство постепенно усиливалось и в настоящее время приводит каждого в сильнейшее беспокойство.*

В этом-то и кроется роковая причина многого, что случилось, и к той же причине мы должны будем отнести и новые сумасбродные выходки, какие, может быть, нам придется оплакивать.

Император не руководится в своих поступках никакими определенными правилами или принципами. Все его действия суть последствия каприза или расстроенной фантазии, стало быть нет и не может быть ничего верного.

По причинам, слишком посторонним, чтобы их объяснить, я прилагал все усилия, как можно далее устранять эту роковую причину всех наших обманутых ожиданий.

Я никогда ни на минуту не терял из виду огромной важности извлечь из его характера всевозможные для нас выгоды и хранил замкнутыми в своей груди тревожные опасения, сопровождавшие все мои труды.

Но, как бы то ни было, истина должна быть открыта, наконец.

Мы должны знать, от чего зависят наши дела, но в то же время мы не должны забывать, что император, каков он ни есть, самодержавный владетель могущественной, связанной природою с Англией империи, из которой исключительно мы можем добывать средства для поддержания первенства нашей морской силы».

Как пишет в своем исследовании об Императоре Павле историк Евгений Шумигорский, «в Лондоне не только знали о готовящемся заговоре на жизнь императора Павла, но даже

способствовали успехам заговора деньгами. Многие современники были убеждены в этом, но, разумеется, документальных данных отыскать нельзя, тем более что о секретных делах в Англии министры, даже при смене, передавали друг другу на словах. Светлейший князь Петр Васильевич Лопухин, сестра которого была замужем за сыном Ольги Александровны Жеребцовой, утвердительно говорил, что Жеребцова получила в Англии уже после кончины Павла два миллиона рублей для раздачи заговорщикам, но присвоила их себе. Спрашивается, какие же суммы были переданы в Россию ранее? Питт, стоявший тогда во главе английского министерства, никогда не отказывал в субсидиях на выгодные для Англии дела на континенте, а Наполеон, имевший бесспорно хорошие сведения, успех заговора на жизнь императора Павла прямо объяснял действием английского золота».

Убийцы Павла I были бесконечно ниже его умом и характером, но они ославили свою жертву «полубезумным тираном», и никто им не возражал. Слухи о его «странностях» и «жестокостях» в большинстве своем исходили из уст людей, стремившихся или оправдать убийство императора, или хотя бы с ним примириться. «Он осужден своими убийцами — осуждая его, они оправдывали себя!» А правительство целое столетие ревниво оберегало память Императора Александра I в ущерб памяти его отца.

Но самое страшное, что убийство Императора Павла вновь свернуло Россию с верного пути Высшей Стратегии, в терминологии генерала Вандама, на который наша страна не вернулась по сей день. А героическую Русскую Армию ввергло в ряды *английских лохов* — и в наполеоновских войнах, и в роковой для судеб христианских империй Первой мировой войне.

Император Павел вместе с Наполеоном Бонапартом могли поставить крест на могуществе Мирового Острова, под пятой которого мы ныне находимся.

«У меня никогда не было интересов, противоположных интересам России»

До конца своей жизни Наполеон сожалел о своем погибшем союзнике. Уже будучи на острове Святой Елены он говорил об этом своему верному биографу графу де Лас Казу (сохранилась запись от 7 августа 1816 года):

«...В конце этой беседы император завел разговор о русском императоре Павле. Он рассказал о вспышках гнева, вызванных у того вероломством английского кабинета министров. Павлу

была обещана Мальта, когда англичане овладеют ею, и, соответственно, Павел с нетерпением ожидал, что он будет реально грессмейстером Мальты.

Мальта была покорена, но английские министры отрицали, что обещали ее Павлу. Достойно доверия сообщение о том, что, прочитав эту бесстыдную ложь англичан, Павел был настолько возмущён, что, схватив депешу английских министров, на глазах у всех членов своего правительства шпагой проткнул её насквозь и приказал отправить ее обратно в виде его ответа.

«Если это было актом безумия, — заявил Наполеон, — то следует признать, что это было безумие благородной души: так выражает негодование добродетель, которая неспособна подозревать о подобной подлости».

В то же время, английские министры, обговаривая с нами условия обмена военнопленными, отказались включить в их число русских военных, взятых в плен в Голландии и воевавших на стороне англичан.

«Я был охвачен душевным состоянием сродни состоянию Павла. (Я угадал тип характера Павла. И схватил фортуна за волосы). Я воспользовался благоприятным моментом, собрал этих русских, взятых нами в плен, снабдил их одеждой и безвозмездно отправил обратно на их родину. С этой минуты благородное сердце Павла было предано мне полностью, а так как у меня никогда не было интересов, противоположных интересам России, и так как я никогда не говорил ни о чем другом, как только о справедливости и верных жизненных принципах, то не было никаких сомнений в том, что впредь Петербургский кабинет был бы моим союзником. Наши враги почувствовали опасность, и великодушие Павла оказалось для него роковым. Дело могло обстоять именно так, ибо существуют кабинеты министров, для которых нет ничего святого».

Слова Императора французов: «У меня никогда не было интересов, противоположных интересам России», — дорогого стоят. Они показывают, что война 1812 года была, по сути, жестом отчаяния со стороны Наполеона. Поскольку Англию, не желавшую заключить мир с наполеоновской империей ни на каких условиях, можно было сломить только континентальной блокадой с непременным участием России. Об этом и была речь и в Тильзите, и при других переговорах Наполеона с Александром. Но в отличие от отца, сын значительно менее верно понимал истинные геополитические интересы России, а скорее всего был под давлением тех кругов, что и осуществили убийство Павла. Есть свидетельства, что и Александр после Тильзита стал получать угрожающие письма.

Всё это лишний раз подтверждает слова того же Вандама, что война 1812 года, как и остальные наполеоновские войны были и для России, и для Франции, да и для всей континентальной Европы, сплошным недоразумением. Недоразумением, захлестнувшим на шею Европы удавку английского морского могущества.

Император-мученик

Жизнь и смерть Императора Павла от рук клятвопреступников и изменников — явное свидетельство его мученичества за любовь к Богу, России и русскому народу. Голгофа Императора Павла напоминает верному сердцу Голгофу других Царственных Мучеников — Императора Николая и его семьи. Характерно, что и количество клеветы, до сих пор продуцируемых в адрес этих Богом данных, лучших в русской истории государей, также, как минимум, сравнимо.

Князь Николай Жевахов писал в воспоминаниях: *«Отношение императора Павла I к Церкви было таково, что только революция 1917 года прервала работы по его канонизации, однако сознанием русского народа император Павел давно уже причислен к лику святых. Дивные знамения, благоволения Божия к праведнику, творимые Промыслом Господним у его гробницы в последние годы перед революцией, не только привлекали толпы верующих в Петропавловский собор, но и побудили причт издать целую книгу знамений и чудес Божиих, изливаемых на верующих молитвами благоверного императора Павла I».*

В приближении 220-й годовщины мученической смерти Государя Павла Петровича остается надеяться, что этим сознанием проникнется и Священноначалие Русской Православной Церкви. И данной ему Господом властью совершит чаемый нами акт причисления благоверного Государя Павла Петровича к лику святых царей «За Христа, Россию и русский народ» душу положивших.

ПОРТСМУТСКИЙ МИР: ИСТОРИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

115 лет назад, 5 сентября 1905 г. в г. Портсмуте (США) был подписан Мирный договор, который подвёл черту под Русско-японской войной. В советской, да и в современной историографии этот договор считается признанием безоговорочного поражения России.

В самом деле, по договору Россия обязалась отдать Японии южную половину Сахалина, уступала ей право на аренду Квантунского полуострова с Порт-Артуром и Дальним, передавала без оплаты южную ветку Южно-Манчжурской железной дороги. Кроме того, Япония обогатилась большими военными трофеями — кораблями, взятыми в плен или затопленными у берегов Чемульпо, Порт-Артура и Сахалина.

Однако на фоне первоначальных требований японцев — отдать весь Сахалин, выплатить контрибуцию в 1,2 млрд. иен и отдать все корабли, интернированные в третьих странах, — окончательная редакция договора выглядела как большой успех российской делегации во главе с председателем Кабинета министров С.Ю. Витте. За этот успех он был возведён императором Николаем II в графское достоинство. (Правда, вскоре же



злые языки прилепили Сергею Юльевичу кличку «граф полусахалинский».)

Что же предшествовало Портсмуту? Во второй половине XIX века на ослабленный Китай, как стая волков, набросились империалисты Англии, Франции, Голландии, Германии, США и др. стран, захватывая его экономические ресурсы и безжалостно эксплуатируя население. Отставшие от них транснациональные дельцы из России решили наверстать упущенное и подчинить своему влиянию менее населённую, но более близкую Манчжурию, а заодно и Корею. Подчеркнём — не русские предприниматели (им хватало дел в самой России), а, прежде всего, крупные финансисты, среди которых этнических русских было не густо. Дорогими подарками и крупными взятками (например, включением в состав правления своих банков и компаний) они купили многих влиятельных чиновников правительства, в том числе и некоторых высокопоставленных военных. «Их человеком» был и Витте.

Ещё в 1896 г. он, будучи министром финансов, распорядился создать Русско-Китайский банк. Под давлением тех же финансовых кругов правительством была построена КВЖД (Китайская Восточная железная дорога), напрямую, через Манчжурию, связавшая Транссибирскую магистраль с Владивостоком в ущерб экономическому освоению собственных территорий — Забайкалья, Приамурья и Приморья (Манчжурия сулила больше прибылей!). Под их давлением Россия взяла в аренду Квантунский полуостров с Порт-Артуром и провела к нему от Харбина Южно-Манчжурскую железную дорогу. Вся эта активность вела к неизбежному столкновению с Японией, имевшей свои интересы в этом регионе. Это столкновение и привело к войне 1904—1905 годов.

Ни русскому народу, ни Государству Российскому война была не нужна. Она была нужна внутренним и внешним врагам России, давно лелеявшим план свержения монархии. Военные кредиты японцам и, одновременно, огромные деньги «русским» революционерам поступали из одних и тех же международных источников, например, от Я. Шифа (американский банк «Кун, Леб и Ко», принадлежавший клану Ротшильдов). Поэтому не приходится удивляться, что во время войны «русские» либеральные газеты открыто желали поражения Русской армии (почти то же повторилось в наше время в период боевых действий в Чечне). Не приходится также удивляться, что вслед за войной разразилась и первая «русская» революция.

И всё-таки насколько же серьёзное поражение потерпела Россия? Ну да, была Цусимская трагедия, страна потеряла

значительную часть своего флота, в том числе почти весь Тихоокеанский. Это все знают ещё со школьной скамьи. А сколько же в общем итоге? А в общем итоге Россия потеряла 270 тыс. человек военнослужащих, из них 50 тыс. убитыми. Япония — тоже 270 тыс., но из них 86 тыс. убитыми. Сопоставление этих цифр никак не убеждает в победе японцев.

Может быть, наши солдаты безостановочно отступали и сдавали одну русскую территорию за другой? Тоже нет. Боевые действия вообще проходили за пределами России, а сухопутные войска действовали с большим успехом. Более того, Русская Армия сохранила высокий боевой дух, она могла и была готова продолжать войну, несмотря на бездарное командование генерала А.Н. Куропаткина, который отдавал приказы к отступлению, когда инициатива была за русскими войсками или когда исход боя был не ясен.

В японской же армии началась деморализация. Упадок духа не только в войсках, но и в самой Японии отмечали многие иностранные наблюдатели. Он сквозил и в неотправленных письмах с фронта, взятых у пленных японских солдат. Для продолжения войны у японского государства (несмотря на поддержку почти всех стран Запада) практически не оставалось военных и экономических ресурсов, в то время как «поражение» в войне не поколебало даже курса русского рубля. Поэтому откровенное предательство генерала А.М. Стесселя, сдавшего порт Дальний с артиллерией, вооружением и боеприпасами и сдавшего осаждённый Порт-Артур при полной возможности продолжать оборону, а затем «миролюбивая» инициатива правительства Витте, тоже похожая на предательство, оказались японцам как нельзя кстати.

Всё становится на свои места, если вспомнить, что сам Витте и некоторые члены его кабинета были тесно связаны с международными масонскими кругами. Задача этих кругов, управляемых мировой «закулисой», оставалась и до сего дня остаётся неизменной, а именно — максимальное ослабление и последующее уничтожение Русского государства.

Спустя ровно 40 лет после Портсмута, почти день в день, Русский солдат восстановил статус-кво на Дальнем Востоке. Но тогда в России (СССР) было правительство национальных интересов, а не национального предательства. Нынешнее правительство периодически заводит переговоры с Японией по поводу пресловутого «мирного договора», подразумевающего отдачу части русской территории — и тоже просто так, без военного поражения и даже без угрозы войны. История, увы, повторяется!

Геннадий БЕЛОВОЛОВ,
протоиерей

ЧЕМ ГОРДИТЬСЯ РУССКОМУ ЧЕЛОВЕКУ?

В последнее время мы много говорим о патриотизме, но эти рассуждения напоминают больше бросание камешек по воде. Всё скользит по поверхности. Нет глубокого проникновения и анализа содержательной стороны патриотизма. Если спросить современного патриота, что такое патриотизм, последует стандартный ответ — любовь к Родине. Но что же ты в ней любишь? Что для тебя Родина? Чем ты гордишься в ней и в её истории? Эти вопросы могут вызвать затруднение.

Опрос Левада-Центра предлагает нам определиться и конкретизировать: что мы любим в нашей Родине? По сути, это социологический опрос на тему известной песни «С чего начинается Родина?»

Действительно, мы не часто задаёмся в повседневной жизни вопросом, чем я горжусь в истории России? Я также сам себя спросил: чем я горжусь?

Как христианину мне трудно отвечать на этот вопрос о «гордости» чем-либо. Гордость — не христианская добродетель. Гордиться — значит кичиться, превозноситься чем-то над другими, любить



СИМВОЛ ВЕРЫ

что-то вопреки другим и в итоге считать себя выше других. Гордость за Родину должна быть смиренной. Скорее, необходимо говорить о том, что мне дорого в России, что я ценю в ней, что меня восхищает в России-матушке.

Ожидаемо было, что граждане России гордятся победой в Великой Отечественной войне. Эта тема стала культовым фундаментом современного патриотизма. Ни о чём так много не говорят в СМИ и на ТВ, как о Победе в Великой Отечественной войне, особенно накануне юбилеев. Празднования юбилеев растягиваются на целый год и становятся главными событиями года. Страна живёт в режиме от юбилея к юбилею. Чествование Победы приобретает культовые черты с шествием «Бессмертного полка», торжественного Парада и ночного салюта. Я также отдаю долг памяти Победе в Великой Отечественной войне. Но вместе с тем у меня возникает мысль: а почему столь же масштабно не празднуются другие Победы нашей истории? Чем, скажем, Куликовская битва менее значима? Почему незаметно проходят даты Бородинского сражения или Полтавской битвы? А ведь если бы Дмитрий Донской не разгромил Мамаю, была бы Русская земля? Какое государство было бы тогда на территории нынешней Российской Федерации?

Пусть в Куликовской битве было задействовано меньше войск и было меньше жертв, чем в Сталинградском сражении, но её судьбоносная значимость была не меньшей. Стояние на Угре, походы Иоанна Грозного, виктории Петра Первого, морские победы Екатерины Великой — без всех этих побед не было бы Великой России, без Куликова поля и Полтавы не было бы и взятия Берлина в 1945 году. Но юбилеи этих славных побед не празднуются столь же масштабно. Большинство граждан не смогут назвать даже их даты. Наша «гордость» сводится к одной победе. Я понимаю её значимость, но вопросы остаются.

Кстати, в годы войны это прекрасно сознавали. Идеология Победы в Великой Отечественной строилась на наследии Александра Невского, Дмитрия Донского и даже Иоанна Грозного (неслучайно перед войной был снят фильм об этом Царе). Были учреждены государственные награды в честь героев русской истории. Эта победа стала продолжением других великих и славных побед. Патриотизм должен быть основан не на одной победе, но на идее народа-победоносца. Мы народ не одной победы. Вся наша история — это история побед, несмотря на поражения. Иначе нас не было бы.

Победоносность российской истории должна быть основой нашего патриотизма. Мы наследники всех побед наших

отцов. Наши предки сражались во всех сражениях. Лозунг «Никто не забыт и ничто не забыто» должен касаться всей нашей 1000-летней истории.

Не вызывает никаких вопросов гордость за полёт в космос. Юрий Гагарин и Алексей Леонов — наши космические богатыри, предмет нашего восхищения навсегда. В этом вопросе нас никто и никогда уже не опередит. Первое место в космосе навсегда закреплено за русским человеком. Думаю, что со временем первый полёт человека в космос будет осознаваться всё более и более значимым событием.

Что же лично у меня вызывает восхищение в России, что меня греет и что для меня является предметом моей тихой сокровенной радости и благоговейного почитания или «гордости»? Прежде всего, сам факт, что я здесь родился, что я живу в столь великой и необычайной стране, что я умру и буду лежать в русской земле. Я знаю, что Россия моя жизнь и моя судьба. Для меня предмет глубокого почитания — и Победа в Великой Отечественной войне, и полёт в космос, и подвижничество святых, и присоединение Крыма. Но если задуматься, все эти моменты являются проявлением одной сущности — русской души! Да, таинственная русская душа — главный исторический персонаж и главный герой русской истории.

Все наши победы — производные от русской души! Мы победили, потому что у нас нестигаемая и жертвенная русская душа. Фашисты наткнулись в России на русскую душу. Другие страны немцы прошли, даже не заметив их сопротивления, а русскую душу не смогли одолеть. Вот теперь европейцы и боятся русских и от страха иррационально вводят санкции против нас. Пресыщенный Запад трудно чем-то удивить, но его уже много веков удивляет загадочная русская душа, которую на Западе до сих пор так и не разгадали.

Что же нас самих должно восхищать в нашей загадочной душе и в нашей непонятной истории? Прежде всего русская душа создала свой особый язык самовыражения — «великий и могучий» **русский язык**. Он должен быть предметом нашей общей гордости. Как филолог я изучал разные языки, в университете европейские и славянские, в семинарии и аспирантуре — древнегреческий и латынь и могу ответственно сказать, что русский — это уникальный язык, на котором можно выразить глубочайшие мысли, тончайшие оттенки чувств, передать самые разнообразные переживания. Это чудо человеческой культуры. Русский язык — богатейший язык на земле. Это наше национальное богатство. В русском языке необычайное раздолье слов, богатейшая синонимия и при этом чрезвычайная грамматическая свобода. Русский

язык не заставляет выстраивать слова в предложении в определенном порядке, можно свободно переставлять слова, опускать подлежащие и сказуемые, и даже менять ударения. К примеру, в английском языке существует, по сути, только одно слово для обозначения понятия «друг» — «френд». А у нас на этот случай целый букет слов: знакомый, приятель, товарищ, друг, брат, дружище, братан. Почему в нашей речи так много слов? Язык свидетельствует о богатстве русской души. Можно сказать, «от избытка слов глаголет душа».

Без такого языка невозможна была бы наша **великая русская литература**. Именно в ней выразилась русская душа. Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой стали её достойными устами. Русская литература соединила русскую душу и русский язык. Русская литература — предмет нашей законной национальной гордости. И в XX веке русская литература держит планку. Шолохов, Булгаков, Платонов — гении, которых ещё предстоит открыть миру. В силу нашего смирения мы подчас не лезем на пьедестал. Наши гении чуть позже открываются человечеством, чем европейские имена.

Разве можно не восхищаться **русской музыкой**? Чайковский, Мусоргский, Рахманинов. Нашу музыку слушает весь мир и понимают все народы без перевода.

Душа зиждется на вере. **Православие** с его постным аскетизмом и пасхальной праздничностью, евангельским смирением и державной мощью, золотом куполов и рубищем подвижников — краеугольный камень русской души, без которого она рушится. Я не могу сказать, что я горжусь тем, что я православный, иначе я тут же перестану быть таковым, ибо гордость — не христианское чувство. Но мы должны радоваться и благодарить Бога, что мы православные. Православие сформировало нашу русскую душу! Надо понимать, что если бы не было Православия, не было бы и русской души в её настоящем образе! Наша русская душа так загадочна только по причине благодатной тайны Православия. Об этом поётся в сербской песне, ставшей уже и нашей народной песней: «Вера вечна, вера славна, вера наша православна». У нас множество святых, потому что русская душа стремится к святости и свою страну назвала необычайным именем — Святая Русь.

Русская душа воплотила свою волю в **русских государях**: великих князьях, благоверных царях, самодержавных императорах, христолюбивых военачальниках. Благодаря этой воле было создано самое большое и самое многообразное государство на земле. Русь изначально еще во времена Рюрика была основана как большое государство от Белого до Черно-

го морей, и она сохранила своё великое призвание в течение всей своей истории. Даже в нынешнем усечённом виде после «перестройки» и краха СССР мы всё равно остаемся самым большим государством на Земле. Но разве государство само по себе создавалось и собиралось? У нее были державные строители — это прежде всего русские Цари, которые вызывают у меня неподдельное восхищение! Здесь я могу сказать, что горжусь ими — их масштабом мышления, беззаветной любовью к России и русскому народу, неутомимым трудолюбием, небесным полётом их души. Именно царская Россия дала разбег для полета русского человека в космос. Только великие Цари с русской душой могли создать такое великое государство. В них мы находим чувство нашего собственного достоинства, радости и восхищения Россией. Россия — это царский проект, результат симфонии Церкви, царя и народа. Невозможно не восхищаться нашими великими царями, и из этого происходит наша вера, что их дело не останется в будущем без продолжения.

Необъятность России делает её непобедимой. Невозможно захватить такую страну, у которой, как поет Игорь Растеряев, «нет границ, а есть только горизонт». Мы раздвинули наши границы от океана до океана, потому что наша душа необъятна, она вмещает в себя и донские степи, и северные леса, кавказские горы и сибирскую тайгу. Эти необъятные просторы просто соответствуют масштабу русской души. Мы в космос полетели, ибо нашей душе тесно на земле, и она рвётся космос.

Достоевский говорил о всемирной **отзывчивости** русского человека. Другие народы спокойно живут на склонах Альп, а нашему народу-непоседе больше всех надо. Освоили русский Север, дошли до Белого моря, потом пошли за Урал, в Сибирь, не испугали ни топи, ни болота, ни тундра, ни тайга, ни комары. Дошли до берега Тихого океана, до Камчатки и даже до Аляски. Думаю, дошли бы и до Техаса, добрались бы и до Южной Америки, но, к сожалению, американцы перекупили у нас Аляску.

Наша необъятность, наш полёт души рождает и высокие риски потери координат. В нашей безоглядности есть историческая опасность: мы можем сбиться с пути, увязнуть в болоте, прийти в тупик. Кто высоко взлетает, может и больно упасть. Если уж мы чем-то увлекаемся, то, как говорил Достоевский, доходим до ручки. К сожалению, так получилось с коммунизмом. Из-за этой сказки о рае на земле, увлекшей несколько поколений русских людей, нас понесло в пропасть. В Европе тихо почитали Карла Маркса в кабинетах и

поставили пылиться на полках. А мы со своим полётом души как въехали в эту тему, так чуть было не воплотили в жизнь эту утопию, чуть было не потеряв саму свою душу. Кабинетная теория Маркса в России стала религиозной доктриной: люди именно уверовали в коммунизм и стали с остервенением строить рай на Земле. Если бы Маркс увидел, что построили в Советском Союзе по его книге, то он бы не поверил своим глазам: я такого не писал. Понадобилось 70 лет, чтобы научиться на собственных ошибках. Но это всё от нашей неоглядной, вечно ищущей и мятущейся, рвущейся за горизонты русской души.

Но русская душа имеет чудесный механизм самосохранения и самовосстановления. Он заключается в **Пасхе Господней**. Чудо Воскресения Христова уверяет нас в том, что мёртвый может стать живым, что даже из гроба можно восстать. Нигде в мире Пасха не почитается так, как в России. Это наш главный праздник, наш главный день победы, «праздников праздник и торжество из торжеств» — царь-день Русской земли. Пасха — это наше всё, не только главный, но и единственный праздник в году, который мы празднуем все. Мы верим в Воскресение! Христос воскрес — наш самый краткий символ веры. Если Христос воскрес, Он может всегда воскресить и матушку Россию, в каком бы тяжелом состоянии она ни была, пусть даже она лежит во гробе и её недруги справляют по ней поминки, она в самый неожиданный момент восстаёт живой. В истории России мы видим не одно такое воскрешение, когда она, казалось, умирала и в 250-летнее татаро-монгольское иго, и в Смуту, и в революцию, и в «перестройку», но вновь и вновь воскресала чудесным и неведомым другим народам образом. Мы верим, что бы ни случилось с Россией — она всегда воскреснет со Христом.

Русская душа, её вера, её святые, её язык, её слово, её песня, русская Пасха, русские цари, русская женщина — вот предмет нашей радости, восхищения и смиренной гордости. Это мы, это наше. И будут и Победы, и космос, и Крым, и святые, и на Марс ещё полетим.

Виктор МАКСИМОВ,
настоятель храма св. вмч. Георгия Победоносца,
п. Белоногово

ЦЕЛЬ И СМЫСЛ ЖИЗНИ

Что происходит? Куда катится мир? В мировую войну? В супертоталитаризм? Подобные вопросы раздаются со всех сторон, и разные говорящие головы, политологи дипломированные и домашние предлагают разные меры спасения человечества или хотя бы народа своей страны. Но все политические рецепты спасения никогда не посягают на главное — на цели и смыслы жизни современного человека.

Например, все страны, все политические деятели и просто чиновники демонстрируют бурную деятельность по спасению от коронавируса тех 0,8 процента от числа заболевших, которые умирают. При этом ущемление прав человека путем карантинных, саморегистрации посещений всех мест или путем самоизоляции вполне считается оправданным такой высокой целью. В то же время от абортов гибнет в десятки раз больше людей, младенцев, которые могли бы еще долго жить и приносить пользу обществу (если уж вы так печетесь о пользе для общества). Но никакой бурной деятельности по спасению младенцев не наблюдается. На-



СИМВОЛ ВЕРЫ

оборот, стоит только заикнуться о государственном запрете абортов, как правозащитники начинают вопиать о нарушении прав человека, прав женщины!

Права содомитов и прочих ЛГБТ уже защищены законами, а право младенца родиться и жить легко приносится в жертву. Почему?

Это только наиболее заметные примеры, которые еще сохраняют свою свежесть. Но существует множество других «прав», которые также внушены человеку дьяволом и которые находятся под защитой государственной власти.

Сатанизм — это не «чёрные мессы», не ритуалы жертвоприношения, не разрисованные физиономии и ведьминские пляски. Это **цель жизни**, это смысл жизни, которые сатана внушает человеку. Власть сатаны опирается на свободную волю человека, на его выбор.

Ах, это сладкое слово «свобода»! В самом начале человек выбрал свободу — свободу от Бога, от Его запрета. Нельзя есть с этого древа? А почему нельзя? А может, этот ползучий гуманист-демократ прав? Может, Бог правда не хочет, чтобы мы сами стали богами? Съели, богами не стали, а стали смертными, как и предупреждал Бог.

Казалось бы, вот вам урок, не доверяйте дьяволу. Но нет! Его советы и цели, которые он внушает, всегда кажутся проще, понятнее, надежнее...

В.Ю. Катасонов в статье «Каинитская цивилизация и современный капитализм» верно подметил, как идет в истории процесс роста «пшеницы» и «плевел». Хочется уточнить, что разделение происходит не только и не столько на сынов Царства Божия и сынов лукавого, разделение это внутри каждого из нас. Потому мы и смертны, что «семя тли» есть в каждом, как и семя Божие, — образ Божий есть в каждом. И каждое семя растет, создавая свое древо, свою цивилизацию.

В разные эпохи доминирует то одно древо, то другое. Еще отец русской и американской социологии П.А. Сорокин в середине прошлого века писал о том, что исторический маятник качается от идеационной культуры к чувственной и обратно.

Со времени Возрождения (язычества) маятник пошел в сторону чувственной культуры. Современный гуманизм-либерализм идет оттуда, из эпохи Возрождения. Пока не всякому взору заметно, что гуманизм-модернизм-либерализм уже завел человечество в тупик. Даже если не иметь в виду тех, кто далее сего дня и не пытается смотреть. Сами же либералы-глобалисты, наоборот, уверены в близком всемирном торжестве своей идеи, которая принесет мир и безопасность. И

им не докажешь, что как раз в то время, *«когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами имеющую во чреве, и не избегнут»* (1 Фесс. 5:3).

Суть обмана в том, что чувственная культура понимает прогресс как рост производства материальных благ и комфортного существования. А то, что при этом происходит регресс системы воспроизводства самого человека, его личности, его высшей силы — силы духа, воспринимается как побочное следствие, не очень важное. **Между тем, для кого-то этот «побочный эффект» и есть цель истории.**

Не будем более поминать Каина и Авеля, вспомним начало экономики. Разделение труда появилось естественным образом, поскольку в разных местах росли разные овощи-фрукты, водились разные звери и рыбы. Племена обменивались избытками продуктов, не пытаясь сравнивать их ценность. Обмен продуктами труда — это и есть способ интеграции разделенного труда. Первобытный обмен был основан на **доверии доброжелательности.**

Но сатана внушил мысль, что обмен должен быть равноценным. А как посчитать эту ценность? Как посчитать стоимость? Никак. Для племени, живущего на нефтеносных слоях, нефть не имеет особой цены — ну, просто земляное масло для факелов! А для племени, которое научилось перерабатывать нефть, ее стоимость весьма высока. Какой обмен будет равноценным? Стекланные бусы на сотню бочек нефти — это ведь вполне справедливо!

Рынок основан на обмане. Рыночный обмен — это тоже неравноценный обмен, но он основан на **недоверии и недоброжелательности.** Разница — в отношении человека к человеку. Человек человеку становится не друг и помощник, а конкурент и, в конце концов, враг.

А уж если стоимость стала **целью** всей хозяйственной деятельности, то не удивительно, что отношения людей, да и сама их жизнь отошли на второе-третье-десятое-последнее место.

Например, кто из людей планировал уничтожение семьи как социального института? В каких-нибудь протоколах каких-нибудь мудрецов-жрецов это было записано? Нет. Но процесс уничтожения семьи шел и идет последовательно и целенаправленно. Значит, кто-то им все-таки управляет.

Теперь, когда направленность исторического процесса стало невозможно скрывать, появилось очень много попыток истолковать исторические тенденции. И очень много неправды во многих толкованиях. Всё более очевидным становится, что историческим процессом кто-то управляет, имея какую-

то цель. Но далеко не всем понятно, кто управляет и какую цель преследует.

Материалисты учили нас, что главной движущей силой истории является развитие производства материальных благ. Но это ложь. Главное — это **способ воспроизводства самого человека**. Ибо качество личности зависит именно от этого, а от качества личностей зависит всё остальное, в том числе и производство материальных благ. В известной статье «Конец истории» американский философ французско-японского происхождения Фрэнсис Фукуяма писал, что по мере удаления совести из числа регуляторов социального поведения обществу приходится всё более увеличивать транзакционные издержки, которые, по сути, есть плата за рост взаимного недоверия и вражды. Вот результат прогресса производства средств жизни и регресса системы воспроизводства самой жизни — самого человека.

Человек — это коллективное живое существо. И система его воспроизводства сложна, коллективна. Семенем цивилизации является *личность* — будь то Конфуций, Гаутама-Будда, Моисей, Христос, — а «деревом», вырастающим из этого семени, является общество с его ветвями — социальными институтами.

Социальные институты, начиная с простейших кар и награды, работают «на конечный результат» — на воспитание личности, похожей на личность-семя. Если с помощью военных и экономических диверсий ломать эти социальные институты, то «социальная ДНК» все равно их восстановит. Цивилизация, как всякая система, сама себя сохраняет.

Другое дело, если **вмешаться в процесс воспитания личности**. Новые поколения, выросшие с отклонениями от образца, будут менять под себя и социальные институты. Если не прекращать вести «воспитательную работу» извне (из другой цивилизации или из нечеловеческой воли — от сатаны), то следующие поколения еще более изменят свои социальные институты. Таким образом можно достичь даже того, что цивилизация-жертва просто будет вымирать с полным убеждением, что живет все лучше и лучше.

Каким образом менялась система воспроизводства человека в Большой Европе, в христианских странах? Процесс ее разрушения начался эпохой Возрождения (возрождения язычества!), начавшей торгово-промышленную революцию. Этот процесс и начал гуманизм, поставивший себе цель вытеснить христианство.

Большая христианская община, которая воспроизводила христианский идеал, воспитывала личность христианского

типа, стала разрушаться, ей на смену пришла нуклеарная семья, в которой всего два поколения — родители и дети. Но и этого мало. Гуманизм предложил женщинам: «Освободитесь!» (Эмансипация — от фр. «освобождение».) От кухни, от детей, от «семейного рабства»! Чем вы хуже мужчин?! Получайте образование, делайте карьеру! Зачем? Ну как же! Ради комфорта и удовлетворения амбиций.

Эмансипация и связанные с ней «права» — право на развод, право на аборт — привела к разрушению уже и нуклеарной семьи. Браки стали распадаться всё больше и больше, срок жизни нуклеарной семьи сокращался до двух-трех лет. Теперь новый идеал: вовсе не регистрировать браки — а зачем, всё равно разводиться! Тем более что государство (гуманистическое и демократическое) ввело льготы для матерей-одиночек. Выгоднее быть замужем, но числиться матерью-одиночкой.

В результате воспитание детей вовсе ушло из-под контроля традиционного общества, теперь воспитанием занимается интернет и школы, государство. А государство внемлет советам первого гуманиста-глобалиста: нельзя доверять воспитание детей таким родителям, чему они их научат! Надо отдать специалистам. И вообще, защитить детей от произвола родителей, введя ювенальную юстицию! Т.е. отнять детей от родителей. Таким образом, обрывается последняя нить, связующая современного человека с христианским прошлым. (Обратите внимание: всё это началось именно в бывших христианских странах, языческий Восток главного гуманиста-глобалиста не очень заботит.)

Новейшие «достижения» прогресса, такие как законодательное утверждение права на однополые браки, сексуальное просвещение детей с младшего школьного возраста, ювенальная юстиция, позволяющая отнимать детей у родителей, а также технологии экстракорпорального оплодотворения и внематочного выращивания (в искусственной матке) эмбрионов — имеют явную цель оторвать «производство» детей от семьи, от родителей. Семья объявлена «устаревшей», она не дает «нужного» качества личности.

Вместе с семьей у человека отнимается последняя возможность воспитывать способность к любви. Секс — пожалуйста, удовольствия — пожалуйста. Но не любовь. Наиболее чистая любовь — это любовь к детям и старикам. Именно она и изгоняется в первую очередь.

Спрашивается: почему? Чем так не угодила любовь князю мира сего? Тем, что она неуправляема. Ради любви человек и жизнь свою отдаст — ничем его не подчинишь. Любовь сво-

бодна по своей сущности, она не нуждается ни в чем, она питает себя сама. Ведь Бог и есть Любовь — так открыл нам Сын Божий.

В противоположность любви всеми средствами теперь насаждается, культивируется гордость. Вот она легко управляема, легко предсказуема. Как и корысть. Как сластолюбие. «Любите себя», «Берите от жизни всё — ведь вы этого достойны!» Гордость не насыщается ничем, поэтому потребляет, потребляет, потребляет... Но ведь и экономика, нацеленная на стоимость, как раз этого и требует: потребляйте, потребляйте. Это ваш смысл жизни, так повелел сатана.

Кто-то спросит: что же делать, я же не могу изменить цивилизацию, в которой родился?! Не можете. Но изменить цель и смысл своей жизни — можно. Тогда начнутся и глобальные изменения.

НЕОПРОВЕРЖИМЫЕ ЦИФРЫ И ФАКТЫ

«Число заболевших коронавирусом в мире превысило 32 миллиона человек!» «Всё из-за того, что не носят маски!» «В Москве зафиксирован максимальный уровень заболеваемости за три месяца!» «Стариков нужно срочно изолировать!» «Всех посадить на «удалёнку!» «Новые ограничения вводят по всему миру!» «Нас спасёт только поголовная вакцинация!» «Необходимо запретить госслужащим выразить к ней нелояльность!»

Это лишь небольшая часть фрагментов из сообщений, разлетавшихся по информационным ресурсам осенью 2020 года. Глобальный ажиотаж вокруг коронавируса, подогреваемый средствами массовой информации с сентября прошлого года, не утихал ни на минуту. Это, на самом деле, — беспощадная гибридная война с использованием социальных технологий управления массами, о которой говорит бывший главный санитарный врач России, депутат Государственной Думы Геннадий Григорьевич Онищенко. Война уже мировая, направленная на переформатирование человечества, подразумевающее кардинальную смену образа жизни людей и смену их образа мышления.

Что же происходит в реальности? Обратимся к оперативным данным на 25.09.2020: на



ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

всей нашей планете — заболевших было 32 100 000 чел. из 7 809 320 722 чел. Это — 0.41 %. Скончавшихся — 981 000 из 7 809 320 722, т.е. — 0.01 %. В РФ заболевших было 1 136 948 чел. из 146 745 000 чел. То есть 0,77 %. Скончавшихся — 20 056 чел. из 146 745 000 чел., т.е. 0.01 %. В Москве: заболевших — 281 968 из 12 692 466, т.е. 2.22 %; скончавшихся — 5129 из 12 692 466, т.е. 0.04 %. Это абсолютные показатели, о которых не принято сообщать.

Как видим, для паники не было и нет никаких оснований. Увеличившееся в сентябре-октябре число заболевших эксперты объясняют увеличением числа тестирований. Причём, по большей части, это были так называемые бессимптомные больные, которые переносят болезнь в лёгкой форме или даже не замечают её. А сколько людей уже «бессимптомно» переболело — никому не известно...

А теперь ещё о некоторых важных данных, которые также обличают ложь СМД и перегибы в деятельности не в меру ретивых чиновников.

Известный медицинский портал Доктор Питер 22 сентября 2020 года привёл слова из доклада генерального директора НМИЦ им. Алмазова, академика РАН Евгения Шляхто. За 6 месяцев в России от COVID-19 умерли около 13 000 чел. За это же время от острого коронарного синдрома скончались 39 985 россиян, от ишемической болезни сердца — почти 261 000. **Это в 20 раз больше, чем умерших за это время пациентов «с ковидом»!** Совершенно очевидно, что «борьба с пандемией» привела к сильному росту заболеваемости и смертности от сердечно-сосудистых заболеваний (ССЗ) и других хронических недугов. Почему?

Евгений Шляхто отметил, что на смертность от ССЗ повлияли карантинные мероприятия. Причём не только напрямую, но и опосредованно — в связи с ограничениями на экстренную госпитализацию, уменьшением количества плановых вмешательств, психологическими травмами и так называемой «самоизоляцией»: *«Мы действительно столкнулись с ситуацией, когда вопросы перепрофилирования (больниц) существенно влияли на рост обращаемости, частоту инфарктов и инсультов. Но мы видим, что существенное влияние оказывала и изоляция, в которой находились особенно группы населения с факторами риска. Мы видим по ряду регионов, что изоляция пожилых людей приводила к увеличению числа пациентов, в частности с цереброваскулярными заболеваниями. Поэтому вопросы ограничительных мер должны быть очень-очень осторожными».*

Вот вам и так называемая «самоизоляция», по сути, являющаяся для пожилых людей домашним арестом. На самом деле, если человек **сам** принимает решение, то это — одно, а если его обяза-

вают замкнуться в четырёх стенах — то совсем другое! Начиная с сентября, наших граждан вновь загоняли по домам! Хотя по словам начальника службы анализа и перспективного планирования управления по реализации федеральных проектов НМИЦ им. Алмазова Светланы Виллевалде, до сих пор нет убедительных данных о том, что у пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями выше риск заразиться коронавирусом...

7 сентября 2020 года на Общероссийском семинаре в Сочи глава Росздравнадзора Алла Самойлова заявила, что из-за карантина больные онкологией, сахарным диабетом и другими заболеваниями умирали без лечения. Притом сколько умерло таких людей и скольких из них записали на коронавирус, сегодня не знает вообще никто. Статистические данные рисовались с потолка, как рассказала Самойлова.

По словам ведущего эпидемиолога России, академика РАН Владимира Петровича Сергиева, вся страна с весны прошлого года была ввергнута в **коронабесие**. Ради чего? Ответить на этот вопрос никто из чиновников не желает. Более того, после летнего послабления осенью вновь пошел разговор об ужесточении карантинных, а, по существу, — карательных мер. Уже конкретно говорят, что вскоре грядёт массовое увольнение работников, а это — безработица и новое падение уровня жизни, очередная серия банкротств и другие невзгоды.

Еще один вопрос: куда подевался коронавирус во время протестов в Хабаровске, в Белоруссии и куда пропал на черноморских пляжах?

Хабаровск был охвачен волнениями более 2-х месяцев. Порой на улицы выходили плотно соприкасающиеся между собой десятки тысяч человек. Эти шествия длились часами и завершались длительным стоянием толпы на площади...

Та же картина была в Белоруссии, где проходили массовые выступления «оппозиции». Вновь десятки тысяч людей регулярно принимали участие в несанкционированных акциях. Естественно, что в этих условиях ни о какой защите от коронавируса речь не шла. Причём в стране изначально не было жёсткого карантина: работали производственные предприятия, проводились многочисленные собрания, даже футбольный чемпионат — и тот не прекращается. А Парад Победы, проведённый А.Г. Лукашенко 9 мая 2020 года, когда на трибунах присутствовало множества народа?!

Наконец, в течение летне-осенних месяцев неоднократно показывали кадры с черноморских пляжей — от Евпатории до Керчи и от Анапы до Адлера. Как говорят, яблоку было упасть некуда. И что? Ни в первом, ни во втором, ни в третьем случае — никаких ковидов...

Поэтому в целом к ситуации с «пандемией» множество вопросов. А один из них только недавно стал достоянием общественности. Оказывается тесты на COVID-19 распространялись еще с 2017 года, когда ни о каком коронавирусе никто не задумывался...

Существует база данных WITS Trade Stat Всемирного банка, которая разработана с целью предоставления последних данных о международной торговле товарами и коммерческими услугами, а также обзора импорта и экспорта стран и регионов, тарифных и нетарифных мер.

В WITS конкретно говорится об импорте медицинских тест-наборов (код продукта 300215) по странам мира в 2017 году, включая Российскую Федерацию: *«Дополнительная информация о продукте: диагностические реагенты на основе иммунологических реакций. Категория: медицинские тестовые наборы/инструменты, приборы, используемые в диагностическом тестировании. Эти данные отслеживают ранее существовавшие медицинские устройства, которые в настоящее время классифицируются Всемирной таможенной организацией как критически важные для борьбы с COVID-19».*

Код 300215 означает: *«Иммунологические продукты, расфасованные в виде дозированных лекарственных форм или в формы, или упаковки для розничной продажи».*

Точно так же шли поставки тестов на COVID-19 по всем странам мира в 2018 и 2019 годах. Тайна, покрытая мраком... Ещё не начались разговоры об Уханьском рынке и летучих мышах, а тест-наборы для борьбы с коронавирусной инфекцией уже были запущены в производство и распространение.

Пока никакой ясности в этом вопросе не наблюдается...

Мария МОНОМЕНОВА

ЗАПРЕЩЕНИЕ РАВВИНА

Израиль стал одной из первых стран, которая решила снова вернуться к жестким карантинным мерам. Начало карантина в сентябре 2020 года совпало с празднованием еврейского Нового года. Впервые за 60 лет в этот день даже «Великая синагога» в Иерусалиме была закрыта.

Главный удар коронавирус в Израиле нанес по школам. Уже в канун праздника поступили сообщения о заражении COVID-19 нескольких десятков учеников Еврейской гимназии в Иерусалиме, а затем стали поступать сведения о случаях заболевания детей в школах Холона, Ашдода, Хадеры... В результате как заболевших, так и тех, кто находился с ними в непосредственном контакте, отправили в карантин, и общее число таких школьников и педагогов за два дня перевалило за 10 000.

На фоне этих событий почти незамеченным осталось решение министра здравоохранения Израиля изменить политику проведения тестов на COVID-19. Теперь, во-первых, они стали обязательными во всех домах престарелых и комплексах социального жилья, построенных по принципу общежития; во-вторых, анализ в обязательном (!) порядке должны проходить абсолютно все, кто находился даже в кратковременном (свыше 15 минут) контакте с заболевшим, вне зависимости от наличия у него симптомов коронавирусной инфекции; а в-третьих, такую проверку может пройти любой желающий добровольно — для этого достаточно обратиться к семейному врачу и получить его рекомендацию. Сообщается, что сегодня система здравоохранения Израиля с легкостью может провести и обработать более 15 000 тестов на коронавирус в день.

Но самой интересной новостью во всей этой истории оказалось то, что на днях крупный авторитет мира ортодоксальных евреев раввин Хаим Каниевский, дал указание, чтобы ешивы (религиозные семинарии) для мужчин **избегали тестирования** на коронавирус. По словам раввина, это связано с тем, что результаты теста могут отправить тысячи библеистов в карантин, который он считает пустой тратой времени. «Наши ученики должны изучать Тору день и ночь. Изучение Торы — центральная заповедь в иудаизме, как написано во Второзаконии, а поэтому ничто не должно отвлекать нас от этого священного дела», — говорит Каниевский. С чем же на самом деле связано такое на первый взгляд странное решение ортодоксального раввина?

В печати уже сообщалось о том, что тесты на коронавирус в Америке и Великобритании изначально были заражены коронавирусом. В Америке и Европе по этому поводу гремели огромные скандалы. Американские врачи, выступающие против вакцинации от коронавируса, утверждают, что COVID-пандемия началась исключительно с коммерческими целями и в соответствии с планом Рокфеллера под названием 1-3-30. Вот прямая ссылка на сайт фонда Рокфеллера,

где изложен амбициозный план радикального увеличения числа тестов на коронавирус, согласно которому «тестирование в США должны в итоге проходить до 30 миллионов человек в неделю, а его реализация обойдётся в 100 миллиардов долларов».

«Тесты на COVID, разворачивающиеся по всему миру в соответствии с обозначенным Рокфеллером планом 1-3-30, являются главным фокусом текущей фазы операции «коронавирус», — писал доктор Джим Стоун. — Чем больше людей тестируется, тем больше положительных случаев заболевания регистрирует статистика. Не являются ли эти тесты на самом деле хитроумным способом получить тайный доступ к внутренним частям нашего тела, особенно к мозгу?»

Напомню, «странное» решение раввина Каниевского было озвучено в то время, когда в Израиле было зарегистрировано рекордное количество подтверждённых случаев коронавируса. Неужели раввин сошел с ума? А может быть, он просто лучше осведомлён?

Приведу цитату из выступления доктора Джима Стоуна на конференции по коронавирусу — о его опасениях в отношении «тестов Рокфеллера», ибо это тот случай, когда конспирология похожа на реальность.

«Используемые носовые тампоны (называемые носоглоточными или орофарингеальными) невероятно длинны (около 6 дюймов или 15 см), они достигают самой задней части носовой полости. Есть ли какая-нибудь медицинская причина, по которой мазки должны брать так глубоко? Тесты на вирусы, передающиеся воздушно-капельным путем, к которому относят COVID, не предполагают таких глубоких мазков. Даже ДНК-тесты делаются с помощью простого мазка изо рта. Смешно думать, что любой тест на вирус, когда вы можете распространить его, кашляя, — не будет таким же. Что-то не так с этими тестами. Могут ли эти тесты использоваться для тайного заражения людей (с помощью какого-то возбудителя болезни) или даже для имплантации нанотехнологий, таких как микрочипы, о которых мечтает мистер Гейтс? Врачи выяснили, что COVID оставляет длительные неврологические проблемы и повреждения мозга. Но я хотел бы спросить — действительно ли вирус делает это, или виной тому тесты? Многие из тестов берут свои образцы из решетчатой пластины решетчатой кости, которая представляет собой миллиметровой толщины кость в верхней части носовой полости, она перфорирована множеством отверстий, идущих непосредственно в полость мозга. Через эти отверстия проходят ваши обонятельные нервы (кость похожа на

губчатый экран). Если бы разработчики нано-чипа задумали найти место для его установки, то решетчатая кость — лучший вариант, она примерно наполовину состоит из нервов и любой, кто попытается извлечь из нее чип, скорее всего, убьет себя. Мы не должны забывать, что имеем дело с монстрами, у которых нет человеческой совести, а поэтому должны быть бдительны и готовы ко всякому сценарию, даже кажущемуся нам невероятным».

Видимо, уважаемый раввин Израиля, запрещая для «своих» (а это, не забывайте, элита еврейского народа) прохождение тестирования, прекрасно понимает, что он делает. Одним словом, есть о чем подумать...

Виталий КАРЮКОВ

РУССКИЕ ТЕРРИТОРИИ

Пекин докопался до правды: Украина может лишиться Харькова, Херсона, Одессы и Николаева. Найдены законные юридические основания для пересмотра границ между «незалежной» и Россией

Эксперты тщательно изучили документы «Беловежских соглашений» и пришли к сенсационным выводам: «Россия может поставить под сомнение «Беловежское соглашение» и потребовать от Украины пересмотра государственных границ». Об этом в своей статье утверждают аналитики из китайского интернет-издания Sohu, опубликовавшие соответствующий материал на своем ресурсе.

Таким образом, Крым может стать далеко не единственной территорией, которую Украина при определенной воле Кремля могла бы потерять в случае споров с Россией за принадлежность своих земель. Причём, как заявляют эксперты из КНР, это утверждение зиждется не на пустом месте — оно основано на конкретных юридических основаниях. И эти основания недвусмысленно указывают на то, что «Беловежские соглашения» являются, мягко говоря, нелегитимными или, если точнее, — незаконными.

Это связано, во-первых, с тем, что, как это ни парадоксально, первый президент Российской Федерации Борис Ельцин, а равно как и первые президенты двух на то время союзных республик — Леонид Кравчук и Станислав Шушкевич — грубо нарушили Конституцию СССР. Основной закон Советского Союза гласил: любые изменения юридического или территориального порядка должен был предварять всенародный референдум. Но такого референдума перед подписанием 8 декабря 1991 года «Беловежских соглашений» проведено не было. Более того, был проведён другой референдум, прошедший 17 марта того же года, на котором большинством голосов народы Советского Союза высказались за сохранение целостности СССР как государства. А значит, документ, регламентировавший развал Союза, по сей день можно считать незаконным. И этим сегодня, как утверждают китайские эксперты, может воспользоваться руководство Российской Федерации.

Если уж говорить откровенно, несмотря на русофобские бредни некоторых украинских и западных политиков, именно после обретения своей независимости и, более того, государственности (особенно после вхождения в состав СССР) «незалежная» заполучила в свой состав добрую половину исконно российских территорий.

«Выучите наизусть! В 1922 году в состав Союза Советских Социалистических Республик Украина вошла без Харькова, без Херсона, без Одессы и Донецка, без Луганска, ну и, конечно, без Крыма, причем «полностью бесплатно», — отметил в своем твиттере бывший глава украинского правительства Николай Азаров. — У Украины не было даже Львова. А новоиспеченные так называемые патриоты только и научились, что земли эти разбазаривать, да еще и ценой десятков тысяч человеческих жизней».

Другими словами, разжигая политику антироссийских настроений, а также ратуя за возвращение якобы ее исторических территорий (в том числе Крыма, Донецка, Луганска и иже с ними) «незалежная» рискует потерять эти территории, если будет и дальше педалировать эту тему и настаивать на «справедливом» решении территориальных споров. А тем более — привлекая к этим игрищам Запад.

«Очень верное суждение. Украины в нынешних границах никогда не существовало. Она всем обязана Ленину и СССР, — поддержал позицию Азарова председатель комиссии Совета Федерации РФ по информационной политике Алексей Пушков. — Была большая ошибка большевиков и КПСС передать ей все эти территории. Советской власти

следовало оставить ей исконные земли — несколько областей к востоку от Киева без выхода к морю».

«Территории были поделены некорректно, и это чувствуется до сих пор... Были переданы исконно русские земли со странной формулировкой — ради повышения роли пролетариата, — резюмировал Владимир Путин. — Это всё наследие государственного строительства Владимира Ильича Ленина. Теперь мы с этим разбираемся».

И разбираться до сих пор есть в чем. Ведь в состав УССР в свое время были введены никогда не принадлежавшие «незалежной», кроме вышеперечисленных, еще и Николаев, Екатеринослав (Днепропетровск), Елисаветград (Кировоград) и многие другие города, населенные пункты, а то и вообще области и районы.

Валентин СЕМЁНОВ,
доктор психологических наук, профессор

ТЕЛЕВИЗОРНОЕ ОГЛУПЛЕНИЕ

Известное исследовательское (в основном маркетинговое) агентство «РОМИР» провело в октябре 2020 года очередной опрос для определения 100 «публичных» персон, которым более всего доверяют россияне. По телефону было опрошено 2400 человек, которым задавался открытый (без вариантов ответа) вопрос: «Кому из публичных личностей России вы доверяете? Назовите семь человек, где первым будет тот, кому вы доверяете больше всего».

Десятка первых по доверию выглядела так: 1) президент РФ В. Путин; 2) С. Лавров, министр иностранных дел; 3) В. Жириновский, лидер ЛДПР; 4) оппозиционер А. Навальный; 5) С. Шойгу, министр обороны; 6) М. Мишустин, премьер-министр; 7) А. Малахов, телеведущий; 8) М. Галкин, артист и телеведущий; 9) К. Хабенский, киноактер; 10) В. Соловьев, телеведущий.

В следующей десятке были только телевизионные ведущие, артисты и шоумены: И. Ургант, В. Познер, Ю. Дудь, Д. Нагиев, А. Гордон, П. Воля, А. Пугачева, К. Собчак, А. Мясников и Н. Михалков.

Очень любопытно, что государственные и политические деятели (помимо первой шестерки) занимали следующие места: 21) Д. Медведев; 23) Мэр Москвы С. Собянин; 26) Г. Зюганов; 29) С. Фургал, бывший губернатор Хабаровского края; 38) пресс-секретарь президента Д. Песков; 46) П. Грудинин; 49) оппозиционер Н. Платошкин; 62) председатель Совета Федерации В. Матвиенко; 68) А. Лукашенко; 72) президент Татарстана Р. Минниханов; 73) оппозиционер Л. Соболев; 74) С. Иванов; 82) председатель Госдумы В. Володин; 85) украинский политик и госдеятель Н. Азаров; 88) А. Кудрин; 98) оппозиционер М. Ходорковский.

Выше большинства государственных деятелей по рейтингу доверия оказались деятелиницы вульгарного «Дома-2» О. Бузова и К. Бородина (соответственно 22-е и 28-е места)! Король нецензурной песни С. Шнуров занимает 24-е место, а патриарх Кирилл — 42-е. В сотне самых доверяемых нет ни одного ученого, ни одного писателя и композитора, ни одного героя-военнослужащего или космонавта, только один спортсмен — Ф. Емельяненко (86-е место). Нет и ни одного настоящего предпринимателя, ни одного представителя промышленности и сельского хозяйства.

Вывод напрашивается сам собой: лидеров мнений и доверия у населения России формирует исключительно телевизор и отчасти интернет. При этом отмеченные «публичные» персоны в основном не отличаются высокой духовно-нравственной и интеллектуальной культурой, в большинстве своем являются «героями» потребления, а не настоящего творчества и производства. К тому же подобный опрос специально сводит вопрос о доверии только к так называемым «публичным личностям», не затрагивая людей из разных регионов и представителей различных родов деятельности и профессий. В результате получается, что все «публичные» лица — это москвичи и представители телевидения и шоу-бизнеса. Налицо манипулятивный характер данного опроса, ведущий к дальнейшей неразборчивости и примитивизации выбора лидеров общественного мнения населением и к нравственно-психологическому хаосу в обществе.

Налицо — телевизорное оглупление населения.

СПАСАЮТ «ЧЕСТЬ» НЕЛЮДЕЙ

То, что наши выходцы из «святых 90-х» активизировались под новый виток коронабесия, давно не секрет. Силуанов, Греф и Чубайс наперегонки пытаются доделать то, что не успели в 90-е — отобрать деньги пенсионеров, развалить армию и добить образование. Но одна из «икон» тех лет — Николай Карлович Сванидзе зашел еще дальше. Он официально осудил решение российского суда признать геноцидом массовые убийства мирных граждан нацистами в деревне Жестяная Горка Новгородской области в 1942 году на том основании, что они не были евреями. Получается интересная вещь — член президентского «Совета по правам человека» официально признал допустимость массового убийства мирного русского или иного «советского» населения, сославшись на «историческую преемственность».

Как только наши либералы кажется уже достигли дна, то тут же нам стучат снизу. Не успели мы указать на исторический момент, который должен был серьезно изменить нынешнюю идеологию уравнивания нацистской Германии и СССР, как тут же нарисовался Сванидзе и официально **допустил** массовое (геноцидное) уничтожение русского мирного населения. Напомним, 27 октября закончилось долгожданное дело — суд признал геноцидом массовые убийства мирных граждан нацистами в деревне Жестяная Горка в Новгородской области в 1942 году. Такое решение стало первым в российском судопроизводстве. **«Установить факт, имеющий юридическое значение: признать вновь выявленные преступления в 1942—1943 годах солдатами «тайлькоманды» в отношении не менее 2,6 тыс. советских граждан военными преступлениями против человечества, геноцидом этнических групп»,** — заявила судья Солецкого суда Марина Малышева. Суд установил, что массовое уничтожение жителей было *«частью плана Германии отделиться от всего мирного населения Советского Союза путем изгнания населения для того, чтобы колонизировать освободившуюся территорию немцами».*

История массовых казней русского населения действительно жуткая. По свидетельствам местных жителей, в Жес-

тяную горку и Чёрное во время нацистской оккупации свозили мирных жителей для уничтожения из Новгородского, Оредежского, Батецкого, Лужского, Гатчинского районов, то есть с территорий современных Ленинградской, Новгородской и Псковской областей. Это позволило называть Жестяную горку новгородским Освенцимом. Доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского института истории РАН Борис Ковалёв подтверждает, что в 1942 году возле Жестяной горки был организован своеобразный лагерь, где привезённые люди не жили более 2-3 дней и подлежали уничтожению. 28 января 1944 года Красная армия освободила Батецкий район, после чего открылись страшные факты: во время оккупации его население было практически истреблено. Из 29 тысяч человек, проживавших там до войны, прихода Красной армии дождалось только 5 тысяч или 1 из 6. Более 21 тысячи были угнаны на работу в Германию, несколько тысяч казнены.

В 2019 году там нашли свыше 500 останков, в том числе множество останков детей и беременных женщин. Генпрокуратура называла организатором расправ над советскими гражданами немецкого генерала Герцога Курта, осуждённого в декабре 1947 года Военным трибуналом Ленинградского военного округа к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на 25 лет. Иск ведомства был подан в конце сентября.

Сам иск и дело было довольно жестко встречено в ЕС. В сентябре 2019 года Европейский парламент в резолюции, принятой 535 голосами «за», 66 голосами «против» и 52 воздержавшимися, «отдал дань памяти жертвам сталинизма, нацизма и других тоталитарных и авторитарных режимов», официально заявив, что теперь любое упоминание советских **воинов-освободителей** будет трактоваться как «искажение истории» и запрещаться. Помимо этого депутаты ЕС призывали Россию покаяться за преступное освобождение мира от нацизма. А тут мы предъявили миру реальные и жуткие преступления представителей «цивилизованной нации», которая старательно лепит себе образ «жертвы».

Само собой, признанию факта геноцида сильно возмутились в Германии. Но еще больше приравнению каких-то деревенских русских баб и их детей к евреям возмутились в российском «Совете по правам человека» при президенте России. Том самом президенте, который очень просил нас проголосовать за поправку к Конституции, где закреплялась недопустимость извращения истории. Но, оказывается, истребление русских — это обычная историческая практика, и

оно не годится для формулировки «геноцид». *«Это решение было принято только для изменения информационной повестки в отношении с немцами. С таким же успехом можно обвинить и современных татар за преступления хана Батыя в XIII веке. Обострять эту ситуацию спустя столько лет и повышать ее эмоциональный градус нужно было для того, чтобы снова поставить Великую Отечественную войну в центр общественного внимания, освежить память о ней и пытаться кого-то судить. Но судить больше некого. Военных преступников уже нет в живых, а тем, кто есть, уже по сто лет»,* — заявил газете «Взгляд» Николай Сванидзе. По словам этой нелюди, убийство нацистами жителей Жестяной Горки под Новгородом *«было страшным преступлением, но геноцид — это преступление более широкого масштаба»*. Поэтому непонятно что делающий на российском телевидении этот деятель убежден: *«Это решение было принято только для изменения информационной повестки»*. Само же решение суда Сванидзе назвал «бессмысленным».

А еще, по его мнению Сванидзе, обвинения о геноциде советского народа не звучали со стороны СССР из-за того, что *«геноцида советского народа как такового не было»*. *«Геноцид был не по государственной линии, а по этнической, уничтожались еврейское население, которое тоже было частью СССР. И евреи о геноциде заявили сразу»*.

По-Сванидзе, отношение Гитлера к славянам как к «унтерменшам» менее значимо, нежели его отношение к евреям. Да, конечно, формулировка суда, где русских называют советскими, неверная, но на каком основании член президентского «Совета по правам человека» один народ СССР и РФ (евреев) ставит выше другого (русских)? Что, русских ему не жалко? Или он решил добавить межнациональной розни в нашей стране?

На самом деле данный господин (а на деле — нелюдь), работающий на главном государственном канале и заседающий в высоких кабинетах, тупо отмазывает своих европейских хозяев. Он открыто поддержал немецкого политолога Александра Рара в том, что признание геноцидом событий 78-летней давности может открыть «ящик Пандоры» и спровоцировать взаимные обвинения стран участниц Второй мировой войны в военных преступлениях. *«У всех есть счета друг против друга. Это была война со всеми присущими ей садизмом и жестокостью. Люди тоже были разные, и разные решения принимались. Мы предъявим, нам предъявят, американцы — японцам, японцы — американцам, в общем, это будет бесконечно. Рар прав насчет «ящика Пандоры»,* — «фило-

софствует» Сванидзе. Но и Рар, и Сванидзе «наивно» забывают, что не Россия раскрыла этот ящик Пандоры, а ЕС, запустив массовое переписывание истории, снося памятники тем, кто освобождал Европу ценой своей жизни, и приравняв героев и освободителей к нацистской нечисти.

Истерика Сванидзе и ему подобных понятна: его хозяева столько лет лепили из нацистского генерала Г.Курта образ потомственного немецкого интеллигента, кавалера рыцарского креста с дубовыми листьями, а тут какой-то районный суд доказал: этот Курт был обычной нелюдью, расстреливающей детей и беременных женщин. А точнее — просто мразью. Притом что ничего подобного Красная Армия не совершала, как бы ни визжали про «миллионы изнасилованных» «сванидзы» и их европейские друзья. И каяться за вырезанные русские деревни там никто не собирается. Но до каких пор такие вот «господа» будут торчать у нас на госканалах и заседать в «Советах при президенте»?

РИА Катюша

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2020 год
(Сентябрь — октябрь)

Я хорошо помню нашу встречу с Николаем Губенко. Это произошло в марте 2012 года. Приближалось 90-летие «Молодой гвардии». Я понимал, что этот юбилей не должен пройти незамеченным. Планировался выпуск юбилейного номера журнала, но главное — нужно было подготовить, организовать и провести большой литературно-музыкальный вечер. Передо мной встал вопрос: где его проводить? Нужен был хороший, вместительный зал, но в то же время с относительно невысокой арендной платой, т.к. финансов на это у журнала вообще не было. Большой зал ЦДЛа отпал сразу, т.к. его администрация назвала мне неподъемную для нас плату — 100 тысяч рублей. А малый зал «Дома литераторов» был всё же маловат да и как-то несолиден, неинтересен для такого юбилея.

За год до этого события я побывал на юбилейном вечере газеты «Русский Вестник», который проходил в Театре «Содру-



ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

жество актеров Таганки». Зал на 800 мест, огромная сцена, рядом с метро «Таганская» в центре Москвы... И уже тогда запала мне в голову идея: вот бы здесь провести и наш юбилейный праздник... Но как договориться и сколько это будет стоить?

Как я уже много раз убеждался в своей жизни, самое важное и самое надежное в любом деле — это чёткая и зажигающая идея. Если она есть и если она запала не только в голову, но и в душу, то сама приведет тебя к нужному результату. Уже в начале 2012 года я задался целью встретиться с художественным руководителем театра Николаем Губенко. Проблема заключалась в том, что до этого момента мы с ним не были лично знакомы. Но у нас оказались общие друзья. И я обратился к одному из них, так же, как и Николай Губенко, ушедшему из жизни в этом году, — Валерию Пронникову, издателю, бывшему заместителю Генерального директора завода «Норильский никель». Они дружили семьями. Он пообещал помочь.

В плане на март месяц 2012 года в губенковском театре стояла премьера музыкального спектакля «Владимир Высоцкий». Билеты на это представление, в котором участвовал сам Н. Губенко, в кассе театра уже не продавались. Валерий Пронников взял эту проблему на себя и успешно ее решил. К слову сказать, в зрительном зале наши места оказались рядом с Алексеем Пушкиным и его супругой.

После спектакля вместе с Валерием Пронниковым мы прошли за кулисы. Нас провели к кабинету худрука, но его на месте не оказалось. Он был где-то с артистами. Мы пошли его искать по закулисным лабиринтным коридорам и неожиданно встретили его, еще загримированного, не успевшего переодеться в обычный костюм. Они обнялись с Пронниковым, и тот представил ему меня как, прежде всего, своего товарища, а потом уже в качестве писателя и главного редактора «Молодой гвардии». Естественно, у них состоялся предварительный разговор, Николай знал, что мы придем, и был в курсе моего пожелания. Но он сразу меня спросил: «Как вам спектакль, понравился?» Должен еще раз сказать, я не являюсь большим поклонником песенного творчества Владимира Высоцкого. Но это сценическое представление было сделано интересно, ярко, впечатляюще. Оно соединяло несколько образов Высоцкого в исполнении разных артистов — от хулигана и драчуна до трагического героя, поющего на разрыв вен. И я искренне сказал Николаю, что да, это очень сильная работа — и режиссерская, и исполнительская, что она захватывает человека полностью, со всеми его эмоция-

ми. Лицо Николая озарилось довольной улыбкой. Затем мы перешли к нашему делу. «В принципе, это возможно, — сказал он. — Какое вам нужно число?» — «25 мая» — «Нормально. Мы будем на гастролях. Я говорил с администратором, она назвала минимальную цену — 80 тысяч, у нас ведь всё это пойдет через бухгалтерию, меньше не получается...» Я сказал, что согласен и подарил ему две свои заранее подписанные книги — стихов и прозы.

Выйдя из театра, мы зашли с Пронниковым в ближайшее кафе — отметить решенную проблему. Только выпили по рюмке — у Пронникова зазвонил мобильный телефон. Оказалось, звонит Губенко, спрашивает: где мы? «Да вот, сидим в кафе, выпили по первой». Николай попросил передать мне трубку. «Валера, — радостно кричал он мне в телефон, — я еще раз поговорил с администратором. Она согласилась для вашего журнала скостить аренду до 70 тысяч! Только вы там на радостях много не пейте!» «Много не будем, но за это выпьем обязательно! Спасибо огромное, Николай! — действительно с радостью ответил я.

Но материализованная идея продолжала работать и дальше. Тоже с помощью друзей мне удалось выйти на руководство одной очень известной организации, и в связи с 90-летним юбилеем старейшего в стране, легендарного журнала это руководство выделило редакции финансовую помощь в размере договоренной с губенковским театром арендной платы.

Наш юбилейный вечер в Театре «Содружество актеров Таганки» прошел блестяще. Помимо известных писателей, фольклорных ансамблей и эстрадных певцов на нем выступали замечательные артисты нескольких московских театров, в том числе — Большого и Малого. Я сам вёл этот вечер. Стоя на широкой сцене знаменитой новой «Таганки», я ощущал на себе добрый улыбчивый взгляд ее потрясающего хозяина.

В этом году великого человека, великого русского актёра и режиссера не стало. Уходят незаменимые гиганты духа, человечности и божественного таланта. И это невосполнимо.

Но приближается другая дата. Через полтора года «Молодой гвардии» исполнится 100 лет.

А нынешние проблемы уже гораздо сложнее прежних. И вновь стоит передо мной тот же вопрос: где и как мы будем отмечать вековой юбилей литературного журнала, с судьбой которого связаны творческие судьбы множества прекрасных русских писателей — от Сергея Есенина и Михаила Шолохова до ныне живущих?

Тот маразм, который пожинает сегодня, в начале сентября, российская власть, а вместе с ней вынуждены хлебать и мы, уже не укладывается ни в какие доступные нормальному разуму пределы. Вся Европа вновь сходит с ума от очередного дурдома с отравлением мифическим «Новичком» их завербованного агента по фамилии Навальный. Витийствовал тут этот агент на протяжении более десятка лет, и никто его не трогал, никто ему не мешал слыть здесь, по мнению Запада, главным оппозиционером, и вдруг, по версии Евросоюза и США, в Кремле решили отравить его пресловутым «Новичком», одна капля которого убивает всё вокруг в радиусе нескольких десятков метров. Но при этом завербованный западный агент почему-то остался жив, как и другой их завербованный агент по фамилии Скрипаль, якобы тоже отравленный тем же «Новичком». Интересное у нас, однако, боевое химическое оружие, не способное отправить в лучший мир даже двух западных агентов...

Но маразм этой истории, не поддающейся нормальному рассудку, тем не менее, заключается вовсе не в этом. А заключается он в единственном, хоть и риторическом, но, в общем-то, детском вопросе: **зачем?** Да, господа кремляне, а также господа из правоохранительных органов и господа от криминальной медицины, вопрос этот висит в воздухе и вопиет из всех щелей: **зачем?!** Для чего, для какого, извините за выражение, хрена вы отправили якобы чем-то «отравленного» или отключившегося то ли с похмелья, то ли от диабета завербованного западного агента на лечение за рубеж, в Германию, то есть в лоно врага? **Зачем, для чего?** Вы что, настолько наивны, примитивны и неразборчивы в методах подлости наших европейских «партнеров», что не способны были даже на мгновение предположить, чем обернется эта ваша дурная наивность? Вы не способны были предвидеть их тысячу раз повторенную по отношению к нам коварную подлянку? Тогда какого же, извините еще раз за выражение, хрена вы там что-то возглавляете? Почему я, как только услышал об этом вашем маразматическом поступке, в ту же секунду понял, чем он обернется для нас, для России. Да, для нас. Для вас он обернулся тем, чем и должен был обернуться — абсолютно ясным для всех нормальных людей **вашим маразмом**. Но для нас, для России, — еще одним поводом, данным вами нашим врагам для национального оскорбления Российского государства.

Еще раз повторяю этот риторически-детский вопрос: **зачем** вы отправили за границу, к нашим врагам находящего

под уголовным преследованием западного цэрэушного агента? А перед этим для чего вы разрешили ему, находящемуся под подпиской о невыезде, вылететь куда-то на самолете для неких агитационных выступлений? У нас что, каждый смертный, находясь на подписке о невыезде, имеет право летать по стране на самолете? С какой стати ему продали билет и отчего его не задержали в аэропорту? Ведь мы все уже давно находимся под контролем, а уж тем более — «главный оппозиционер страны»... Отчего сразу после посадки в Омске самолета в связи с «недомоганием» завербованного западного агента его не изолировали в закрытом медицинском учреждении? Зачем растрезвонили об этом на весь мир и допустили к нему немецких врачей? Что, очень захотелось на весь мир оправдаться и лишний раз показать всему миру свой маразматический «гуманизм»? Можно ли себе представить, чтобы подобный «гуманизм» позволили себе те же немцы, не говоря уже об американцах и англичанах?

Сообщают, что, мол, вывоза его за рубеж потребовали родственники, а затем — немецкие врачи, за каким-то, извините за выражение, хреном срочно вызванные в Омск. С каких это пор у нас стали обладать таким весом и таким влиянием на власть родственники уголовников и тем более иностранные врачи? Ну, давайте выпустим из страны всех преступников, за которых попросят их родственники или немецкие врачи, раз уж их мнение так важно для кремлян и правоохранительных органов...

Маразм властей, собственными руками создавших эту маразматическую историю, теперь будет только нарастать. Пусть они же теперь ее и расхлёбывают. Пусть вновь оправдываются, кому-то что-то объясняют и доказывают, призывают к совести наших врагов. Но враги всё делают правильно. Отчего же им не воспользоваться этим маразмом?

А ситуация на самом-то деле элементарна, как велосипед. Завербованного агента могли посадить. И там, на зоне, он, будучи морально ничтожным, мог выдать всех своих хозяев и других известных ему цэрэушных агентов. Нужно было срочно вытаскивать его за кордон. И с согласия самого Навального была разработана операция по уже отработанному «отравлению» и ради «спасения» вывозу его в Германию по просьбе родственников и немецких врачей. И, как видим, операция прошла успешно, в том числе и с помощью неисправимого маразма российских «гуманистов» во власти. А уж теперь можно по полной отыгаться на России за ее «многолетнюю неистребимую тягу» к отравлению «Новичком» лидеров оппозиции и борцов с «кремлевским тоталитаризмом».

Хотя, конечно, можно было не сомневаться: никто бы за решетку Навального не отправил. Он — вор и мошенник, получивший шесть лет условно по делу «Кировлеса». Его подельник, бывший губернатор Кировской области Н. Белых — сидит. Но Навальный остался на свободе. Вот так эта «гуманная» власть заботится о «главном оппозиционере страны» и завербованном цэрэушном агенте.

* * *

Еще в 90-е годы прошлого века я неоднократно писал в своих статьях о том, что Украина сто раз предавала Россию и еще сто раз предаст. Мне тогда возражали: мол, не преувеличивай, не нагнетай... Мол, мы — один народ... Мол, большинство населения там считает себя русскими...

И вот — американские ядерные бомбардировщики, прикрываемые украинскими истребителями, теперь летают над Украиной и над Черным морем вдоль границы с Крымом... И если начнется вторжение натовских войск в Россию, то оно начнется с территории Украины. Украина не просто в очередной раз предала Россию, она стала откровенным, прямым, злорадствующим и оскалившимся врагом Русского мира. Вместе с Польшей и Литвой она теперь самый злобный, самый непримиримый и самый истеричный наш враг.

Но где же русские, живущие там? А их «в Украине» больше нет. Русские как таковые там, на самом деле, отсутствуют. Они вольно или невольно предали свою историческую родину и перестали быть русскими. И если начнется война, одни, говорящие на русском, будут молчать, а другие пойдут против нас воевать и, как янычары, станут наиболее безжалостными и кровавыми.

Но там не только нет русских. Там уже и самой Украины тоже нет. Эта территория больше не является Украиной как окраиной бывшей Российской империи. Она больше не окраина России и, следовательно, не Украина. Это передний край, передовой фронт реваншистской Европы, ставший цепным псом европейских и американских хозяев, натравивших бывшую Украину на единокровных русских братьев и сестер. Потому и называться она должна иначе — то ли Укропия, то ли Бандерия, то ли Евромайдания... А Украина — это ведь русское название, возникшее на основе русского языка. А русский язык они, евромайданники, — запретили...

Они запретили русский язык и с первого сентября этого года закрыли все русские школы. И что удивительно (а еще вернее — не удивительно), по этому поводу в их стране —

тишина. Ни протестов, ни пикетов, ни возмущенных выступлений, ни демонстраций, ни митингов, то бишь майданов... Все т.н. «русские» этой Евромайдани как язык проглотили или засунули его в известное место... Кто-то у нас говорит, что, мол, со страху, что, мол, запугали их... Да нет же, совсем не со страху. Просто плевать им на русский язык, плевать им на то, что их дети его вовсе знать не будут. Не нужен им русский, потому что они, живущие в Укропии, Бандерии, Евромайдании, перестали быть русскими, то есть — переродились и отреклись от своего истинного происхождения. Большая часть их на самом деле стала майданутыми укропами и бандеровцами, приняв эти вдолбленные им понятия в качестве своей *национальности*. А те, кто не принял и не переродился, — покинули эту территорию. Оставшиеся — смирились. И русский язык им больше не нужен.

* * *

Мы всё гадали и никак не могли понять, отчего же Россия, а точнее, ее руководство все последние годы в ответ на любое беспардонное хамство по отношению к нам со стороны наших мировых недругов только оправдывается, мямлит что-то невнятное, удивленно разводит руками или, в крайнем случае, «выражает глубокое сожаление»? Бесконечные опровержения, извинения и увещевания «*наших западных партнеров*» стали, как теперь говорят, политическим трендом кремлевской администрации. На это уже с недоумением обращают внимание даже откровенно пропутинские политики, депутаты и публицисты. Даже т.н. «эксперты» соловьевско-скабеевских ток-шоу чуть ли не ежедневно на протяжении нескольких лет озвучивают эти риторические вопросы: «Сколько можно утираться?!», «До каких пор мы будем безответно глотать эту оскорбительную для нас европейско-американскую наглость?!», «Пора бы уже начать отвечать?!», «Может, хватит кормить нацистскую Украину?!», «Сколько можно терпеть оскорбительные выпады от охамевшей Польши и оборзевшей Прибалтики?!» И т.д., и т.п. Но этих многолетних риторических вопросов ни в Кремле, ни в МИДе словно не слышат... «Почему? — наверное, спрашивал сам себя каждый из нас. — Чем объясняется такая беззубая политика России по отношению к Западу?»

В сентябре этого года В.В. Путин вновь, уже в пятый раз, был выдвинут на Нобелевскую премию мира... В кампании с Навальным, Тихановской и Трампом. Выдвинут, как сообщалось, неким писателем Сергеем Комковым, членом различных общественных академий. И что интересно — рос-

сийский президент ни разу от этого выдвижения не отмежевался, не дезавуировал его... То ли не слышал об этом никогда, то ли и впрямь надеется: а вдруг?.. Горбачев с Обамой — ведь получили Нобеля. Глядишь, и ему, автору «минских соглашений», судьба улыбнется... Мол, сам себя — не выдвигал, общественность выдвинула...

Наглость западных вершителей мировой политики красноречиво говорит о том, что всё они прекрасно понимают: серьезного ответа с нашей стороны не будет, что бы они ни вытворяли. И пользуются этим — унижают Россию, как им вздумается. От США до Украины и Люксембурга придумывают против нас чуть ли не ежедневные санкции, прикрываясь то «делом Магницкого», то вмешательством в американские выборы, то Крымом, то Донбассом, то якобы российским «новичком», то ситуацией в Белоруссии, то еще чем бы то ни было. И действительно, реального, практического ответа со стороны России — нет, кроме набивших оскомину очередных «выражений сожаления». Ну как тут не прийти к мысли: а, может, совсем не случайно писатель Сергей Комков со странным упорством выдвигает В.В. Путина на Нобелевскую премию мира?.. Может, действительно в Кремле уже много лет грезят об этой премии?..

И вот ведь удивительная история: с огромной скоростью у нас разрабатывалась и была-таки первыми в мире испытана с положительным результатом вакцина против «коронавируса»... Более того, уже и лекарство от него появилось в аптеках... Чем не еще один убедительный повод для Нобелевской премии мира?.. И, казалось бы: разработали вакцину — прекрасно! Однако Собянин с 1 октября опять сажает московских пенсионеров на самоизоляцию... Так для чего же в таком авральном порядке предъявили миру вакцину и лекарство от «коронованного вируса»?..

* * *

Они нам — санкции, а мы им — объявление на английском языке станций московского метро. Путинско-собянинский стиль...

Почти весь 2020 год российские границы закрыты из-за общемирового «коронавируса», и в Москве практически отсутствуют иностранцы с Запада. Тогда для кого в московском метро дублируются на английском языке названия станций, которые по-английски звучат так же, как и по-русски?.. И невольно начинаешь думать, что делается это руководством метрополитена не ради иностранцев, а с целью издевательства и насмешки над нами, коренными жителями.

Весь мир был свидетелем того, как в начале 2019 года США пытались посадить Хуана Гуайдо президентом Венесуэлы вместо избранного народом Николоса Мадуро. Что только ни вытворяли пиндосы, чтобы насильно втюрить своего ставленника в президентский дворец Каракаса — столицы Венесуэлы. И, тем не менее, этот номер не прошел.

И вот пришла очередь европейского Гуайдо в юбке. Теперь уже Евросоюз, не наученный провальным опытом своего заокеанского хозяина, всеми силами стремится повторить этот позорный опыт в Белоруссии. Сбежавшую из страны и провалившуюся на президентских выборах кухарку С.Тихановскую лидеры Евросоюза назначили президентом Белоруссии. И кухарка, естественно, подобно венесуэльскому Гуайдо, с большой радостью с этим согласилась. Президент Литвы вручил ей соответствующее удостоверение, а премьер-министр Польши М.Маровецкий вручил Тихановской ключи от её резиденции в Варшаве. В свою очередь бывший президент Польши Д.Туск выдвинул ее на Нобелевскую премию мира. В конце сентября в Литве с Тихановской встретился президент Франции Э.Макрон, а в начале октября состоялась встреча с ней госпожи Меркель...

Интересную практику придумали западные политические временщики!.. Зачем добиваться нужных результатов на каких-либо выборах, когда можно силой посадить своего агента там, где это нужно?! Или просто — объявить президентом того, кого очень хочется иметь... Это и будет называться демократией по западному стилю. Не зря ведь говорится: когда нельзя, но очень хочется, то — можно!

А почему бы и нам, беря пример с «цивилизованного» Запада, не объявить президентом Франции Марин Ле Пен? Нам это было бы гораздо приятнее, выгоднее и интереснее... А канцлером Германии — депутата Бундестага и Европарламента Сару Вагенкнехт! По крайней мере, они являются лидерами парламентских партий в своих странах в отличие от пустой кухарки С.Тихановской... Это, конечно, шутка. Да и сами Марин и Сара, будучи серьезными политиками, не приняли бы со стороны других стран никаких туфтовых президентских удостоверений... Чего не скажешь про кухарку.

Но вот действующие главы западных государств принципом Гуайдо не гнушаются... Значит, и с ними можно поступать точно так же.

P.S. Теперь уже ясно, что и Навального готовят на роль российского Гуайдо.

Московская власть в самом начале октября вновь ужесточила коронавирусный режим. Опять пенсионеров издевательски загнали в «самоизоляцию», 30% состава всех организаций отправили на «удалёнку», а школьников — на каникулы. Вновь за отсутствие масок в транспорте людей штрафуют, а магазины — закрывают. И это при том, что никакой эпидемии официально не объявлено, ее попросту, судя по отсутствию заявления об этом Министерства здравоохранения РФ, — нет. Да и откуда ей взяться, когда в Москве и области стоит на редкость теплая, сухая, солнечная осень?.. С чего вдруг взялась у нас повальная простуда? Но страху всей стране, как и весной этого года, нагоняет именно Москва, а именно — мэрия и Роспотребнадзор. Ну и, конечно же, московские СМИ и центральные каналы ТВ.

Глава Роспотребнадзора А. Попова и мэр Москвы отчего-то решили, что маски — это панацея от коронавируса... Как будто маски от него спасают. Полуграмотный чиновничий бред! Маска для вируса — то же самое, что для кошки Спасские ворота...

Все новости в течение дня снова, как и в марте-апреле, начинаются с количества заболевших «ковидом», которое, что ни день, по сообщению центральных СМИ, — увеличивается. Что это, если не новое нагнетание страха и паники среди людей, навязывание им опасения за свою жизнь, потому что вновь вслед за количеством заболевших тут же объявляют количество умерших? Летом В. Путин нас уверял, что второй волны заболевания от «коронавируса» в России не будет. Причем, говорил уверенно, как будто знал об этом на 100 процентов. И вот на тебе! Уже в конце сентября всё резко поменялось. Физиономия Собянина снова внедрилась в сетку теленоостей — физиономия в маске, нагнетающая страх близящейся пандемии и жесткой, обязательной самоизоляции для тех, кому за 65. Нет, не напрасно весной этого года я заострял внимание на словах Д. Медведева, со знанием дела предрекавшего, что новая «ковидная» реальность пришла в наш мир **навсегда**... Тогда для чего, спрашивается, с такой быстротой у нас испытывали и, наконец, изготовили вакцину против «коронавируса»? И даже — не одну! И сам президент, его окружение, родственники и даже дочери сделали себе эти прививки?.. И перенесли их, как нас уверяли, безболезненно и очень удачно... Более того, нам объявили, что в России уже создано лекарство от этого вируса, и что оно продается в аптеках...

Тем не менее мэр Москвы сообщил в своем блоге, и телеящик это сообщение озвучил, что с 9 октября для школьников и пенсионеров снова блокируется бесплатный проезд в общественном транспорте, чтобы они вновь самоизолировались от людей у себя дома. То есть опять — сами себя подвергли домашнему аресту. Несмотря на разрекламированную вакцину и расхваленное лекарство от пресловутого «ковида». И уже начинаешь думать, что вакцина и лекарство создавались для чего-то другого...

Казалось бы, власти и медики получили вакцину и лекарство от «ковида», ну так и лечите людей, а не запугивайте их, не гнобите пенсионеров через блокировку проездных карт и тупую изоляцию.

Не странно ли, а точнее, не случайно ли то, что это нагнетание в стране обстановки страха и ковидного беспросвета происходит одновременно с разрастанием и расширением внутренних конфликтов и «цветных революций» в бывших советских республиках?.. Разве не для увеличения давления на страну?..

Похоже, весенняя репетиция прошла удачно, теперь начинается постоянная практика.

Европа тоже вернулась к весенней реальности. И действительно начинаешь верить в когда-то прореченную нам жуткую апокалиптическую реальность, а также в то, что мир ведут к предсказанному в начале года «Бесогоном» закабалению и сокращению. То есть сначала, чему мы были свидетелями, — тотальное запугивание, телерепортажи о сотнях и тысячах смертей, потом — неотступное вдалбливание необходимости всеобщей вакцинации, после чего — установка микрочипов...

* * *

Мэрская забота:

«Ради вашего здоровья всем, кому за 65, я рекомендую не выходить из дома, а для пушей важности моей рекомендации я решил заблокировать ваши социальные карты, чтобы вы не вздумали никуда ехать на общественном транспорте, — хоть в больницу, хоть на дачу, хоть к родственникам. Делаю это исключительно ради вашего здоровья. Лишение вас социальных льгот — самое надежное средство для вас ничем не заболеть. А работающим пенсионерам я рекомендую взять больничный ради своего здоровья, даже если вы совершенно здоровы, а еще лучше — уволиться, чтобы не напрягать общественный транспорт. Лучше всего для вашего здоровья, если предприятие, где вы работаете, совсем закроется. Так

будет легче для всех, кто заботится о вашей жизни. Желаю вам, дорогие наши граждане из «группы риска», крепкого здоровья! И для подкрепления своего пожелания я решил увеличить вам штраф за несоблюдение масочного режима. Берегите себя! Искренне любящий вас мэр столицы».

Спасибо, Сергей Семенович, за разъяснение нашего статуса. Раньше в «группы риска» входили только проститутки и наркоманы.

* * *

7 октября, в день рождения В.В. Путина, а также в день широко разрекламированного у нас удачного испытания гиперзвуковой ракеты средней дальности «Циркон», произошел громадный фейерверк под Рязанью. Сказать, что этот фейерверк совпал с указанными событиями случайно, по воле природы, без какой-либо привязки к ним, — не поворачивается язык. Дело в том, что в этот день в Рязанской области взлетели на воздух склады с боеприпасами — снарядами и ракетами (надо непременно сказать: в который уже раз!), устроив баснословный фейерверк с огнем и дымом, продолжавшийся двое суток. Взрывы зарядов происходили каждые 10 секунд. Как уверяли нас все провластные СМИ, это очередное светопреставление *совершенно случайно* совпало с днем рождения президента... *«По мнению военных экспертов, случился пал травы из-за природных пожаров...»* — долдонили нам дикторы радио и ТВ в тот же день, 7 октября. И тут нельзя не добавить еще одну, конечно же, *случайную* деталь: буквально за день до этого «фейерверка» сгорел санаторий Министерства обороны в Ялте.

Меня всегда удивляло и продолжает удивлять какое-то необъяснимое желание высших военных чинов выглядеть какими-то недоумками. Им почему-то гораздо выгоднее представлять стопроцентные диверсии наших врагов (или, по крайней мере, собственных расхитителей) в виде безнаказанных действий «природы» или каких-либо еще форс-мажорных обстоятельств. Мол, это не украинско-натовские диверсанты сработали и тем более не родимые воры в погонах, а безобидный «пал травы» после недобросовестных туристов поднял на воздух десятки наших арсеналов с боеприпасами... Мол, это сторонний *«человеческий фактор»*... Мало того, что самим высокопоставленным разгильдяям в погонах не зазорно выглядеть идиотами, так ведь они и нас такими же доверчивыми дураками хотят представить миру. Что, таким способом они пытаются спасти свои погоны, звания и должности?

Современные склады с вооружением, тем более с ракетно-артиллерийским вооружением имеют тройную противопожарную и визуально-электронную защиту не только от огня, не только от идиотического «пала травы», но даже от животных и тем более от посторонних людей. Не говоря уже о круглосуточной караульной службе. И когда дикторы ТВ вешают нам лапшу на уши про «горящую траву», ставшую причиной пожара на складах с боеприпасами, — их нужно гнать с работы поганой метлой.

Столь колоссальные уничтожения складов с вооружением, тем более с взрывоопасным вооружением **всегда и везде** происходят **только** в результате внедрения туда вражеских лиц с целью диверсии. Иначе не бывает и быть не может. И меня не перестает поражать необъяснимое стремление наших высших военных чинов выглядеть дураками, замалчивающими преступления врагов России и упорно объясняющими эти диверсии какими-то природными причинами...

* * *

Я тоже заставил себя прочитать т.н. «стихи» нобелевской лауреатки 2020 года Луизы Глюк. Абсолютно пустые, холодные, бесчувственные, а в целом — бездарные верлибры, высосанные из пальца. Ни одно из них я не поставил бы в журнал. А ведь верлибры могут быть интересными, талантливыми, глубокими. И я таковые читал!

Внешне эта Луиза Глюк (венгерская еврейка, живущая в США) — такая же бесцветная, великовозрастная и, не могу не сказать, неприятная дама, чем-то смахивающая на другую внешне неприятную и такую же бездарную «лауреатку» С.Алексиевич.

В общем, премия Нобеля во всех номинациях превратилась в полнейшее посмешище. Деградировала по всем статьям вместе с деградировавшей Европой. О русофобской сущности этой премии уже и говорить не хочется, настолько это всем известно. Но если даже закрыть на это глаза, то невозможно не увидеть, до какой степени бездарности, случайности и бессмысленности она, эта премия, упала. Любой наш даже провинциальный конкурс современной русской поэзии выявляет лауреатов, которые на пять голов выше и талантливее любых нобелевских стихотворных лауреатов не только последних лет, но и последних десятилетий. По уровню поэтического творчества Россия давно уже стоит намного выше пустой, обездушенной и бессодержательной Европы. И все эти современные нобелевские глюки — яркое свидетельство европейской духовной и моральной деградации.

Весь этот год нам **ежедневно** центральные СМИ сообщают о количестве умерших от «коронавируса». Так, по официальной статистике, за 9 месяцев этого года в Российской Федерации от него умерли 22 тысячи человек. Однако от наркотиков в нашей стране ежегодно умирает 100—120 тысяч человек. В пять раз больше! Но об этом центральные СМИ и центральные власти, в том числе мэрия Москвы и глава Роспотребнадзора Анна Попова, — не говорят.

Московская мэрия слишком «озабочена» здоровьем тех, кому за 65, закрыв их дома. В то время как не просто молодёжь, но уже и дети подсаживаются на наркотики с 6-7 лет. До 35 лет они не доживают. Но что-то мы ни разу не слышали о выражении публичной озабоченности по этому поводу ни стороны столичной мэрии, ни стороны губернатора Московской области, ни со стороны главы Роспотребнадзора, для которых «группа риска» состоит только из тех, кому за 65.

Кроме этого, в нашей стране ежегодно бесследно пропадает 20—25 тысяч детей. Каждый год! То теть столько же, сколько в этом году умерло от «ковида». Но об этом власти вообще намертво молчат. Хотя вот о чем надо бы бить во все колокола! Куда исчезают наши дети?! Но, как видим, московской мэрии только один «ковид» застилает глаза. Здоровьем пенсионеров они там «озаботились»... А о здоровье и жизни детей — от них не слышно ни слова. Ну разве что — когда им надо у населения денег попросить на лечение тяжело больных детей... Потому что бюрдюрным олигархам до этого нет дела.

Путинский стиль.

Украина перекрыла Северо-Крымский канал, чтобы вода не поступала в Крым, и объявила всему миру, что ведет войну с агрессором — то бишь с Россией. А Кремль в ответ снял санкции с украинских предприятий.

На Донбассе громко аплодируют.

О снятии санкций как о вопросе решенном Путин заявил по российскому ТВ 13 октября (по его словам, «ради налаживании добрых отношений с братским народом»). А уже 15 октября в интервью portalу «Обозреватель» заместитель секретаря украинского Совета национальной безопасности и обороны (СНБО) Сергей Кривонос сказал, что Россию в конфликте с Украиной «ожидает поток гробов».

Многолетние проблемы, связанные с Нагорным Карабахом, Приднестровьем, Абхазией, Южной Осетией и Донбассом, существуют по одной-единственной причине. И причина эта находится в Кремле.

Азербайджан нанес ракетный удар по территории Армении, члену ОДКБ. Официальной реакции Кремля на этот «превентивный удар» не последовало никакой, если не принимать во внимание надоевших песковских заклинаний: «Ребята, давайте жить дружно».

Нобелевская премия мира прямо-таки плачет по кремлевскому миротворцу..

Спрашивается: для чего Россия создавала ОДКБ? Для красивой картинке на совещаниях глав этих псевдогосударств? Но отчего же они теперь не собираются? Чтобы не принимать никаких решений и не брать на себя никакой ответственности? В таком случае самое лучшее для ОДКБ — самораспуститься. Тем более что Армения в ответ нанесла ракетный удар по азербайджанскому городу Гянджа.

Получившие вольную волю от России, эти псевдогосударства начали войну друг с другом и со своими национальными окраинами. Что дальновидными людьми и предсказывалось.

Турция, как объявил на весь мир Эрдоган, не признаёт Крым российским. А почему Россия сирийский город Идлиб признает турецким? Из-за помидор или из-за турецких пляжей?.. Не признаёт? А почему мы об этом ни разу не слышали со стороны Кремля?

«Наши» соловьевско-скабеевские политические «эксперты» наперебой чуть ли не в каждой передаче с вызовом, с благородным пафосом бросают в глаза белорусским пролукашенковским гостям один и тот же вопрос: «Когда признаете Крым?!» Те застенчиво улыбаются, но ничего конкретного ответить не могут. А зря. В ответ они могли бы с таким же вызовом и с таким же пафосом задать «нашим» раздувшимся от благородства «экспертам» такой же вопрос: «Когда признаете Донбасс?!» И более того, они могли бы, в отличие от наших благородных «экспертов», назвать точную дату признания Белоруссией Крыма российским: «Как только вы

признаете Донбасс, в тот же день мы признаем Крым». Могут себе представить, как искривятся от немоты благородные физиономии соловьевско-скабеевских «экспертов»... А то они привыкли на других пальцем показывать, а у себя в глазу не видят и брвна.

* * *

Руководитель Управления внешней разведки РФ С.Е. Нарышкин открыто для СМИ сообщил о том, что Азербайджан со стороны Турции наводнен сирийскими боевиками из запрещенных в РФ террористических исламских организаций. Но отчего-то ни Нарышкин, ни центральные СМИ не вспоминают о том, что с Азербайджаном у нас безвизовый режим. В то же время Путин упорно выступает против введения визового режима со странами Средней Азии и Закавказья. Естественным образом возникает логичный вопрос: так кто же способствует свободному проникновению на территорию России сирийских боевиков? Кто устроил из России проходной двор для международных террористов?

* * *

Реклама как один из основных атрибутов капитализма полностью подчинила себе телевидение. Ясно, что телевидение сейчас существует, в первую очередь, ради рекламы и с целью рекламы, потому что главная цель телевидения в настоящее время — исключительно доход. Никто и ничто не дает телевидению такой доход, как реклама. Да, есть у него и другие цели, но первейшая его цель ныне — деньги. Рекламные менеджеры могут прервать любую программу, любой фильм, любую трансляцию и включить рекламу в какой угодно момент, хоть на полуслове. И никто, по договору, не имеет права им возразить. Рекламщики сейчас главные на телевидении. Я уже как-то писал о том, что даже после сообщения по радио или ТВ о нанесении по нашей территории ядерного удара — пойдет реклама. И это — не преувеличение, не шутка.

Реклама изнасиловала наш народ, истребила его волю. Телевидение и рекламная индустрия — это теперь уже единая корпорация, с одной стороны, по извлечению огромных доходов, а с другой — по оболваниванию доверчивого «электората», по превращению его в послушное, безвольное население, покорно глотающее любую мерзость, слетающую с экрана. И если власть сквозь пальцы смотрит на эту запретительную телевизионную мерзость и беспредельный рекламный цинизм, то и она способствует той же цели.

Хочется верить, что когда-нибудь, в какие-то будущие времена все боссы электронной рекламной индустрии пойдут под суд как главные функционеры морального угнетения народа.

* * *

Обязательное ношение масок и перчаток абсолютно во всех общественных местах — это в действительности не что иное, как провокация болезни. Как уже было сказано неоднократно, маска для вируса — то же самое что для кошки Спасские ворота. И маски, а уж тем более перчатки никак не могут быть панацеей от болезни. Более того, именно они, не являясь препятствием для любого вируса, собирают бактерии и являются разносчиками какой угодно заразы. Если бы нечто подобное об обязательном ношении масок и перчаток ради предохранения от вирусной эпидемии кто-то объявил еще два года назад, его бы сами власти подняли бы на смех — в лучшем случае, а в худшем — назвали бы дураком или сумасшедшим. Еще раз повторяю: маски — это **провокация болезни**. Остается без ответа пока только один вопрос: это сознательная или бессознательно-безграмотная провокация?

Для того чтобы не дать разрастись эпидемии (тем более связанной с простудой, гриппом, пневмонией), а в идеале — чтобы не дать ей начаться, нужны были не маски с перчатками, а срочные действия властей по всеобщей ее профилактике в границах всей страны. То есть если центральная власть реально хотела предотвратить эпидемию, она обязана была заставить местные власти осуществить тотальные профилактические действия по отношению ко всему населению Российской Федерации. Но даже и тогда, когда болезнь стала распространяться, еще было не поздно приступить к срочным профилактическим действиям, чтобы не довести ее до пандемии. Но ничего этого центральная власть делать не стала, отдав предпочтение тому, что проще всего: насильственному «перчаточному-масочному режиму». Болезнь нужно было медикаментозно предотвращать, а не прятаться от нее под идиотическими и бесполезными масками. Власть обязана была через все СМИ провести информационную кампанию по необходимости **срочных профилактических действий** для каждого жителя страны.

Во-первых, уже известны профилактические препараты, постоянное применение которых препятствуют развитию как простудных, так и инфекционных легочных заболеваний. Власти способны были предотвратить заболевание тысяч людей. (Впрочем, и сейчас еще это возможно.) Во-вторых,

нужно было обязать всё население постоянно употреблять витамины С и Д, препятствующие развитию указанных выше заболеваний. Детям в детских садах, школах и вузах эти витамины нужно было раздавать **бесплатно и ежедневно**. Скажут: мол, дорого. Но это не дороже жизни тысяч людей и уж тем более не дороже изготовления аппаратов ИВЛ. И власть **обязана была** выделить на это средства. (В советское время детям в детских садах каждую весну и осень в обязательном порядке выдавали витамины.) Но вместо всего этого над нами решили просто поиздеваться, насильно, тотально заставив спрятаться от болезни под масками, а пенсионеров заодно замуравов в своих квартирах под страхом бешеных штрафов и заблокировав их социальные карты.

Еще раз повторяю: маски — это не панацея от болезни и быть ею не способны по определению. Более того, именно они чаще всего и являются разносчиками любых болезней, т.е. их **провокацией**. Сознательно ли отказались власти в нашей стране от повсеместных обязательных, широкомасштабных профилактических действий? — вопрос пока риторический. Как, между прочим, и во всём мире. Но отказ от этих действий и привел к неизбежной эпидемии т.н. «ковида», к взрыву весенне-осенних заболеваний и к огромному числу умерших от него. И что скрывается под маской бессмысленного, насильственного и смехотворно-издевательского «перчаточно-масочного режима» — нам еще предстоит со временем узнать.

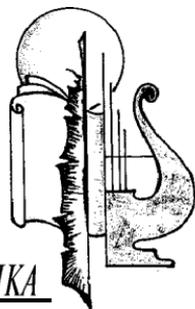
НА ГЛАГОЛИЦЕ ДАЛЬНИХ МИРОВ

Философия космизма в поэзии Натальи Егоровой

Нам останется — Русь, и Христос, и забытые хаты.
Да безлюдья тоска, да распахнутый в вечность порог.
Да пустынный простор с клеверами и лесом сохатым...
Заповедная Русь. Журавлиная Русь без дорог..

Наталья Егорова

В книге литературной критики «Традиция — совесть поэзии» выдающийся русский поэт XX века Татьяна Глушкова поднимает принципиально важный вопрос, без которого для художника не может быть подлинного творчества, — вопрос о сущности самой традиции, о том, что «в традиции можно только быть, пребывать», что не всегда она должна нести нечто новое, ведь традиция подразумевает «целостное, а не разорванное» представление о мире, подразумевает «знание и мужество прозрения». Русская традиция всегда стояла и стоит на истине триединства — Бог, Вера, Православие, — на том монолитном камне, что укрепляет национальные идеи любви к Родине, идеи преемственности поколений. В поэзии Натальи Егоровой традиция и предполагает то новое, которое не обязательно означает разнообразие стилевых изысков, невероятных тем и сюжетов, экс-



ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

периментальных поисков. Ведь литература прежде всего сосредотачивается на своей внутренней изнанке, стиль же в большей мере является подручным материалом. Расставляя те или иные художественные акценты, она всегда видит главное — сохранить нравственно-философские и духовные ориентиры русской культуры.

В творчестве Натальи Егоровой выходит на первый план родовая идея единого целого, прочно опирающаяся на почву древней истории Святой Руси. Возможно ли в таком сложном и ответственном деле, как поэзия, обойтись без Промысла Божия? Поэзия относится к той области человеческой жизни, что существует вне пределов рационального. Тут во всём угадывается воля Божия, определяющая и направляющая. Не так много сегодня поэтов, которым в творчестве удаётся на фоне собственной судьбы отразить и судьбу Родины, её путь от самых истоков, удаётся связать времена и эпохи, выйдя за пределы индивидуального видения к космическим высотам духа. Светлана Сырнева, Валерий Хатюшин, Анатолий Аврутин, Надежда Мирошниченко — вот имена самых значимых поэтов современности. Не ошибусь, если дополню столь авторитетный ряд, включив в него и имя Натальи Егоровой.

Наталья Николаевна — автор нескольких поэтических книг, к тому же блестящий критик, лауреат многих литературных премий. Тесную взаимосвязь её поэзии с национальной традицией, обогащённой историческим опытом предыдущих веков, эту уникальную способность творить историю человечества по-особенному, с чистого листа, с присущим только ей особым вселенским взглядом, прослеживает в своём аналитическом очерке «Мы сами — музыка и боль...» историк и литературовед Сергей Куняев. Он подчёркивает не только «размашистость поэтического жеста», но и обращает внимание на «смещение временных пластов» в поэзии Натальи Егоровой, на то, что «это труднейший путь — идти к органической связи эпох...» Наталья Николаевна и поражает именно этим свойством, характерным всем гениальным текстам, — их метафоричной космогонической архитектурой, когда пространство и художественное время развиваются до исторической и космической бесконечности. Ведь гладко написанный текст — ещё отнюдь не признак настоящей литературы. Литература — напряжённая внутренняя работа — то, что возникает над текстом. Она как преодоление времени — жизни вне времени. Разве это не подтверждение неслучай-

ности всего происходящего на земле? Русские историки Средневековья для объяснения исторических событий всегда искали нравственные причины. В подобном ключевом поиске становится понятна и общая историческая предопределённость, где всеобщая история — это лишь часть истории личной. В процессе поэтического создания художественного образа данный пространственно-временной феномен приобретает исключительное значение.

Пожалуй, далеко не каждому поэту дано связать, соединить надмирное с повседневным, провести эту таинственную взаимосвязь, не нарушая закономерный ход вещей, при котором внутреннее зрение поэта обретает искомую остроту и избирательность. Наталья Егорова словно открывает некую перспективу изнутри: её поэтические повествования пронизаны иносказательной исповедальностью, они не существуют сами по себе, как «искусство для искусства», а органично вписываются в кровеносный круг бытия, размыкающий кольцо времён и представляющий целостное мировосприятие. Стихи её, возможно, не так легки для обобщённо-эстетического понимания, поскольку содержат синтез: и фантастически-легендарного, и реалистически-вещественного, и романтически-лирического, и эпически-сказового. Поэтическое пространство произведений Натальи Егоровой обладает невероятной глубиной времени. Лев Николаевич Толстой, сочетающий в себе мощный талант философа-мыслителя и такой же незаурядный талант писателя, считал, что крупные события и чувства вырастают из глубины. Возможно, постижение непостижимого помогло и Наталье Егоровой отыскать свой путь в русле поэтических традиций. Всё в её поэзии гораздо серьёзнее, глубже, чем могло бы показаться на первый взгляд. Материальный мир приобретает универсальное понятие, без приторно-идиллического привкуса, и держится на основополагающих смыслах: веры, молитвы, любви, красоты, радости. Отсюда у автора и высшее представление о жизни, граничащее с трагической мудростью:

*О, прекрасен ты, мир, в переплете весны —
И сверкают твои межпланетные сны
Как посланцы мечты — без порока.
А о том, что ты груб и безумно жесток,
Я когда-то забыла дослушать урок,
Навсегда убежавши с урока!
Эти взрослые глупости мне не нужны —
Я люблю в крутобокой плавильне весны*

*Острый запах запретной свободы —
Дерзость быть вопреки, перейдя за черту,
Жить, распахнутой настежь, и душ высоту,
Что идут по судьбе, как по водам.*

Всеобъемлющий, планетарный взгляд, утверждающий силу и энергию самой жизни, которая начинается на солнечной стороне бытия и длится, длится без конца и без края, являет она миру в этих одухотворённых, исполненных вдохновения стихах. Но может ли жажда жизни стать искуплением вины за то, что эта жизнь летела в огненном потоке, не давая остановиться, задуматься? «Не вини же виной, не кори меня злом, / Я упрямо жила свою жизнь о другом, / Всё узнав и простивши на свете», — исчерпывающе звучат авторские интонации страстного принятия неделимого чувства вины. «Это не литература, говорящая о жизни, но жизнь, говорящая о самой себе», — так писал Вадим Кожинов о сильном эмоциональном воздействии прозы писателя-фронтовика Виктора Курочкина. Слова известного литературоведа можно отнести и к не менее убедительной поэзии Натальи Егоровой, где тоже жизнь бьёт ключом и правдиво рассказывает обо всём и после прочтения произведения, рассказывает и не умолкает, независимо от воли и желания автора, ибо стихи написаны так, что они — и продолжение, и преодоление жизни.

Поэтические тексты Натальи Егоровой рождают яркий зрительный ряд, в который всегда незримо и естественно вплетается религиозное начало, некий первоэлемент абсолютно, и незримо живёт в нём, взаимно отражая две стороны земного бытия — материальную и духовную. И то и другое требует от поэта напряжённой внутренней работы. «Но не во имя практической цели, как этика и эстетика», — считал литературовед Эйхенбаум, — а во имя высшего, неизвестного им самим». Присутствие Божественного и является для художника — высшей задачей и целью. Лишь в этом слиянии — истоки народной памяти, единство живого, генетического образа Руси — России — Родины. В нём глубинные истоки и художественного универсума — философского космизма, характерного для поэзии Натальи Егоровой.

Дух ушедших эпох, смысл исконный и высокий вобрала в себя Русь. На Руси и до обращения в христианство русские люди обладали нравственными христианскими ценностями, что имело значение для развития широкой традиции, уходящей корнями в глубь веков, к архаической Руси — первородине, источнику внутренней энергии народа. Об этой «до-

христианской эпохе», как её назвал в стихах Натальи Егоровой Сергей Куняев, она и пишет будто на сказово-былинном языке, в чём-то похожем на поэтическую прозу. Вспомним, что и Ветхий Завет отличался пронзительным ощущением истории, а значит — времени. Новый Завет — это в каком-то смысле упразднение времени, сопряжённого с вечностью. Вечный зов из того далёкого прошлого, что на грани перехода от Руси языческой к Руси христианской, начало той жизненной ломки, надрывы исторического бытия явственно отзываются и в произведениях Натальи Егоровой, представляющих мифопоэтическое единство человека и природы. И мы слышим, как текут реки — могучие и древние реки поэзии:

*Заревет ли медведь, зазвенит ли рассвет, —
Тронет душу неведомый сон, —
Здесь великие реки выходят на свет
Из берложьего зева времен.
Здесь медведицы-сосны на лапах рудых
Лижут мёды зари спозарань.
Не напейся из следа болотной воды
И медведицей лютой не стань.*

Архаическая мистика язычески-природных начал будто раскрывает безграничные метафорические контексты доисторических времён. Русь здесь — праистория человечества, предшествующая средним векам. Борис Шергин, русский писатель-сказитель, говорил: «Моё упование — в красоте Руси». Эту красоту и мощь не пересилить вовек. Красота природы нерукотворна. Вот и в текстах Натальи Егоровой, в которых просто растворяешься, исчезаешь, поражаясь их яростной, могучей, прекрасной силе, поражаясь тому, какая возможность любви заложена в звере и вообще в дикой природе. Об этом неоднократно упоминал в своих наблюдениях Пришвин, погружаясь в нескончаемые странствия по самым неизведанным и заповедным местам русской природы. Связь Руси и России в этих будоражащих воображение стихах метафизически неразделима:

*Нас сквозь дебри смертей и рождений вели
Знаки войн и горящих планет.
Это — глубже меня, это — дольше земли,
Это знанье древнее, чем свет.
Мы пришли из России и канули в Русь,
След оставив и песнь на земле.*

*Всё пройдет и исчезнет — но я не боюсь
Раствориться в светящейся мгле.
Не рыдай о прошедшем — а тропку приметь
Через гари — в страну старину.
Заиграет ли лось, заревет ли медведь,
Взроет дикий кабан целину.
Там, на просеке, черные тени лежат,
Гривы сосен от ветра дрожат,
И медведица-мать ревет на закат
И выводит к Днепру медвежат.*

Связь двух ипостасей Руси—России сопряжена в своём единстве навечно. Так же была на Руси нерушима и связь человека с Богом. Стихи «Лампада Ильи Муромца» дышат тоже не только былинной историей народного эпоса, но обращают наши взгляды к лучезарному образу Христа, мы воочию видим Его Божественную силу не только чудесного телесного исцеления, но и чудо спасения человеческой души:

*Догорел у киота огарок свечи.
Развалилось крыльцо. Прохудилась бадья.
Тридцать лет и три года сидел на печи
Хворый костью и телом болящий Илья.
Старый дом по макушку в сугробины врос.
А в округе — раздолье ворью и зверью!
Но снегами прошел мимо хаты Христос —
И помиловал нищего духом Илью.*

.....

*Даже силушка Божья — без Бога пуста!
Станет ржавью мой меч. Станет прахом мой конь.
Но зажгу я лампаду от Света Христа,
Чтобы цвел над снегами бессмертный огонь!
Ты отведаешь, Родина, горя и слез.
Враг посева затопчет и храмы спалит.
Но пройдет мимо нищенской хаты Христос —
И великою силой тебя напоит!*

Каков эпический охват, разлёт во всю русскую ширь и удаль этой бессмертной легенды, что становится поистине народной песнью героизма и доблести русского меча, и нескончаемой песнью горячей веры в Христа, без Которого нет победы! Вернуть бы нам эту тоску Ильи по Христу. Смысл и цель литературы заключается в том, чтобы вести людей к Спасителю. Когда же и где мы утеряли эти смыслы, завещанные нам предками? На каком историческом рубеже, на каком переломном моменте?

Русь заполняет собой всё пространство авторских текстов. Поэзия и история торжествуют, и человек тут свидетель перед Богом о чуде Руси, о вечной славе России. «Вишь — Русь стоит на холме пологом...» — блоковскую мощь впитали строки Натальи Егоровой, мощь эта идёт от древности, от скифских курганов, что кажутся воплощением вечности. Не от той ли Руси досталась нам в наследство и забытая ныне крестьянская хата? «Никто не косит черные бурьяны. / По всей округе — тленье и распад. / Глядят сквозь ночь в тягучие туманы / Глаза пустых, забытых Богом хат», — горькое сиротство брошенных деревень — хорошо знакома эта убийственная картина новейшей истории России. На «улице умершего села» не сыскать уже той былинной Руси. Крестьянство — хребет нации — неизбывная боль и вина перед будущими поколениями. «И не смирившись с пагубой и тленом, / Музейный зритель родины своей, / В умершей хате споришь со вселенной, / Но лучшей жизни — не находишь в ней», — отечественная традиция бессонной взыскующей совести, что ранит, саднит душу, звучит в поэзии Натальи Егоровой пронзительной нотой боли. Вероятно, поэтому крайне сложно уже разглядеть «былую Русь», уходящую в забвение, как и старых друзей и саму стремительно меняющуюся Россию. «Сгоревших звезд за снегопадом свет. / Ищу друзей, которых больше нет. / Я жить хочу — и на себя сержусь. / Скриплю снежком. Ищу былую Русь», — ощущение себя «во времени чужом» — очень явственный и неотступный мотив в её творчестве, который всё более усиливается с годами. От этого не уйти, не улететь на русской удалой тройке, что несётся сквозь столетья, бег которой и в грядущем будет олицетворять величие Руси. «Атомная птица-тройка» — стихи, сочетающие два образа-символа: и тройки как неутомимого бега по бескрайним и вольным просторам Руси, и птицы, с которой издревле отождествляли себя крестьяне. Надо сказать, что птицы — излюбленный образ автора, неизменно присутствующий во многих произведениях. К примеру, «Птицы в городе» — стихотворение, восходящее к истокам символизма, ведь птицы — так или иначе всегда участвуют в акте сотворения мира. Они всё символически связывают как с непреходящим, небесным, Божественным, так и с тёмным, трагическим, силами зла и беды. Между тем не остановить взявшую свой разбег тройку. «Завещаем мы нищенство внукам / Вместе с тройкой и горькой слезой...» — и не понять, куда же вместе с этой неутомимой тройкой несётся Русь? В какие родные преде-

фактический облик эпохи, отдельной личности, но и важно их отражение в культурной памяти современников и потомков. Не напрасно звучит сегодня завет классиков: чтобы представить будущее, надо непременно заглянуть в прошлое. Опоэтизированная Н. Егоровой легенда о Китеж-граде содержит зримые, незабываемые мифопоэтические истоки художественной картины мира и говорит о том, что всё в истории когда-то было. Высшая точка её — воплощение Христа; всё, что после этого — удаление. Может, поэтому и нужно отыскать этот «взыскуемый град», может, в нём наше возрождение? «Таинственный град», затонувший в водных глубинах, не перестаёт волновать до сих пор:

*В ведре позабытом железном
Мерцает зеленая мгла.
Взгляну в эту ржавую бездну —
Сияют со дна купола.
Они золотятся в водице
Гниющей, готовой зацвести.
Синице, слетевшей напиться,
Звонит колокольная жемчужина,
И в каждой окрестной канаве,
В болотце, в речушке на дне
Град Китеж в неведомой славе
Всплывает в земной глубине.*

Предание гласит, что только те, кто чист сердцем и душой, найдут свой путь в Китеж, в этот мессианистический город, в «Русскую Антлантиду», что скрывает озеро Светлояр. Двойственный образ, потаённый, в котором есть и мрачное, губительное отражение тёмной бездны, напоминающей человеческую душу, замутнённую, покинутую Богом, уставшую без Него в своём одиночестве, но питающую вечную надежду на возрождение:

*Слезой сквозь набухшие веки
Пробьются страданья твои.
Сольются в печальные реки
Все долгие муки земли.
А утром прощенье приснится.
Увидит очищенный взгляд,
Как в каждой слезе на реснице
Всплывает взыскуемый град.*

Но не только из фольклорно-мифологической традиции вырастает творчество поэта. Прежде всего оно питается почвой национальной, включающей эпическую, философскую, метафорическую составляющую. «Всё великое в искусстве исходит из недр глубоко национальных», — отмечал Немирович-Данченко. Драматичное полотно русской истории, насыщенное мощными образами, — произведение Н. Егоровой «Волоковая», которое можно отнести к историко-философской поэзии и которое, безусловно, по праву может занять особое место в жанровом и тематическом многообразии современной литературы России.

*Черны чугулки, и старинные живы ухваты,
И угли в золе полыхают, как звезды в ночи.
Ты крестишь порог и гостей приглашаешь у хату,
И ставишь картоху в остывшем горшке на печи.
И шепчешь устало, по углям бывшее читая,
А Каспля шумит и, как щуку, хранит твою весть,
Что волок лежал за деревню Волоковая,
Ведь тысячу лет простояла над озером весть.*

Национальная трагедия всех войн, когда человеческая жизнь теряет свою ценность, ныне приобретает новое осмысление, что, разумеется, здесь прочитывается. К тому же точно отразился народный характер эпохи, история войны и мира, жизни и смерти — основа бытия Руси — крестьянство, земля-кормилица. Миг бытия, что становится поэтической вечностью. «У Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день», — гласит Священное Писание (2 Пет. 3: 8). Метафорические архетипы, сложные ассоциативные образы — жизнь в бесконечном вселенском времени — величественно предстаёт в этих планетарных стихах. Развёрнутые метафоры вширь и вглубь создают метафоризацию текста в целом.

*И сколько жила ты — войной полыхала равнина,
И вечные всходы болезнью сжигала роса.
А ты всё ждала в партизаны сбежавшего сына
И Бога молила, чтоб дочку хранили леса.
Ты черные руки положишь на белую скатерть.
Кто был здесь в гостях, позавяжешь на память узлы.
Разлوميшь картоху — великая вечная Мать,
Вся в черных морщинах чернее земли и золы.
Зарю над деревней твоей повернуло на полночь,
И звезды над Касплей на волок идут посолонь.*

*Ты смотришь во мрак и, беззубая, шамкаешь: «Помню!»
И в старой печи поднимается Вечный огонь.*

Символ огня — древний родовой очаг, что из плоскости земного бытия восходит в пространство духа, разжигая небесный вдохновенный огонь, который негасимо пылает в поэзии Н. Егоровой. Она и строит творчество на основе ключевых вселенских понятий добра и любви. Описание значительного и должно касаться чего-то такого, что не занимает места во всеобщей истории, но зато остаётся в сердце навсегда. «Великая вечная Мать» — являет собой универсальный образ всей русской литературы, составляющий живительную соль земли. Разве не русские женщины вынесли на своих плечах все тяготы и лишения, разве не их измождённые от непосильного труда руки сеяли хлеб, сохранив Россию, её детей, а значит — будущее?! Самоё заветное и глубокое в народе — материнское сердце. Об этой народной силе, рождённой в дереве матери, писал А. Платонов в рассказе «Дерево Родины» — «божье», так прозвали его старые люди: «...у последней избы росло одинокое божье дерево», которое сын постоянно вспоминал на войне, попав в плен и восстав всем русским духом против смерти. Ведь жизнь ему дала мать, и никто не в праве её отнять! «Дерево жизни», согласно Владимиру Топорову, «актуализирует мифологический образ жизни во всей полноте её смыслов и, следовательно, противопоставлено дереву смерти, гибели, злу». Платоновский язык мирового величия матери, возраставшей на родной земле и своих детей, и древо жизни, что вплелось корнями в сердце русского человека, проступает и в стихах Н. Егоровой, глобально открывающих нам разное понимание времени. Историческое — линейное время в отличие от того же циклического. Хотя в чём-то линейно и нынешнее время. Автор даёт понять, что история состоит не только из событий, а из явлений тоже. Вопрос лишь в том, что считать событием? Победы и войны, которые забываются и переписываются историей, или боль и слёзы матери, спасительный огонь «в старой печи», которому не погаснуть вовек, пока стоит земля русская и её «великая вечная Мать», пока побеждает её грандиозная материнская мысль?! А может, пока стоит русский человек, генетически не забывший свою праматерь, бросившую когда-то в земную почву зерно, что проросло и дало плоды небесные, духовные? Решайте сами!

Поэзия — это тоже время, плотно сжатое, предельно сконцентрированное в авторской строке, но здесь оно отличается тем, что уже течёт не однолинейно. И тексты Натальи Егоро-

вой многомерны, их смыслы выходят за пределы сиюминутного, а творчество воспринимается как национальное явление современной литературы, продолжающей русскую классическую традицию. Все её произведения — мера судьбы, мера каждого события жизни, окрашенного мощной нравственной силой, укоренённой в национальной почве. Вот и стихи «Гнездово» очерчивают вечный круг бытия, размыкая и замыкая его вновь, ибо сам мир молит «о возвращении сюда»:

*Мы придем однажды, утром рано,
Хвойною дорогою туда,
Где о камни гнездовских курганов
Шкуру трет днепровская вода.
По долинам смерти — свет клубится,
И курганы чуть дрожат во мгле,
Будто это свили чудо-птицы
Гнезда исполинские в земле.*

«Однажды» — слово, преодолевающее проклятие времени. Единственность и неповторимость утверждения всего происходящего — однажды. Пред нами простираются скифские курганы, напоминающие древних «чудо-птиц», — всеобщая соединённость с миром природы, где за каждой метафорой — земная сила, связывающая автора с природой Руси. Но сила земная напитывается и силой небесной, как в других стихах, полных трагического эпоса: «А вещая песня — великою вестью красна. / Мы вновь побеждаем. И снова приходит весна. / Но Феникс горит, и сгорает в огне оком, / И воют развалины в сердце бессонном моем». Образ волшебной птицы Феникс, стародавний, сказочный, что воспламеняется от небесного огня, взлетая ввысь, здесь не случаен. Он живёт во многих мифологических культурах, а к нам пришёл из исторического Средневековья Руси, символизируя веру в человеческое возрождение, в бессмертную жизнь во Христе.

Однако всегда ли есть у истории цель? Пожалуй, нет. Читая Н. Егорову, приходишь к ясной мысли: у отдельного человека — да. Человеческая судьба интересна автору, когда она проходит на фоне истории времён. Пронзительный «свет — из глубин бытия» излучает её Рагнеда, смелая полоцкая княжна, сумевшая подняться над своей несчастной судьбой и остаться в веках символом веры и любви, навечно найдя успокоение на белорусской земле, в одном из тихих и живописных городов, Заславле. Н.

Егорова в произведении «Прадед» не просто рисует судьбу, она пишет настоящую сагу: рассказ об эпическом прошлом, но рассказ, непременно включающий семейную, родовую историю, которую посвящает своему прадеду, священнику, расстрелянному за веру. Нет, не на чужбине, а в собственной стране. Получается, что нельзя быть лишь нежным и звонкоголосым лириком — «проклятые вопросы» не дадут, и они вынесены за скобки, за пределы оного:

*Где ты, прадед, русский поп усталый,
В святцах Неба — мученик простой.
Вновь горит на черной рясе алый
Крест церковный, чисто золотой.
Под распевы древней Литургии
Бьется грудкой ласточка о склеп.
И выносишь ты Дары Святые
Из алтарных врат — вино и хлеб.*

Как же ясно было всё в этой незамысловатой жизни, ход которой внезапно нарушился, вопреки всему обратясь в небытие: «И, смеясь, цвела твоя округа / От молитвы древней и простой / Синей-синей васильковой вьюгой — / Осиянной Богом красотой». По праву кровного родства пишутся эти сокровенные строки, в которых ощущается почвенность, первородство во всей полноте его жизни. Боль и вина за Русь не утихают, потому что потеря всякого человека и всякой вещи является частью смерти, какая есть потеря всего, что и случилось с её прадедом. Ведь в его невосполнимой потере род лишился и своих полнокровных корней:

*Век мы ждали вести. Век искали
След твоей судьбы — да не нашли.
Лишь сиял над вымершею далью
Светлый столп от неба до земли.
Где ты, Русь? Колодец сгнил у стога.
Черны избы. Луч зари угас.
Только ангел посреди острога
Всё поет: «Помилуй, Боже, нас!»*

Удивляет, насколько же потрясающим слогом и языком XIX века, абсолютно не свойственным нашему времени, написаны пронизанные божественным светом любви к матери стихи «Мама моя, из-под тихих седин...» Они несут Вечный

свет взаимной любви, струящийся из материнского и дочернего сердца. Разве возможно это измерить?! «Плод твой, таймый до онога дня / В древней, открытой мирам глубине — / Как ты носила когда-то меня, / Так ты сегодня созрела во мне», — честно признаюсь, подобное я читаю впервые. Какой-то сладкий ком в горле, внезапно перехватывает дыхание и подступают слёзы. Много ли нынче таких стихов, от которых плачешь?! От классиков — да, от современников — почти нет. Невероятно, но это бывает, когда строки обволакивают тебя, уносят в другую реальность, где и есть жизнь настоящая, в своей изначальной природе искренних чувств, жизнь чистого влюблённого сердца: «Долго ты зрела в дочерней тиши — / Мира основа, вселенская ось. / В неборимых просторах души / Всё с твоей нежностью тихой срослось». Не менее прекрасно и стихотворение «Сини очи бабушки моей», которое так же отвечает отечественной традиции философского катарсиса. Приоритетные темы Родины, матери написаны поэтом с невероятной откровенностью и правдой. «Я смотрю на мягкие черты, / На лицо без хитрости и зла. / Больше нет в России красоты — / С вашим поколением ушла» — посвятит она строки любви тоже близкому и родному человеку, излучающему свет «Родины утерянной моей», — бабушке. Однако кто же знал, что будет эта Родина продана, и придут совсем не такие времена и портреты, изображающие лица ненужных стране людей, про которых обычно не пишут. «Нищенка с голубями» со своей несчастливой судьбой, на какую снизошло Божье милосердие, и «Старуха», полуголодная, одинокая женщина, брошенная собственной же страной на выживание: «Она дошла до самого Берлина. / ...Подайте ж милостыню ей!..» — как укор всем живущим пробивают насквозь эти эмоционально сильные строки, взывающие к совести и справедливости.

Характерный, самобытный мотив в творчестве Натальи Егоровой — это мотив русской провинции, сотворённый ею пронзительно и благородно, с незабываемыми символами малой родины. «В подлинности, в живой правде того творческого поведения, которое... дышит в каждой... строке», — видел ценность поэзии художника слова Вадим Кожинов. Провинция отдала лучшее русской поэзии. Она должна быть обязана ей чистотой и душевностью. Примечательно, что в стихах Н. Егоровой при всей их интеллектуальной глубине напрочь исключена некая библиотечность ума, скучное однообразие: наоборот, везде присутствует живая связь слов и земли, и неба,

есть та сила слов, что заключается именно в их традиционной «провинциальности». Книга Натальи Егоровой «Русской провинции свет» удостоена Всероссийской православной литературной премии имени Александра Невского Санкт-Петербургской Свято-Троицкой Александро-Невской лавры — это дорогого стоит. Стихотворные циклы автора, адресованные провинции, читаются как единая восхитительная поэма уходящей старины, которую можно найти, лишь затерявшись в русской глубинке. Таковы и стихи, посвященные родителям — своеобразное признание в любви тихому провинциальному уголку бытия, его неизбежным вековым устоям, его поистине мудрому патриархальному укладу:

*Русской провинции тайна —
В брызгах смородины сад.
Локон сирени случайный,
Синий, как ласточка, взгляд.
Крыши в черемушных тучах.
В облаке мальв — резеда.
Ворот колодца скрипучий.
В черном провале — звезда.*

Не в этой ли неразгаданной тайне сокрыта её магическая власть и притягательная сила? Попробуем раствориться в глубине природы, словно пропуская через глубины своей души её же образы:

*Кто же назвал тебя — сонной,
Нищей, убогой, больной?
Светел покой, осененный
Древней лесной тишиной.
Свят — у поющих обочин
Сосен и вереска дым.
Зачаровала ты очи
Отрокам тихим твоим.*

И не в ней ли одной, завещанной нам с рождения Богом и некогда покинутой, последней обители, всё ещё хранящей тут былую величавую державность, наше с вами спасение? Вспомним Блока: «И я люблю сей мир ужасный: / За ним сквозит мне мир иной, / Обетованный и прекрасный, / И человечески-простой...» Человеческую простоту, сокровенную тишину души и мысли сосредоточила в себе провинция. Не нарушая хода времён, живут своим размеренным старин-

ным укладом, почитая давние русские традиции, «дорогобужские мещане». И это хорошо, ничего унижительного и мелкого по значению, как пытались нам привить, в этом слове и названии нет, потому как не прерывается кровная связь поколений. Слава Богу, что пока Россия не перестаёт удивлять своей неброской красотой природы, скромным «бытом старинным, провинциальным»: «домики жёлтые с белыми трубами» — всё тут знакомое, родное и близкое до слёз. Гоголь удивительно отзывался о языке русской провинции, сочетающем в себе великое и простое. Он считал, что в глубине России существует система знаний о природе и мирозерцании, разработанная самим народом. Писатель призывал сохранить, не потерять ту единственную Россию, в которой тепло и спокойно было бы нашей душе. Нечто бунинское, светлое, освобождённое от мировых скорбей и утрат, лёгкое счастье детства, утопающее в свежем цветении и буйстве природных красок: «радость, вольно бьющая из трав», «дерзкий праздник любованья» — весь мир и вся жизнь упоительно звучат и в стихах Натальи Егоровой: «Сто шмелей из ста ромашек пьяных / Прозвенят шмелихам на лугу. <...> И на дне сетчатки отразится / Сквозь гудящий зноем медовар / Родина — как свищущая птица. / Родина — как солнечный удар», — завершающие строки которых — действительно как солнечный и восхитительный удар в сердце. Катарсис — это тоже удар.

«Древний Космос и наша Земля»

«В поэзии мне всегда хотелось проникнуть в неведомые глубины — будь то глубины сознания, духа, вселенной, соединить несоединимое — Христа и устремлённость России в космос, жизнь русской провинции и задымленного мегаполиса, заглянуть в тайники человеческой души и подслушать мысли цветка. Для меня весь мир — живой, весь — мыслящий. Провести границы между живым и неживым, разумным и неразумным мне никогда не удавалось», — пишет Наталья Егорова в предисловии к своей книге избранных стихотворений «Русской провинции свет». Мы — лишь небольшая частица огромного космоса. Вселенная — извечная загадка бытия. Индивидуальное виденье вещей окружающих, повседневных Наталья Егорова совмещает с планетарным кругозором вещей глобальных — бессмертия Космоса, ставшего расцветом жизни, разума и творческого гения человека. Об этом ратовали русские мыслители-космисты: К. Циолковский, А. Чижевский, В. Вернадский,

веривший в мечту о ноосфере. Идею всеединства воплотил в своих трудах философ В. Соловьёв. Выдающиеся учёные прежде всего видели и ставили перед собой в науке великую цель духовного преображения человечества. Личностно-мировой взгляд помогает и Наталье Егоровой овладеть философскими категориями высшей духовности. «Свет плывет по великому кругу / От коптилки к Душе мировой. / Ночью в черные дыры округу / Тянет вместе с землей и травой. <...> Тянет в омут познания планету. / В черных дырах — а всё же живем. / Видишь, Боже, и мы не без Света / В погибающем мире Твоем!..» — низкое и высокое, казалось бы, несовместимое сопрягает она, уверовав в разум и волю Творца, в искру Божью.

Поражает величественная бесконечность Вселенной и сердце поэта, как непрочитанная книга, открытое жизни, неизведанному. Произведение: «Когда опускается ночь над твоей головой, / Огромное небо беседует внятно с тобой», — объединяет в себе три начала: Землю, Небо, Космос, глаголящий «огнём остывающих звезд». Грандиозность картины впечатляет необъятностью двух соприродных стихий, где торжествует небесно-земная принадлежность, где невозможно одно отделить от другого, разять на части, настолько всё в мире до мельчайших подробностей и деталей продумано Создателем:

*Всё больше созвездий. Все больше неведомых снов.
Все больше над миром горящих огнями миров.
Земля шевельнется в пространстве, расступится тьма,
И мир неизвестностью сводит, как в детстве, с ума.
И мир искушает, огромностью тайны маня,
Прийти приглашает для жизни — тебя и меня.
Мы сходим с крыльца — прямо в снег и трескучий мороз.
И лает нам вслед житель вечного космоса — пёс.*

Время, когда ты живёшь, как в космосе, свято храня свой секрет, — это твоё бессмертное детство. Детство — такая пора, когда и день, и минута, и мгновение осознаются вечностью, длясь до бесконечности. «Древней тайной зажгутся пути и миры. / Скроют сумерки смерть и зачатые. / Тайной Жертвы нальются Святые Дары. / Тайной Господа вспыхнет Распятые» — дорогу к небесной родине, вертикаль вверх, в Небо выстраивает автор в стихах «Секрет», дающих удивительную возможность увидеть нечто за горизонтом, встретить «жизнь и рассвет». Собственно, повседневность и есть счастье, которое доступно лишь детям, способным придавать ему свои

необъяснимые смыслы. Просто надо жить на родине, как в детстве, спокойно постигая упорядоченность мира, что во взрослой жизни да, видимо, и в самой русской жизни — исключение. «Наше детство поет над лесами, / Где разумны все твари подряд. / Ведь Господь между миром и нами / Никаких не поставил преград» («В лодке») — ибо нет «пределов говорящим мирам естества», уверен поэт. И кто знает, не отдыхала ли природа от своей упорядоченности, чтобы, собравшись с силами, из хаоса вновь превратиться в космос?

В любом случае космос — особая тема в творчестве Натальи Егоровой. Весь XX век был ознаменован новым космическим мировоззрением, мистическими предчувствиями. Познание Вселенной, как и путешествия первооткрывателей, подтверждали миру непрерывность пространства. Вот и стихи «Лампа Гагарина» рассказывают о горестных моментах детства будущего героя космоса, о том, как русский человек мог даже во время войны, в эти самые тяжёлые периоды жизни, не забывать о своей мечте, всматриваться в грозное небо и видеть звёзды, создавать свой космический рай, придающий ему силы быть человеком!

*Бродит смерть по военным дорогам.
Пахнет кровью в колодцах вода.
Догорает в землянке убогой
Керосиновой лампы звезда.
Над темнеющим Клушиным небо —
В четких фарах немецких машин.
Над краюхою черствого хлеба
Плачет мальчик — Гагариных сын.
...И великий огонь Алладина
В мир выводит из творческой тьмы
Звездный космос, плывущий лавиной
Над фронтами военной зимы.*

За святой наивностью, трепетным испугом той детской судьбы смоленской мальчишки проступает и вся его будущая большая судьба, предначертанная свыше и подкреплённая непоколебимой верой в Победу. Сами Силы Небесные помогли России в её жертвенном порыве к Победе, в защите жизни и мира, в торжестве правды: «И вминают, буксуя, машины / Звезды в грязь, вдоль воронок руля, / Чтобы стали однажды едины / Древний Космос и наша Земля». С точки зрения человеческого разума всегда было и будет существовать непостижимое, сверхъестественное, необъяснимое. Божественное предназначение удивитель-

ным образом соединяется здесь с предназначением космическим. Не бывает истинного знания без веры, но и сильная вера превращается в знание. И нет глубины падения человека в бездны мрака и безверия, пока кто-то может вымалывать его из этих бездн, пока чья-то душа сохраняет связь Земли и Неба, раскрывающих сакральные таинства: «А Гжать за храмом делалась всё тише, / И говорил со звезд могучий Дух, / Что всех орбит и всех планет превыше / Вот это пенье скорбное старух. / Что где-то там, причастный тайнам Духа, / Летит Гагарин в вечной звездной мгле, / Пока поет последняя старуха / В забытой церкви Богу — о Земле» («Гжатск»).

Русский мыслитель Н.О. Лосский писал об интеллектуальной интуиции, направленной по ту сторону мира, к сверхкосмическому принципу — звёздной философии будущего, рассматривая мир как органическое целое. В структуре мироздания искал смыслы учёный А.Л. Чижевский, биофизик, философ, поэт и художник. Раздвигает привычные смысловые рамки и Н. Егорова: её стихи «Темное небо. Провал в неизведанный мрак» проникнуты неземной философской глубиной и высотой помыслов, предельно обнажены, открыты миру, предельно исповедальны в своём трагическом стоицизме:

*Темное небо. Провал в неизведанный мрак.
Мысль неземная таинственно напряжена.
Над косогором качается огненный мак.
Думают сосны. Тревожная светится мгла...*

*... Чутко услышу, как падают капли на жемчуг,
И приутив к неземному простору печаль,
Хвои вдохну и отвечу вселенной — я есть!
Вечному небу раскрыв соразмерную даль.*

Героиня мужественно совершает выход в область свободы — своей собственной, тесно соприкасающейся с информационным космосом, Абсолютом, соединяющем и тело, и душу, и дух. Как будто разверзлись небеса, и в небесах был виден Бог. Свобода Духа в глубоком, если угодно — религиозном смысле слова. Свобода как дар Божий. И как не вспомнить вестника миров иных, мистика и пророка, воина и героя М.Ю. Лермонтова, его выдающийся мировой шедевр — стихи «Выхожу один я на дорогу», как не принять его такое же внутреннее одиночество, метафизически чувствующее природу и человека, а ещё тот неведомый мир, частичку ка-

кой-то незнакомой, застывшей, мятущейся планеты, так похожей на души людей, фатально обречённых на непрерывные поиски самого главного — Бога в себе.

«Бог спасенья и Бог бытия»

Пройдя долгий путь обретений и потерь, путь расцвета и разрушительных войн, человечество встало у последней черты, явственно осознав, что в мире нет никакой истории, есть лишь единственно ценное во все времена: или мир становится ближе ко Христу, или отдаляется от Него. Мы должны вернуться к христианским истокам человеколюбия: всемирности, соборности, справедливости — гуманизму. Религиозный мыслитель Константин Леонтьев призывал реализовать одну единственную мечту о призвании России восстановить единство христианского мира. Человечество должно видеть цель. Иначе оно погибнет. Никакого другого мира нет. Мысль, лишающую русского человека Христа, в России не внедрить никогда. Россия, что понятно из её многовекового пути, живёт в вечности, а Христос — это и есть вечность. Ибо только вера делает человеческую жизнь изначально ясной и определённой. Но нам сегодня пытаются привить некую теплохладность, безразличие, некое духовное равнодушие. Вера, Родина и Бог даются каждому от рождения, даются естественным ходом природных вещей, когда как знание и опыт приходят гораздо позже.

*Высок мой Бог. А полдень мира — чист.
Простер Ты землю, как кленовый лист.
Здесь между черных хат по солнцу вод,
Пугаясь, лебедь белая плывет,
В борозд за островом осок
Трещит картошкой старый костерок,
И Богородица, откинув плат,
В грибном лесочке крестит листопад.
Мычат коровы. Пахнет сеном тьма.
Зачем мечтать? Мечта сведет с ума.
Копай картошку, пей дожди полей
И песню пой о родине своей.
Пространство — слушай. Времени — внемли.
Лишь кротких ждет наследие земли.
И дедам Бог, к молитвам гордых глух,
Земную ширь — вручил за кроткий дух.
А клены полыхают всей листвою,
Что жив — Господь. Что Бог — всегда с тобой.*

Из этого стихотворения Натальи Егоровой, дышащего светлой любовью к Богу данной родной земле, не предстается возможным удалить ни одной строки. Во всём ощущается присутствие Всевышнего и бережное касание души нашей, направленной Его рукой к добру и просветлению. Вечная русская молитва, русский дух — победитель всех страданий. Бытие невозможно без веры. Она — средство примирения со всеми бедами и разочарованиями. Метафизика бытия, сама Божественная природа открыли людям величайший смысл, которого не было прежде. Поэтому Бог всегда рядом, Он никогда не покидает нас. Значит — мир наполнен гармонией. Ничего из бывшего не исчезает, ни человек, ни животное, ни даже лист с дерева родины.

Каждое отдельное стихотворение Натальи Егоровой — это своя особая история, пережитая и выстраданная автором. Подобное чувство проецируется и на читательское восприятие. «Есть какая-то грозная власть, перед которой нужно держать себя в чистоте, чтобы не погибнуть окончательно... совесть, трепещущая перед Богом», — предупреждал Василий Розанов. Заповеди Божьи, органично вплетаясь в самую жизнь, со спокойной уверенностью входят и в поэтические тексты Натальи Егоровой. Сердечный, сочувливый человек тождественен по существу религиозному человеку. «Прошаю смерть в последней глубине, / И мир, что не нуждается во мне, / И жизнь, что, полыхнув, почти прошла. / В земном пути — не поминаю зла. <...> И говорю: с земной своей судьбой / Смирись — и вспыхнет солнце над тобой», — это и есть главные христианские качества. Прощение, смирение, преодоление страха смерти, которой не надо бояться, ведь для православного человека существует память смертная, те узкие врата, за которыми после рождения является вторая и главная тайна нашей жизни, где смерть — точка стечения всех человеческих одиночеств, одиночество последнее и крайнее. Оно предупреждает, что в последнюю минуту каждый остаётся наедине с Богом. «Многими скорбями надлежит нам войти в царство Божие» (Деян. 14: 22), — гласит Писание. Текст Вечной Книги Наталья Егорова прочитывает тоже по-своему, отсюда и такая неординарная трактовка её сюжетов. Связь между людьми через Бога и связь с Богом через людей проявляется в стихотворении «В последнем из странствий...» У Бога нет времени — только вечность. И все у Него живы. Во времени конкретном нуждается лишь мир материальный: «У вечного Бога / Кончается время в руке», — напи-

шет Н. Егорова, подразумевая лишь земную конечность бытия для любого живого создания, будь то маленькая букашка, неугомонный кузнечик, или беззаботный мотылёк. Но есть и другие пределы, когда она скажет: «У вечного Бога / Меня подожди хоть чуть-чуть! / Не ради свиданья, / Не ради любовных утех, / А ради молчанья — / Последнего знания на всех». Точно замечено, мудро. Сколько раз в жизни нам приходится жалеть о сказанных словах, имеющих магическое свойство сбываться, но никогда — о молчании. Екклесиаст не зря напоминает нам: «Все́му свое время... время молчать и время говорить» (Екл. 3: 1, 7).

Будем откровенны: в стихах Натальи Егоровой нет уныния — этого смертного из грехов, очень часто приводящего к отчаянию. Православная религия несёт радость жизни, радость встречи с человеком и с Богом. Давняя русская традиция всегда считала наиболее судьбоносными и достоверными произведения исповедального характера. Внутренняя исповедь, честная, где-то беспощадная, вне сомнения, — самое ценное в литературе. «И жизни своей, промелькнувшей огнями не мимо, / Озоном любви и грозой сомнений дыша, / Признаюсь я честно, что молодость неистребима, / Как неистребима и в черной печали душа», — откровенно льётся её строка, в которой и боль, и надежда, и радость — горько-сладостный напиток, что полностью ещё не испит из чаши жизни. Радость — великое чувство, далеко не каждому оно даётся, чтобы вот так легко, не будучи отягощённой грузом бытия, высказать сокровенное, словно пропеть саму жизнь: «Ты длись, моя жизнь, в бесконечных проулках весенних, / Пока над холмами в высоком и вольном бреду / Гремят соловьи и грохочут шальные сирени — / Покуда сирени цветут в Гефсиманском саду...» Божественное явление нравственности никогда не покидает автора. И если даже «накопилась за годы усталость», то всё равно, когда Бог захочет, побеждает естественный порядок вещей:

*Я несу свою ношу, не зная
Потаенного смысла пути.
Но, страдая, Христу помогаю
Крест Его — до Голгофы нести.
И рождается в сердце беспечном
Невозможный и ясный ответ:
Если жить, то, конечно же, вечно,
И сомнения в выборе нет.*

*Что мне смерть, если дышат приветом
Жизнь моя и судьбина моя,
И твердит о бессмертье из света
Бог спасенья и Бог бытия.*

Христос был совершенным человеком, излучающим истинную человечность. Мы забыли об этом, как забыли непростительно и другую возвышающую мысль: ничто в этом мире не напрасно, есть и всевидящее око, и всевидящий покровитель, и всевидящий суд.

Между тем в поэзии Натальи Егоровой чётко выражено личное представление и отношение к вере, что не исключает и собственных связей с Богом. Николай Лосский справедливо полагал, что «существует столько же союзов с Богом, сколько и человеческих личностей, поскольку каждый из них предполагает уникальные, абсолютно неповторимые отношения с Божеством, и на небе возможно столько же явлений святости, сколько было, есть и будет личных судеб на земле».

Вера Натальи Егоровой идёт от родниковых истоков Руси, именно такую веру она и утверждает сегодня, именно к ней пытается обратить наши взоры, возвращая к искренности и чистоте раннего христианства. Таков русский мир поэта в широком, надмирном, понимании этого столь распространённого ныне словосочетания. Связь неба с землёй не так проста, как мы привыкли считать. Надмирность — что в этом слове? Надмирность же включает главное качество — святость.

Вся Древняя Русь пронизана надеждой на спасительную историю. Она несёт чистоту первоизданной веры. Там заложена и настоящая духовная культура, данная людям Богом от сотворения земли. В сиюминутной изменчивой реальности остаётся нетленным в веках и творчество русского иконописца Андрея Рублёва. Неземным светом вечного духа просвечивают сквозь столетия лики его Святой Руси. Воистину ему было дано по вере. Он доказал первостепенное: для человека нет ничего невозможного. Русь и давала художнику силы творить, преодолевая трагизм бытия. Молчащее искусство скорбного бесстрастия будто заговорило, услышав голос, ниспосланный Богом, чтобы сказать человеческому сердцу гораздо больше, пронзительнее любых слов.

*А ты, чернец, где мог, искал свой жребий —
Безвестный гений с метой на челе,
Земной тропой скитался, словно в небе,
Тропой небесной шел, как по земле.*

*Ты видел здесь — трубу сгоревшей хаты,
В спаленных градах — мертвые тела.
Ты видел там — бой ангелов крылатых
Над бездной вулканического зла.
Но где нашел ты синь и охру эту
И дух, такой высокий и святой,
Что ни один из мастеров планеты
По силе не сравняется с тобой?*

Только учась у самого Творца, можно было сотворить подобное. Гениальный художник земные дни, отпущенные ему Спасителем, провёл без оглядки, с великой верой, любовью, с надеждой на возрождение Руси. Так жизнь превращается в житие. С древних времён Бог призывал человека найти самого себя и свой путь на земле. И на память приходят евангельские слова: «Царство небесное силою берётся, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11: 12).

*...Ожжет роса... Заломит тяжесть тело...
Лежать в траве и с детской верой знать,
Что хорошо, проснувшись в роще белой,
На Троицу березы заломать.
И слушая, как солнце множит тени,
Как зреет рожь и шепчется листва,
Забиться в триедином постиженьи
Родной земли при свете Божества.*

Жизнь Троицы, явленная во Христе, — свидетельство тринитарной жизни: Отец, Сын и Дух Святой, глубокая неразделённая общность Троиц — сверхсущее и абсолютное начало всякого Бытия — так необычно эти концепты философского всеединства находят своё убедительное выражение в стихах «Андрей Рублёв», явственно представляющих икону Ветхозаветной Троицы.

Знак, символ, ядро древнерусской культуры — икона — церковный образ, соответствующий своему благодатному и спасительному назначению, столь же вселенскому, как и само Православие. Икона, источая бесчисленные чудеса, изначально могла противостоять силам зла, силам тьмы; в те давние времена, в недрах которых зарождались сакральные символы Руси, она непостижимым образом предвосхищала грядущее, заключая в себе и веру, и диво дивное. Ф.М. Достоевский, досконально исследовавший духовно-религиозную проблематику в творчестве и не мыслящий судьбу России без христианского мировоззрения,

говорил в «Братьях Карамазовых»: «...вера не от чуда рождается, а чудо от веры». Иконописный образ несказанного света, удивительно сочетающий в себе два таинственных феномена, — Богородица. В произведении «Одигитрия Смоленская» Н. Егорова широкими и свободными мазками талантливый живописец рисует картину путешествия иконы Богородицы из Византии и дальше по русским просторам, которой было суждено стать символом чистоты и искренности христианской веры. Как известно, Смоленская икона Божией Матери — почитаемая в православии чудотворная икона Богородицы, — ограждает и защищает западные пределы России. Переплавить человеческие страдания в свет, дать надежду, исцеляющую душу, — в этом заключалось великое предназначение Богородицы на Руси: «Мчались конюшки снежной пустыни. / Колокольчики веяли грусть. / Из далекой земли Византии / Богородица ехала в Русь... // Протрубили: «Христос наш воскрес!» / Гуси-лебеди в снежном раю, / И уделом Царицы Небесной / Назвала Ты Россию свою».

«Божьего слова родник...»

Любовь и слово — вместе вы всегда...

Наталья Егорова

Сегодня, когда мы можем наблюдать расширение границ различных литературных направлений, их уход от традиционных жанров и стилей, важно сохранить эстетическое соотношение правды жизни и правды искусства. Вот что пишет Наталья Егорова о современной поэзии, пытаясь разрешить проблемы русского слова: «Мы утратили нечто первостепенно важное и фундаментальное — тот строй души, породивший особый строй русского стиха, который, подчас независимо от воли поэта и вразрез со сказанным, самим своим глубинным, неразрушимым христианским духом — любовью, гармонией, чистотой, архитектоникой, звуком — свидетельствовал о том, что человек создан по образу Божьему». Дабы дать читателю почувствовать динамику забытой письменности, аромат древнерусского источника, обратимся к её стихам «Берестяная грамота», в которых она развивает идею Божественности Слова. Основа сущего — древнерусский язык славян, когда всё соединено в Боге, весь наш мир, представляющий вселенскую матрицу человечества с его бесконечным количеством судеб, записанных на всевозможных наречиях и языках:

*Вскинешь голову — полночь, прохлада.
Звук неясный... Невнятная мысль...
И слепит белизною и ладом
Рябь стволов, уходящая ввысь.
Словно букву, под вяньем мига
Метку черную тронет рука,
И раскроется древняя книга
В мерном шелесте березняка.
Это наши разлуки и встречи,
Весь наш мир до глубинных основ
Записала усталая вечность
На глаголице дальних миров.*

Древнее Слово, полузабытое ныне, инобытие — самое трогательное прикосновение к душе человека, равноценное прикосновению Бога. И самые сильные, самые лучшие слова надо искать в истоках старославянского языка. Утерянная связь вещи и слова, не столь ощутимая сейчас, была неразрывна и очевидна на Руси. О чём это говорит? О том, что человек был ближе к Богу, к природе, к вечности, у этого человека не было лишних вещей и предметов, а было только существенное. Где и когда мы утратили эту «ариаднину нить»? — волнует и не покидает поэта мысль, от которой так много зависит в судьбе и в творчестве художника слова. Екатерина Козырева выделяет редкое качество литературного дара Натальи Егоровой — «писать стихи, как древнюю грамоту». Она и пишет их, словно разворачивает ветхозаветный свиток, вмещающий длинную историю земли, где открывается один исторический пласт за другим.

*И за жизнь, что дарована даром
Вместе с белой берестою дней,
Как за короб, набитый товаром,
Каждый просит цены — покрупней.
Но ведь мы-то бессмертны, как Боги,
В блеске звезд, на дорогах страны.
И не зря этих рощиц чертоги
Шепчут в полночь, что мы спасены.
И не вся наша правда — о хлебе,
Если легкий, как Божий сквозняк,
Разметавшись в темнеющем небе,
Спит и грезит во сне березняк.*

«Истина — есть духовное завоевание», — считал Н. Бердяев. Истинный момент мировоззренческих поисков Н. Его-

ровой, её духовное завоевание — первозданное русское Слово. В письме к Батюшкову Куприн говорил: «Но есть одна — только одна область, в которой простителен сам узкий национализм. Это — область родного языка и литературы». Он считал, что язык «требует самого нежного, самого бережного и любовного отношения», а «русскую народную культуру и мудрость» определял как «крестьянскую культуру и крестьянскую мудрость» («Слово о русском Слове», очерк А. Байбородина). Н. Егорова аналогично уверена в том, что сохранение нашей речи и нашего языка во многом означает и сохранение нас самих. Её стихи «Берёзовый венок», какие действительно можно назвать исконно русскими, поскольку катастрофически иссякает духовный родник, питающий подобную поэзию, напоминают нам о сакральных тайнах творчества, когда изначально поэт был человеком песенного и письменного текста. «Вскрывается Божьего слова родник», и Боян, и Ходына — два русских песнотворца — поют о любви. Н. Егорова, а это невозможно сделать искусственно или, скажем, умышленно, концентрирует в себе уникальный талант: выразить в поэтическом слове целый спектр чувств, эмоций, смыслов, которые как Божественное благословение нисходят к ней свыше. Этот «берёзовый звук» «берёзовой музыки», характерный только для русской поэзии, чего не отыскать ни в одной зарубежной литературе, — непреходящая мелодия всей России и мелодия её мощной лиры, становящейся с течением времени лишь многомерней, философичней. Она впечатляюще высвечивает значимость творческого и человеческого наследия выдающихся русских художников слова:

*Я в березовой роще закрою глаза —
Меж стволами плывут голоса, голоса...
Русский терем души, белой Троицы храм —
Только листья и слезы кипят по стволам!
Это Пушкин поет о сиянии глаз.
Это Лермонтов демона зрит сквозь Кавказ.
Это плачет Есенин о рощах земли.
Это к Блоку, как музы, летят журавли.
Это Тряпкин из гнезд выкликает скворцов.
Это спит в соловьином яйце Кузнецов.*

Наталья Егорова совершает выход в область собственной свободы духа, поражая своей откровенностью. Для поэтов земной и небесной, высшей правды, подобных Н. Егоровой, это неизменно, непреложно. Исповедальность её не замы-

кается лишь на себе, на своей личности, она полна боли за страну, за разорение отчих мест, за покинутые хаты и деревни, преданные забвению. Автор исповедуется перед Богом и за нас, и ее творчество и становится служением. Сегодня многие художники ставят человека не перед Богом, а перед собой, сосредотачиваясь на голом самовыражении, лишённом подлинной правды. *«Великие произведения искусства выбираются историей лишь из числа произведений «исповедального характера». Только то, что было исповедью писателя, только то создание, в котором он сжёг себя дотла, для того ли, чтоб родиться для новых созданий, или для того, чтоб умереть, — только оно может стать великим»,* — на все времена сказал Блок. *«Меняются тревожные картины / Столиц, морей, роящихся светил. / Земную жизнь пройдя до половины, / Стою в лесу, как Данте говорил»,* — личное признание в текстах Н. Егоровой переходит постепенно в извечную философскую исповедь человека и художника, ответственного за свои земные деяния. Отсюда понятна и жизнестойкость такой строки: *«Ищу и в безысходности исхода»,* как понятна и её гражданская *«смелость жить разоренью назло...»*

Следует обозначить и особенности художественного стиля, что присущи поэзии Натальи Егоровой, обратить пристальное внимание на процесс построения её стиха, совмещающий, казалось бы, несовместимое и вызывающий интерес своей достаточно объёмной композицией. Белинский всегда призывал художников создавать исключительно лаконичное и короткое лирическое произведение. Но у Н. Егоровой не всё однозначно, когда лирическое тесно сплетается с эпическо-драматическим. К тому же не бывает правила без исключений. Нет, я не пытаюсь доказать особую исключительность автора. Некоторые критики уже обращали внимание на длинноты её стиха, где-то чрезмерные для поэтического текста. Возможно, и так, но лишь отчасти. Лично я нахожу всё возможное и невозможное в произведениях Н. Егоровой, мне они напоминают поэтические поэмы, либо особую поэтическую прозу, когда неисчерпаема глубинная философия каждой строфы, ты не можешь напиться, не можешь утолить жажду, генетически накопившуюся в тебе, разливающуюся в твоей крови, бегущую по твоим жилам и нервам. Всегда ли одна краткость — основное качество таланта? Тот же Белинский отмечал следующее: *«Творческая деятельность поэта представляет собою <...> особый, цельный, замкнутый в самом себе мир, который держится на своих за-*

конах, имеющих свои причины и свои основы, требующие, чтоб их прежде всего приняли за то, что они суть на самом деле, а потом уже судили о них». Вот и многие стихотворения Н. Егоровой словно предчувствуют предстихотворный вариант, некий глубинный код, некую бесконечную словесную фактуру стиха. Вопреки канонам, она и творит свою поэзию, которую нужно понять и принять внутренне, в широком философском контексте, но при этом осознать как непреложную данность, никем другим неповторимую, прочитать как собственную жизнь. А ещё услышать нарастающую, как гул, насыщенную метафоричность её поэтической речи. Н. Егорова изумительно использует такие тропы, как метафоры, которые тоже нужно чувствовать, ведь за ними очень часто стоит жёсткая конкретика.

*Я жила, как кувшинка озер и болот:
Донный стебель толкнув в никуда,
Выплывала над глубями темных свобод,
Чтоб цветок не накрыла вода.
На губах отцветал неслышанный стих —
Звук крушения, вкус лебеды.
Но держала я голову выше других,
Золотую — над топью беды.
Мир тянулся сорвать, не по-детски жесток,
Заплести меня в чей-то веночек.
Но пружинистый стебель звенел про исток,
Вглубь толкал непокорный цветок.
И посмела я сердцем живым уцелеть
В темной тине и омутах вод.
И посмела я песню по-своему спеть
О застойном дыханье болоту.
О теченьях и илах на сумрачном дне,
О зеленой речушек крови,
О таинственной древней озер глубине,
Что меня родила для любви.*

Здесь буквально всё построено на метафоре, красочной, эмоциональной и по-философски глубокой. У автора нет безысходности, новое и вечное начало побеждает. «Я знаю в поэзии толк!» — воскликнет она в других стихах, увлекающих своей сказочной фантастичностью. Или, к примеру, стихи «Гонец неземного эфира...», где получается особый и загадочный оттенок поэтического слова, который и придаёт жизни магнетическое напряжение, заставляющее автора «пи-

сать в неизвестную вечность, / Любить неизведанный Свет!» В русле этой метафорической образности не следует ставить во главу угла и сам критерий соответствия реальности в поэзии. Он в творчестве Н. Егоровой весьма условен. Метафорическое восприятие мира, напряжённая образность, космическая интуиция — дистанцируют художника от его текста. «Поэт начинается там, где кончается человек», — утверждал испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет, подразумевая то, что поэту открыто гораздо больше, чем обычному человеку, он способен творить то, чего нет, несуществующее. По мнению великого мыслителя и писателя Льва Толстого, именно только «реальное изображение жизненных безобразий есть самая большая ложь в искусстве, ибо не из них состоит жизнь». Нечто недостижимое, невидимое в реальности бытия пытается найти и Н. Егорова, пытается постигнуть тайну слова. Слова и реальности исследовал Н. Бердяев в книге «Судьба России». Он писал: «Слова имеют огромную власть над нашей жизнью, власть магическую. Мы заколдованы словами и в значительной степени живём в их царстве. Слова действуют как самостоятельные силы, независимые от их содержания». Магическая власть слова, творящего чудеса, живёт и в поэзии Н. Егоровой, в нём одном заключается и великое счастье, и неизживаемая боль поэта.

Достаточно тонко и не так просто, как могло бы показаться на первый взгляд, раскрывается в творчестве Н. Егоровой и философия любви. Впрочем, сколько людей — столько историй любви. Исконная женская судьба выпадает у автора из обычного празднично-бытового ряда: любовь приобретает как всеобъемлющее, равносильное космическим стихиям, так и личное, глубоко исповедальное звучание. «За каплю веры — свет в ночном окне — / Грозится век десницею своей. / Я всё отдам, но дело не в цене. / Служу Любви, как лучшей из идей», — это великое чувство она обязательно укрепляет верой. «Бог есть любовь», — лаконично сказано в Священном Писании (1 Иоанна. 4: 8), но не секрет, что постижение данной истины требует порой целой жизни. Любовь и даётся нам как великий дар, как предназначение нести свет:

*Диктуют звёзды, поджидает рок,
Грозится смерть, смакуя слово «прах»,
Но солнцем жжёт огонь в разрывах строк
И вспыхивает вьюгами в мирах.
А в подворотне старенький фонарь
Скрипит всю ночь — киваю фонарю.*

*В морозный шарф закутавшись, январь
Звонит коньками... Я опять люблю...
И учит непрожитая зима
Вставать со льда, собрав осколки сил.
Но что мне целый мир, коль я сама —
Вселенная в снегу ночных светил!*

Невозможно запрограммировать жизнь, «любовь случайна...», она, словно «невызнанная тайна», не бывает без страсти: «Надену сарафанчик продувной. / Качну качели в неподвижных звездах. / Смешает ветер волосы с листвою, / И месяц раскачается в березах. / Всплывут со дна кувшинок огоньки / Огнем любви и ревности забытой. / Спою, взлетев над омутом реки, / О вечной страсти дерзко и открыто». К тому же все ее произведения о любви проникнуты лиризмом, что-то есенинское сквозит в таких стихах, как «Вечный май, горячий бред любовный...» — вещь «дерзкая» и редкая для сегодняшней русской лирики.

Только любовь способна возвысить нас над бренностью бытия: «А всё ж мы любили, и выжить на свете смогли мы...» — благодаря любви, нежной, спасительной и всемогущей, убеждена Наталья Егорова. Ибо настоящая любовь вне времени. Она может ждать хоть целую вечность — любовь предопределяет жизнь и судьбу.

И вполне закономерно, о чём бы ни писала Наталья Егорова, к каким бы темам и образам ни обращалась, в её творчестве всегда ярко выражены грани православной традиции, на которой базируется русская литература. Валерий Хатюшин в критическом очерке «Без Божества» пишет о том, что «выше Бога нет ничего, и, хотя бы только по этой причине религиозное чувство в человеке и в конечном счёте в художнике выше и важнее чувства эстетического». Известный поэт и публицист обращает внимание и на момент «отрицательной творческой энергии», когда художник намеренно отказывается от сакрального, сосредотачиваясь лишь на самовыражении, что в конечном итоге приводит его к духовному опустошению. Читая, поэзию Натальи Егоровой, как раз и убеждаешься, что феномен русской культуры и искусства вне своей религиозной природы и традиции не имеет смысла. Её произведения впитали многомерность, многосложность этой единой культуры, она сама живёт в её большом времени, оставаясь честной перед собой и перед читателем.

Всё в мире имеет путь и цель, всё движется к своему началу, к всеобщей жизни, сотворённой Господом. Собственное начало и заключает в себе это удивительное умение возвра-

шаться к истокам. Поэзия Натальи Егоровой возвращают нас к истокам народной памяти, к сокровенным истокам художественного образа Руси, к ясному осознанию единства всего живого на земле с единством бесконечного космоса. И возвращаться свойственно не только птицам, но и людям. Должна быть в жизни какая-то логическая завершённость. «Быть и сбыться — времени назло», — так скорбная и светлая поэзия Натальи Егоровой продолжает побеждать само время, продолжает покорять великой правдой, добром и красотой.

Завершая путешествие-исследование в мир поэзии Натальи Егоровой, с лёгким изумлением нахожу у неё и эти потрясающие стихи, настолько отчётливо, пророчески они звучат, словно написаны сейчас и адресованы нам всем, страстно мечтающим о любви и единении в столь смутные, неясные времена:

*Дорогие мои, я прошу — продержитесь подольше,
Проживите побольше на этой веселой земле.
Пусть в прихожей смеется залетной судьбы колокольчик,
И глазунья шипит на тяжелом дубовом столе.
Это просто, как жизнь. Надо только поверить: ты — вечен!
И любить эту землю и этих небес полюблю.
И отступится зло. И окажутся долгими встречи.
И обиды, и ложь не польстятся на душу твою.
Так сойдемся же в круг и степенно беседу затанем
Всё о том же, о том, что нас больно и ясно роднит.
Пусть гармошка поет и летает над кринкой с геранью,
Словно красная птица над красною птицей парит.*

г. Минск

Павел БОЯНКОВ,
протоиерей

«ПРИБЛИЖАЕТСЯ УТРО»

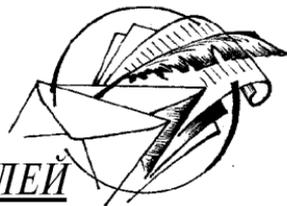
С творчеством Валерия Васильевича Хатюшина я познакомился еще в 1989 году, когда у меня в руках оказалась книжка «Вечерний свет», изданная «Современником». В содержании я тогда же сделал целый ряд карандашных пометок, выделив понравившиеся стихи.

И вот по прошествии многих лет библиотека моя украсилась и обогатилась 6-томным собранием сочинений Валерия Васильевича. Но начал я его читать с писем и публицистики.

Сразу возникло отчетливое ощущение панорамы, мозаики, летописи. Годы 1985—1990, молодость со многими надеждами и, одновременно, неотвратимость надвигающейся катастрофы, погром 1991—1993 годов, далее — со всеми остановками...

Начиная с 1990 года, т.е. на протяжении 30 лет (юбилей!), Валерий Васильевич несет боевую службу в журнале «Молодая гвардия», а с 2009 года является его бессменным главным редактором.

«Когда говорят пушки, музы молчат». Это крылатое выражение к творчеству Валерия Хатюшина едва ли применимо. Его публицистические и



ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

критические орудия прямой наводкой поражают противников Православия и России, а поэтическая муза способна удивить самых утонченных ценителей лирики.

19 июня 2020 года Валерий Васильевич стал первым лауреатом открытой поэтической премии имени Афанасия Фета, учрежденной администрацией Мценского района Орловской области. Он удостоен этой награды за книгу духовной лирики «Вино и хлеб». Замечательно!

«Сторож, сколько ночи? Сторож отвечает: приближается утро, но еще ночь» (Ис. 21: 11-12) Не о наших ли временах написано это? Веруем и исповедуем, что смута на Русской земле не вечна и, по неизреченной милости Божией, мы доживем до дня, когда над всей Россией будет безоблачное небо и не только Крым, но и самый Кремль будет наш!

Год юбилея — хороший повод для подведения **промежуточных** итогов и 6-томное собрание сочинений — исключительно весомый и важный труд. Но жизнь не стоит на месте и хотелось бы увидеть ее творческое отображение на страницах дополнительного 7-го тома, ибо число это воистину сакральное.

И, наконец, согласно одному из толкований Библейской энциклопедии, юбилей это — протяжный трубный звук. Так возгласим же многолетие рабу Божию Валерию с молитвенным пожеланием здоровья душевного и телесного и во всем благого поспешения!

г. Минск